

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2023, №1

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филос.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацьшен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Branch of Science (in the Russian Federation):

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Жилина Л.В. Изменение в восприятии и отношении японских и российских студентов к стране-соседу (сравнение опросов 2007–2012–2021 гг.)	6
Белозёров В.В. Выставки японского детского рисунка в СССР: рисуя Японию, показывая мир	27
Мещеряков А.Н. Продолжительность жизни в Японии (XVII – первая половина XX вв.)	46
Овчаров А.О. Финансовые кризисы и финансовое заражение в Японии	59
Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение?	80
Торопыгина М.В. «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю», 1927–1932) издательства «Синтёся» в контексте истории японской книги	94

Научная жизнь

Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Саркисов К.О., Добровольский В.Н., Лебедева И.П. Круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен»	111
---	-----

Книжная полка

Дьяконова Е.М. Комедия положений, характеров и нравов. Рецензия на книгу Дзиппэнся Икку «На своих двоих по тракту Токайдо»	130
---	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2023, № 1

CONTENTS

Zhilina L.V. The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021)	6
Belozyorov V.V. Exhibitions of Japanese children’s drawings in the USSR: Depicting Japan, showing the world	27
Meshcheryakov A.N. Life expectancy in Japan (17 th – first half of the 20 th centuries).....	46
Ovcharov A.O. Financial crises and financial contagion in Japan	59
Shvydko V.G. Fumio Kishida’s first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?	80
Toropygina M.V. <i>The Complete Works of World Literature</i> (<i>Sekai Bungaku Zenshū</i> , 1927–1932) by Shinchōsha publishing house in the context of the history of Japanese book	94
<i>Academic Life</i>	
Streltsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V., Sarkisov K.O., Dobrovolsky V.N., Lebedeva I.P. Roundtable “Unification Church in Japan as a Sociocultural and Political Phenomenon”	111
<i>Book Review</i>	
Dyakonova E.M. An observational comic novel of manners. Review of the Russian edition of the book <i>Footing It Along the Tōkaidō</i> by Jippensha Ikku	130

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-6-26

The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021)

Zhilina Larisa V.

F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. With the increase in cross-border educational contacts thanks to the Internet, the importance of obtaining objective, rather than stereotypical, ideas about foreign countries and their citizens by young people increases.

One of the several contributory reasons of choosing university students as a target group for our research is the fact that education is closely tied to a nation's growth and development, which strengthens social cohesion and the active civic participation of the youth. Also, the reason for focusing on students is that it is presumed that university students (future university graduates) would, perhaps inevitably, have firsthand connection or experience with political matters in the future, and so they will influence their country's future politics and international relations in the Asia Pacific Region.

The main aim of this study was to examine the changes in public perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the other country from 2007 to 2021. This study does not concentrate on political developments, but assesses changes and variations in students' perceptions, images, and attitudes towards Russia and Japan over the 15-year period, seeking to identify the key events that inspired the identified perceptions and reactions. The surveys of Japanese and Russian university students conducted from 2007 to 2021 serve as the empirical basis for this study.

In recent decades, images of countries have attracted close attention of scholars from around the world. When we launched the study, to the best of our knowledge, there were no other long-term studies that investigated these topics among this target group. This paper aims to fill this scholarly gap in literature by exploring and discussing the above-mentioned topics.

Keywords: images of states, Japanese students, surveys, students' attitudes, perceptions.

About the author: Zhilina Larisa V., PhD in History, Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, F.M.Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk, Mira Str. 55-A) ORCID 0000-0002-6337 3870, E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Для цитирования: Жилина Л.В. The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021) [Изменение в восприятии и отношении японских и российских студентов к стране-соседу (сравнение опросов 2007–2012–2021 гг.)] // Японские исследования. 2023. № 1. С. 6–26. (На англ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-6-26

Изменение в восприятии и отношении японских и российских студентов к стране-соседу (сравнение опросов 2007–2012–2021 гг.)

Л. В. Жилина

Омский Государственный Университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Аннотация. С увеличением трансграничных образовательных контактов, которые происходят благодаря интернету, возрастает важность получения молодыми людьми объективных, а не стереотипных представлений об иностранных государствах и их гражданах.

Одной из причин выбора студентов университетов в качестве целевой группы для нашего исследования является тот факт, что образование тесно связано с ростом и развитием нации, что, в свою очередь, укрепляет социальную сплоченность и активную гражданскую позицию молодежи. Кроме того, причина сосредоточения внимания на студентах заключается в том, что именно студенты, которые вскоре станут выпускниками университетов, возможно, неизбежно будут иметь непосредственные связи или опыт в политических вопросах в будущем, и логически предполагается, что они будут влиять на будущую политику своей страны и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основная цель настоящего проекта состояла в том, чтобы изучить изменения в общественном восприятии и отношении японских/российских студентов к России/Японии в период с 2007 по 2021 г. Это исследование не концентрируется на политических событиях, а скорее направлено на мониторинг изменений и различий, которые произошли за последние пятнадцать лет в восприятии образов стран-соседей и в отношении к России/Японии японских/российских студентов, а также на анализ того, что спровоцировало подобное восприятие и реакцию. Эмпирической базой настоящего исследования послужили проведенные в 2007–2021 гг. опросы студентов японских и российского университетов. В последние десятилетия образы стран привлекают пристальное внимание ученых всего мира. Когда мы начали исследование, насколько нам известно, не было информации о других исследованиях по изучению обозначенной выше темы именно среди этой целевой группы – студентов университетов. Таким образом, данная статья призвана заполнить этот пробел в исследованиях путем изучения и обсуждения упомянутых выше тем.

Ключевые слова: образы государств, японские студенты, опросы мнений, установки студентов, представления.

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Факультета Филологии, Переводоведения и Медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск, пр-т Мира 55-А). ORCID 0000-0002-6337-3870, E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жилина Л.В. The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021) [Изменение в восприятии и отношении японских и российских студентов к стране-соседу (сравнение опросов 2007–2012–2021 гг.)] // Японские исследования. 2023. № 1. С. 6–26. (На англ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-6-26

Introduction

Trust towards neighbors is especially important both for promoting cooperation and for establishing informal ties, as it contributes to overcoming differences and even conflicts that may include territorial tensions and disputes. At the grassroots level, social integration occurs easily between neighbors with higher levels of trust [Nye 1990; Rippl et al. 2009]. On the other hand, large socio-cultural dissimilarities result in mental borders that have a negative impact on cross-border interactions [Houtum 1999].

As stressed in previous works by researchers of mutual images of Japan and Russia, public opinion surveys reveal the predominant vectors in Russian-Japanese relations that strongly correlate with the evolution of mutual images. The key points of correlation exhibit interrelated ‘mirror’ dynamics that are connected with the events happening in bilateral relations. These surveys, in turn, also have an effect on real politics and relations between states [Chugrov, Streltsov 2017, p. 23]. In this connection, it is equally important to note that geopolitical orientations represent a relatively volatile element of political culture and identity, subject to change under the influence of media. Furthermore, mass media, culture, communications, and social mobility all contribute to political socialization of young generation, and the media, as a soft power instrument, influences the young people’s opinions and views of international issues.

Taking the aforementioned into consideration, this study explores the evolution of Japanese/Russian students’ perceptions of Russia/Japan at an informal level of learning.¹ The popular usage and universal confidence are the main qualities of public opinion stereotypes, thus the understanding of values attributed to stereotypes must be simple, clear, and easily perceived by people. However, it is expected that persons with more formal university education have higher reading and comprehension abilities, which are necessary to attain knowledge on diverse issues. This was one of the several reasons for choosing university students as the target group for our questionnaire/opinion poll. Another reason is that university level education evaluates communication skills of the students, which are an important factor that is improved through university education. Also, compared to other adult populations, university students exhibit less financial independence but have more free time and engage in broader activities [Hatabu et al. 2020]. It can be stated that education generally indicates a broader sphere of everyday activity, a greater number of reference groups, and more interpersonal contacts, which increases the likelihood of discussing public affairs with others. Moreover, university students are independent of their families, form their own identities, and they are very concerned about how they present themselves and how people see them. In this context, self-consciousness [Fenigstein et al. 1975] is considered a factor significantly influencing young people’s behavior. It can be assumed that the extroverted nature of active interaction with others determines university students’ formation of their own point of view and their own opinions.

University days are the most crucial period in forming one’s self-will, and university students are much more likely to act on their self-judgment than other students. In addition, university attendance has been mentioned to lower prejudice levels and increase global issue awareness. Another reason for focusing on students was that it was presumed that the university students would, perhaps inevitably, have firsthand connection or experience with political matters in the future. This was also one reason why they were considered to be the preferred group to examine attitudes and perceptions toward neighboring countries. For all these reasons, the opinions of university students must be an important consideration for the research. In my study, an opinion poll was used to ascertain the possibility that views and opinions may have been specific to certain groups, i.e., students.

The main aim of the research

The aim of this survey is to monitor long-term changes in Japanese and Russian students’ sources of information toward the neighboring state and perceptions and attitudes concerning the

---

¹ Informal learning takes place outside universities and arises from the learner’s involvement in activities that are not undertaken with a learning purpose in mind. It is involuntary and an inescapable part of daily life; for that reason, it is sometimes called experiential learning. Formal or non-formal learning is partly intentional and partly incidental: when we consciously pursue any learning target, we cannot help learning things that are not part of that target. Informal learning is exclusively incidental.

neighboring country by conducting the survey using the same questions, and to do an analysis of the evolution of the students' perceptions of the neighboring country by comparing the data of the previous 2007 [Zhilina 2010] and 2012² [Zhilina 2015] surveys to the 2021 survey.

Materials and methods

Study design, participants, and data collection

An opinion poll is a scientific and representative survey designed to measure the views of a specific group. For my analyses, I used three datasets, which allowed for an examination of the changes of Japanese students' perception of Russia and Russians and Russian students' perception of Japan and the Japanese over the past fifteen years.

Seven universities participated in this study: JWU (Japan Women's University) – 2007, Aoyama Gakuin University – 2012; Kansai University, Takushoku University, Osaka City University, Kobe University – 2021 and Dostoevsky Omsk State University (OmSU) – 2007, 2012, 2021. The Japanese students at the named universities majored in Political Studies, Natural Sciences, Medicine, Philology, History, Mathematics, Foreign Studies, Law, Economics, and Global Cultural Studies. The respondent sample size opinion poll at the universities was 400 students per side (Japanese and Russian students). However, in 2021, the number of surveyed respondents in Japan declined to 155.³ The unwillingness to participate in studies has been a matter of concern for sociologists in Japan who recognize that the circumstances under which social research is conducted in Japan has been deteriorating and are now considered critical [Inaba 2007]. Consequently, the 2021 study had less participation than had been hoped for. Nonetheless, we feel confident that the results represent a sufficiently stratified random sample to make generalizations about the youth population.

The studies were performed in April 2007 – October 2007, in April 2012 – July 2012, and in April 2021 – July 2021. The population observed in this project was Japanese and Russian students between 17 and 24 years of age.

The studies were based on the results of a paper questionnaire and personal interviews (2007, 2012), as well as an online survey in 2021,⁴ where respondents were asked to fill out the questionnaires. Participants gave their consent by anonymously filling out the survey questionnaire. The first and second datasets, namely, the 2007 and 2012 surveys were conducted and collected at university classes and given only to the students who were eager to participate in this research. Both sets of data were obtained from representative surveys previously conducted in Japan and Russia. The third dataset came from a 2021 online survey.⁵ The data collection procedure followed the next steps: an initial email was first sent, where the purpose of the study was explained and

---

² The research projects "Student's representations of neighboring countries: Japan and Russia. Comparative studies" were supported by Japan Foundation Fellowship Program in 2007 and 2012.

³ The dominance of online research in Japan can be surprising to those less familiar with the country. When people are overwhelmed with various online surveys, they may simply ignore them. Another reason of lower participation in online surveys is the hesitancy to put information online due to abuses of personal data. Thus, responses to online surveys in Japan are less than administered. Also, to conduct online research in Japan, online surveys should work well on mobile devices. This is important, as the Japanese are more likely to use their smartphones to access the Internet rather than a PC or other devices. Teens and young adults (especially those in their 20s and 30s) tend to participate in online surveys using their smartphones.

⁴ Due to the emergency (caused by COVID-19 restrictions in both countries) this cross-cultural study was administered as an anonymous survey using a questionnaire constructed by using Google Forms. We distributed our online survey via the Internet thanks to university professors and instructors of universities mentioned above. Responders answered the questionnaire online. The data was collected in April – July 2021.

⁵ Online research methods remove human interaction, encouraging participation from respondents who may not enjoy the process of a face-to-face interview in the focus group. Respondents could relax without the pressures of communicating directly with another individual and were more likely to give honest and detailed responses when giving answers at their own leisure.

where respondents were asked to participate. It is also important to mention that confidentiality of the data collected was ensured.

There is evidence [Harzing et al. 2002] that the language of the questionnaire affects the way respondents answer the same question, which argues against the use of single-language surveying. That is why, in order to overcome language barriers and reduce the risk of misunderstandings, surveyed students responded the questionnaire in their native languages (which was distributed both in Japanese for Japanese students and Russian for Russian students).

As was mentioned above, our 2007 and 2012 surveys were aiming to cover the same topics as the 2021 survey, so I am going to compare the results of our 2021 poll with those of 2007 and 2012 to see if the results are similar or not. There was a slight difference in the form of survey – a paper questionnaire (2007 and 2012) and an online survey in 2021. Additionally, there was a difference in the mode of data collection (paper-questionnaire based personal interviews vs. online survey). But we should stress that low response rates for online questionnaires are a recognized problem for Japanese researchers as well [Inaba 2007; Rindfuss et al. 2015].⁶ Detailed inspection of the data showed, however, that these differences posed no serious problem for a comparative analysis.

Instrumentation

As for the examination of perceived national images, interviews with different groups can be the better choice. A questionnaire was developed by the author for use in this study and contained: demographic information including gender, respondents' majors (university), age, and nationality; 3 closed-ended and 3 open-ended question items about sources of information on the neighboring state and its sufficiency about the neighboring state, its people, and their traits. The open-ended questions required a narrative answer in the form of a word or several words and provided participants more space and opportunity to offer private opinions on researched topics, allowing the collection of the maximum amount of information on the topic, which was very important for this study. Open-ended questions allowed respondents to state their opinions in their own words and not fit into possibly limited categories. Regarding open-ended responses, the diversity of words chosen by the students was quite large and the codification of responses was done by ranking of repeating words, and these were analyzed according to recorded frequency. In order to understand the views of the students, we analyzed the questionnaire, the questions of which gave the explanation of the Japanese/Russian students' representation of the neighboring country and its people. Students' responses to the open-ended items were first translated into English and then coded and placed in themes, where percentages of each theme were calculated to facilitate comparison.

Results: general comments

Sources of information and its sufficiency

Taking into consideration that the formation of a country's image in people's minds occurs on the basis of available information, it is necessary to know where the information shaping the image and ideas about a given state comes from. The results of the 2021 survey indicate that 32.8% of Japanese university students use the Internet for learning about Russia.⁷ At the same time, 43.7% of Russian respondents do this⁸ (Table 1).

---

⁶ While last poll rate does not seem high, it is in line with recent response rates of public opinion surveys in Japan (academic surveys in particular), which have declined in recent decades.

⁷ 69.7% of all Japanese students participating in the poll.

⁸ 96.7% of all Russian students participating in the poll.

Table 1. Sources of information about the neighboring state for Japanese/Russian students

Sources of Information	For Japanese Students (on Russia) %			For Russian Students (on Japan) %		
	2007	2012	2021	2007	2012	2021
The Internet	12	17.4	32.8↑	5.6	35.4	43.7↑
TV	42.1	48.2	25.5↓	42.8	28	20.2↓
Books	5.8	4.5	10↑	9.9	7.2	10.3↑
Lectures	3	13.2	20↑	5.6	4.8	3.1↓
Talking with friends	2.8	5.5	3.6↓	4.6	5.9	16.4↑
Journals	2.2	2.5	1.5↓	12.1	5.	3.3↓
Newspapers	31	7,9	4.7↓	11.3	8.7	0.5↓
Radio	1	0.8	1.2↑	8.1	4.9	0.7↓
Others	0.1	-	2.1↑	-	-	1.8↑

Created by the author on the basis of surveys conducted at the universities of Japan and Russia in 2007/2012/2021

Traditionally, in Japan, public opinion has been shaped primarily by the mass media and organizations with strong political power to influence it. Individual citizens who make up the media audience have only had an indirect influence. In the Internet age,⁹ however, it is no longer the case of the mass media simply delivering news to readers, listeners, and viewers. Audience members can contribute to the process by disseminating their reactions on Facebook, Twitter, and other social media or blogs.¹⁰ Meanwhile, the rate of Internet use is especially high in younger generations compared to other age groups. Many experts support the assumption that it is the students' audience which is becoming more and more influenced by the Internet and social networks as a ready source of information.¹¹ The survey revealed that the reasons students preferred using the Internet as the medium to search for information are multiple: it is user friendly, information is relevant and interesting, vast amount of information is available, information is interactive and personalized, and there is the opportunity to discuss information and share it.

The number of the students watching TV for news has changed significantly. In 2007 and 2012, TV news coverage of foreign countries exerted a greater influence on Japanese and Russian students' opinion about Russia and Japan than that on the Internet. Compared to print news media, television news opt for simplified and visually focused formats, which may hinder viewers' understanding [Robinson et al. 1986]. However, some studies [Neuman et al. 1992] show that television news may facilitate political knowledge gain involving more abstract information. But, as far as one can see from Table 1, in 2021, the number of Japanese students mentioning TV as a source of information about Russia has dramatically declined, from 48.2% (2012)¹² to 25.5%¹³ (2021) (almost halved). As for Russian students, this number declined less than in Japan – from 28% (2012) to 20.1%¹⁴ (2021).

⁹ For example, in 2016, the Internet penetration rate in Japan was 93.2%, which was the highest among Asian countries (e.g., South Korea=92.8%, Hong Kong=87.5%, Singapore=81.0%, Taiwan=79.8%). See: United Nations. Statistical Yearbook. 2016 edition, Issue 59.

¹⁰ Kimura, T. (2017). The Internet, Media, and Public Opinion in Japan. <https://www.nippon.com/en/currents/d00333/> (accessed: 22.09.2022).

¹¹ International Telecommunication Union. ICT facts and figures; 2017 (2017).1–8. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/ICTFactsFigures2017.pdf>. (accessed: 22.09.2022).

¹² In 2012 – 42.1% of Japanese and 42.8% of Russian respondents chose TV.

¹³ 54.2% of all Japanese students participating in the poll.

¹⁴ 44.6% of all Russian students participating in the poll.

Lectures

In comparison to 2007 and 2012, in 2021, the number of Japanese students who learnt about Russia from lectures dramatically increased – 20%¹⁵ of Japanese students chose lectures as the source of information on Russia. As for Russian respondents, the number of students who obtained information about Japan from lectures reached the lowest level, decreasing from 4.8% (2012) to 3.1% (2021).

Books

In 2021, the next significant source of information about Russia for 10%¹⁶ of Japanese respondents were books (5.8% in 2007 and 4.5% in 2012). This is a significant development, as all other recorded sources decreased, but books saw more than a twofold increase compared to 2012. In 2021, 10.3 %¹⁷ of Russian students chose books as well (9.8% in 2007, 7.2% in 2012). These findings reveal that the students from both countries preferred books as their source of information compared to newspapers and journals. Meanwhile, in 2021, only 1.2% of Japanese students (0.8% in 2012, 1% in 2007) and 0.7% of Russian respondents (8.1% in 2012, 4.9% in 2007) chose radio as their primary source of information about the neighboring state.

Talking with friends

In 2021, 16.4%¹⁸ of respondents from Russia (5.9% in 2012, 4.6% in 2007) believed that they critically analyzed information about Japan when they were talking with their friends. The recorded increase suggests that talking with friends is in fact likely to be one of the most important sources of information for Russian students and is instrumental for keeping track of the behaviors of individuals and groups in the social environment [McAndrew et al. 2002]. As such, knowledge or beliefs gained from talking with friends are based on various social beliefs [Sommerfeld et al. 2007]. However, only 3.6%¹⁹ of the Japanese responded that they trusted their talks with friends as a source of information about Russia (5.5% in 2012, 2.8% in 2007). However, we can see that information that is particularly communicable/conversational will tend to be shared repeatedly through communication chains, thereby becoming part and parcel of a society's beliefs about individuals and groups.

Based on the gathered data, we can safely determine that, among young people in Japan and Russia, Internet use (which is a part of their daily routine) is a respectable source of information about the world and about neighboring states, becoming an indispensable instrument for information search. It means that most of the students depend on it for information. We can see the impact of the Internet on university students' perceptions of neighboring states. But we should do this by considering the adjustments that a television-dominated culture (Japan in 2007 and 2012; Russia in 2007) makes in a society where Internet communications also play an important role. However, at the same time, it can be concluded that students sometimes tend to overestimate the influence of the Internet on beliefs and behavior of others and underestimate its influence on themselves.

Sufficiency of information

With its ability to sort data quickly and collate and present large numbers of varied points of view, the Internet is gaining popularity as the preferred means of obtaining information that is curated to one's needs and conveniently available. Most of the young people of both countries who get their news online explore a variety of different news topics online. Nevertheless, in 2021, 71% of Japanese students (77.5% in 2012, 73.7% in 2007) and 37.1% of Russian students (36.2% in 2012, 55.5% in 2007) said that available information on the other country had been insufficient for them. Meanwhile, in 2021, 33.8% of Russian respondents (43.5% in 2012, 17.9% in 2007) were satisfied with the

¹⁵ 42.6% of all Japanese students participating in the poll.

¹⁶ 21.3 % of all Japanese students participating in the poll.

¹⁷ 22.8 % of all Russian students participating in the poll.

¹⁸ 36.1 % of all Russian students participating in the poll.

¹⁹ 7.7 % of all Japanese students participating in the poll.

amount of information available about Japan. And only 7.1% of Japanese respondents (6.3% in 2012, 3.3% in 2007) were satisfied with the amount of information on Russia.

The high share of Japanese and Russian respondents who stressed the insufficiency of information on the neighboring state may be interpreted in two ways: as having a negative effect on their intention to seek information about the foreign country, or as a wish to get more information about the close neighbor. This nonetheless clearly suggests that both Japanese and Russian students are interested in learning more about their close neighbor, and this lack of information represents an opportunity for policy makers to address.

Neighboring country

As was previously mentioned, the survey contained open-ended questions inviting respondents to share their first associations about Japan/Russia. To understand the opinions of the students, we analyzed the open-ended responses for extra information. In this regard, and to understand Japanese/Russian students' attitudes towards the neighboring state, we asked them to list the key things they associated with Russia and Japan.²⁰

1. Geographical associations

Geopolitical perceptions are created through the process of socialization and are influenced in part by the national system of education. However, in recent times, TV and other media have an increased influence on the political socialization of young people [Paletz et al. 2011, pp. 263–265] and perceptions of geopolitics. In this regard, we should note that national landscapes represented in movies and other media greatly influence the students' mental images and attitudes towards places and people. In 2021, 24.7% of Japanese (8% in 2012, 9.7% in 2007) and 6.4% of Russian students (8% in 2012, 6% in 2007) spoke about the other country by using key words referring to geographical associations key words (Table 2).

Table 2. Associations with Russia for Japanese students (2007, 2012, 2021)

Associations with Russia	2007 (%)	2012 (%)	2021 (%)
Cold climatic conditions	25.9	16.1	18.7↑
Geographical associations	9.70	13.8	24.7↑
Historical and political figures	8.90	7.2	19.3↑
USSR, socialism, communism, CPSU	8.30	7.9	6.7↓
Sport and athletes	6.60	3.7	6.0↑
National cuisine	6.30	7.1	6.0↓
Negative incidents and facts	7.50	6.1	5.3↓
National dances, ballet, shows, culture	4.60	1.7	5.0↑
National symbols	5.70	4.4	3.3↓
Beautiful people (women) with white skin	4.60	6.1	2.7↓
Northern Territories	2.80	5.2	1.3↓
Particular color	2.70	2.6	-
Others	6.40	15.1	1.0↓
No answer	-	3.0	-

Created by the author on the basis of surveys conducted at the universities of Japan in 2007/2012/2021

²⁰ What words first come to your mind that you would associate with Russia/Japan?

Russian respondents described Japan as “islands in the ocean,” “isolated archipelago,” and “closest neighbor,” just to name a few examples. In association with Japan, they named such cities as Tokyo, Kyoto, Osaka, as well as islands – Okinawa and the Kuril Islands. Russian students described Japan as “an isolated island,” “archipelago in the Pacific Ocean,” “Far Eastern neighbor,” etc. A notable open-ended response described Japan as “an island nation located to the east of our country. It is not an ally, but I have a warm attitude towards Japan because of their culture and partly their worldview.”

The proportion of “don’t know” responses was never higher than 3% in case of responses to the question regarding perceptions of the neighboring country.

The stereotyped image of Russia for Japanese students is influenced mainly by the media. The high awareness of Russia determines the key associations with this country, although there are some changes compared to the previous survey. In 2021, Japanese respondents considered Russia primarily from the geographical perspective (24.7% in 2021, 13.8% in 2012, 9.7% in 2007). Russia, for Japanese respondents, is “one of the biggest countries in the world,” “Russia is a huge place with many different people living there,” “a country with a large territory and diverse cultures,” “it occupies a huge territory,” “northern country,” “Siberia” (“Trans-Siberian Railway”), and “country near Hokkaido,” or, “geographically, Russia is a very big part of East Asia.” The cities mentioned by the Japanese respondents were represented by such well-known cities as Moscow, Saint Petersburg, and Vladivostok. But Japanese students also mentioned, not only in terms of civilization, but also politically and economically, that Russia is “distant neighbor,”²¹ “neither European nor Asian” (“a country with a very large land area. It’s a country geographically close to Japan, but it doesn’t feel very close to me,” “the country is big and the military power is strong”). In other words, geopolitical images were the prevalent ones for both Japanese and Russian respondents.

Speaking about Russia, most Japanese participants also mentioned “cold climatic conditions,” “image of a cold country,” where “it’s always cold,” “severe, terrible winter,” “low temperature,” “strong cold,” “snow country,” “image of cold country, where people wear fur hats and many pieces of clothing” (16.1% in 2012, 25.9% in 2007). In 2021, this trend was observed among the Japanese students as well (18.7%). Moreover, cinematic productions that featured national landscapes influenced both sets of respondent students’ mental images of the respective country. In the case of Japanese students, these were such responses as an “image of a cold country where the people wear fur hats and many pieces of clothing,” “snow country,” etc. In other words, by visualizing landscapes, their characteristics, phenomena, and inhabitants, movies play a crucial role in informing perceptions about other countries. Thus, movies have helped to establish specific landscapes and brought them into national consciousness [Escher et al. 2001].

2. Historical and political figures; historical facts and events

In 2021, 19.3% of Japanese respondents associated Russia with Russian historical and political figures (7.2% in 2012, 8.9% in 2007). In this context, in 2007 and 2012, respondents recalled the names of President Putin, Gorbachev, Lenin, Stalin, Yekaterina II, and Tsar Romanov. In 2021, Vladimir Putin was the most frequently mentioned association with Russia among foreign students. 78.3% of all Japanese students who mentioned historical and political figures in association with Russia mentioned Putin. Some respondents associated Russia with “Putin’s country,” where “Putin is unaware of other active Russian politicians and possesses power almost like a dictator.” Japanese students’ perceptions of the Russian leader were mixed. There were such responses as “President Putin: strong military power,” “Putin’s socialism,” “Putin, Soviet Union, Belarus,” “Moscow, President Putin,” and one response said: “Putin, Zagitowa, Matryoshka, Vladivostok.”

Following a strong trend persistent over the 15 years the studies were conducted, Japanese respondents associated the image of Russia with the names of historical figures and political leaders of the country. However, in 2021, the number of Japanese students who mentioned President Putin

²¹ Russian respondents called Japan “close neighbor” and “Far Eastern neighbor.”

dramatically increased.²² However, it is not uncommon that a politician or leader may, through themselves, project his or her nation's reputation abroad, serving as the principal agent [Snow 2009] of the national image. As it was reflected in previous works of researchers studying images of political leaders, as a result of attempts to make complex information easier to process, the media has increasingly focused on the nation's leader rather than international political processes and developments. As a consequence, a country's image in the media abroad "is becoming to a large extent a reflection of its leader's image" [Balmas et al. 2014, p. 992]. The reason for this might lie in the information readily available about foreign political leaders and a low motivation to actively seek information about them [Pancer et al. 2002]. At the same time, news stories connected to a foreign politician's images are often strongly connected to their personal qualities and might therefore be more interesting; thus, the reader might be more receptive to the information provided [Ingenhoff et al. 2018, p. 4510]. An interesting comparison may be that "Putin" as the Russian leader seems much more central to Japanese images of Russia than the Japanese leaders are to the image of Japan. The current president of Russia was the most frequent association with Russia for Japanese respondents.²³

As for Russian students, in 2021, only 3% associated Japan with historical events and facts (7.4% in 2012, 2% in 2007): Japan is "a land of ancient history," "Russo-Japanese War of 1904–1905," "Tsushima Naval Battle," "Tokugawa period," as well as "bushido" and "shogunate". They also mentioned "Pearl Harbor," "Nanjing Massacre," "August 6, 1945," "atomic bombs were dropped on Hiroshima, Nagasaki," "Second World War – negative incidents," "Aum Shinrikyo subway attack." Here, we can see that the national image of Japan for Russian students is essentially a historical image. Students also referred to "Japan as an isolated island nation with very great unique history." Mentioning historical figures, only few mentioned Emperor Shōwa (Hirohito), who was the 124th Emperor of Japan, ruling from December 25, 1926 until his death in 1989.

In 2007 and 2012, Japanese students associated Russia with the "USSR" and "communism" and further linked their images of Russia with "USSR," "socialism," "communism," and the "Communist Party of the Soviet Union (CPSU)" (7.9% in 2012, 8.3% in 2007) – "the strong image of socialism and the collapse of the Soviet Union," "the Former Soviet Union." USSR and its political system and culture were represented as "authoritarian," as "an actual military" and "political threat." In 2021, the percentage of such associations in Japanese students' responses became less significant (6.7%).

3. National cuisine (food)

The ranks of other values associated with the neighboring country are also quite similar. In 2021, 10% of Russian (11.7% in 2012, 13.5% in 2007) and 6% of Japanese students (7.1% in 2012, 6.3% in 2007) associated national cuisine with the image of the country. In general, many words used by the students are related to national cuisine. In this connection, we can state that both Japanese and Russian students understand that food also contributes to the construction of national identities, and that national cuisine is one of the symbols that show how nations position food as a part of the national identity. Food, as a metaphor of the nation, thus provides a promising referential framework through which a sense of belonging is communicated [Walravens et al. 2017]. It is a fact that national cuisine is considered a brand that highlights the identity of a particular nation [Solleh 2015, p.162; Nye 2004]. In relation to national cuisine, Japanese respondents named "borsch," "pirozhki," "caviar."

Russian students were aware of Japan's unique and delicious cuisine and listed "sushi," "sashimi," "miso soup," "green tea," "fugu fish." In 2021, they also mentioned "onigiri," "ramen," "Japanese sweets," "curry," and "udon" among their associations of Japan. We should note that the knowledge of Russian students about the culinary features of Japanese cuisine has expanded significantly.

²² In 2021, among Japanese students, Vladimir Putin was the most frequently mentioned person who was associated with Russia. 78.3% of the respondents who mentioned political and historical figures named "Putin" in association with Russia.

²³ Vladimir Putin received about 78.3% of the mentions of Japanese respondents who named political and historical personalities in association with Russia.

In 2007–2012, alcohol featured high for both Japanese and Russian students' perceptions. In 2021, 33% of Japanese students who associated Russia with national cuisine, mentioned “vodka,” but in 2012 it was the highest rate of the 15-years period of the ongoing survey – 47.5%. As for Russian respondents, in 2021, only few of them mentioned “sake” in association with Japan.

4. *Sport and athletes*

Using the Olympics to improve a country's image abroad or to foster relations between countries has been a diplomatic tool since the Olympics in Ancient Greece [Pigman 2010]. Sports events and even individual athletes can become a face of a nation and can speak through their athletic achievements in providing a friendly and positive face to a nation. It can also bring a fresh start to a relationship between nations that may have previously been complicated by problems and distrust [Trunkos et al. 2017, p. 10–11]. In 2021, 6% of Japanese students (3.7% in 2012, 6.6% in 2007) mentioned achievements of Russian athletes and recalled the name of the female figure skater Zagitova,²⁴ Russian figure skating (“Russians raise the level of world figure skating!”) and “World Cup.” These images of Russia operate in combination with individual preferences of students: ice hockey, football, volleyball is strong, judo, figure skating (“Figure skating and rhythmic gymnastics compete for the beauty of expression”).

As for Russian respondents, in 2007 and 2012, some of them mentioned judo and karate as associations with Japanese traditional sports (the number of such responses was insignificant), but, in 2021, there was no association of Japan with any athletic achievements.

5. *Traditional symbols and culture*

Every nation has a number of symbols or emblematic elements associated with it that are intrinsic to its identity and heritage, while, at the same time, the knowledge about a neighboring country and familiarity with its culture – including social norms and symbolic values – is reduced to mere stereotypes [Zotova et. al 2020]. In 2021, 3.3% of Japanese respondents (4.4% in 2012, 5.7% in 2007) and 23.7% of Russian respondents (2.7% in 2012, 12.9% in 2007) associated the other country with such national symbols.

The Japanese students often mentioned “Matryoshka” and “hats made from fur” as associations with Russia. The symbols of Russia were declared to be “balalaika,” “the Kremlin” and “the Red Square,” “the Bolshoi Theatre” and “Christian cathedrals”. This opinion was shared by most Japanese students in 2007, 2012,²⁵ and 2021.

A representation of foreign countries draws heavily on the culture and imagery of the nation. Culture and heritage are important aspects of a country's perception, and culture of any country therefore plays a significant role in the process of promoting a positive reputation of a country. It appears obvious that Russian culture is not forgotten by Japanese students, judging by the references to Fyodor Dostoevsky and Leo Tolstoy. Other classics of Russian literature, such as Anton Chekhov and Maxim Gorky, were also named by some of the students, and the poets Alexander Pushkin and Mikhail Lermontov were mentioned. Also, in 2021, 5% of Japanese respondents associated Russia with “show-performances”²⁶ – “national dances, ballet” (1.7% in 2012, 4.6% in 2007). Owing to the established popularity of Russian ballet, many Japanese try not to miss the opportunity of going to Russian ballet performances while visiting Russia, or when Russian ballet troupes tour Japan. One can assume that the 2018 Year of cultural exchanges between Japan and Russia may account for an improved knowledge of respective countries. The cultural exchange program included numerous

²⁴ Her overwhelming popularity in Japan is phenomenal, with fans recognizing her more frequently than in her home country, and she appeared in a Shiseido commercial.

²⁵ In 2007 and 2012, the Japanese students listed “Laika”, the dog launched into space aboard the Soviet spacecraft Sputnik-2 on November 3, 1957, and “Cheburashka,” a character from a famous cartoon. But there were no such responses in 2021.

²⁶ In 2007, Japanese respondents named Russian girls' pop-group t.A.T.u. as association with Russia (that year, there was the t.A.T.u.-boom in Japan).

cultural events, and interest in Russian culture in Japan was significant, as it was estimated that 10% of the Japanese population participated in or witnessed some aspect of the Russian cultural festival. Given the responses and the focus of the surveys, it can be stated that the interest in Russian culture features highly among the Japanese youth.

Russian youth noted in their associations with Japan that “it is a country with a long history,” “rich culture and varied topography,” naming “Mount Fuji” (“Fujiyama”),²⁷ “sakura,” “rickshaw.” Therefore, many symbols of Japan have developed over the years and are recognized, as, in 2021, traditional symbols of Japan were mentioned by 23.7% of Russian students (2.7% in 2012, 12.9% in 2007). In 2021, among all respondents who mentioned Japanese symbols, every fifth student named “sakura” and only 1% listed “geisha” and “samurai.”

Moreover, for Russian students, “culture is an essential element of Japan’s position in the world.” They stressed that “the unique blend of traditional culture and modernity makes Japan one of the most fascinating countries in the world” (11.8% in 2021, 5.2% in 2012, 18.3% in 2007), and “many Japanese people are proud to be their nation’s citizens.” Among the reasons given by students who thought that Japan is a “great connection between traditional and modern (technology, aesthetics), about a half said it was “because the country is free of conflicts,” and due to the “stability of Japanese society,” where “citizens can simply enjoy traditional meals in peace” (“Harmony is the key to best understand the Japanese culture”). Different kinds of Japanese culture are also known among the Russian youth, such as “origami” or, more rarely, “bonsai.” Only a small share mentioned Japanese traditional poems “hokku,” or “haiku”. Few mentioned Japanese writers, such as “Yukio Mishima” and “Haruki Murakami,” whose novels, essays, and short stories have been bestsellers not only in Japan, but also internationally, selling millions of copies outside Japan.

As for contemporary youth culture, in 2021, 14.4% of Russian university students associated Japan with anime “cosplay” (2.7% in 2012, but none in 2007) – an activity and performance art in which participants called “cosplayers” wear costumes and fashion accessories to represent a specific character. Students mentioned outstanding anime like “One Piece” and “Dragon Ball” (“I like anime, not everything, but some cartoons are really amazing,” “country full of kawaii (cute) things,” “the fantastic world of Anime”) – Japan has indeed kept the world entertained with its constant supply of impressive animation. Respondents named “TV shows” and “TV dramas,” “pop-music,” “J-pop,” “films by Hayao Miyazaki,” and also mentioned “Hideo Kojima” – a Japanese video game designer, director, producer, and writer, who is regarded as an auteur of video games.

6. Economic situation

As observed from the data, Russian students characterized their perceptions of Japan not only in terms of culture, but also in economic terms. In 2021, in positive association with Japan, Russian students mentioned Japan as “a developed country” and a “highly developed nation” – 15.5% (8.2% in 2012, 9.4% in 2007), “highly developed economy and high level of life” – 1.5% (4.2% in 2012, 3.6% in 2007). They noted “good medical services” (“high quality healthcare for almost all people”), “people’s life expectancy.” Respondents stressed that “Japan is a country where everything is for the people” with a “high quality of life”. Moreover, the conviction of Russian youth that “successful economic growth made Japan an egalitarian society where the middle-class life standard was ensured for the absolute majority of citizens” [Lebedeva 2022, p. 6] became for the Russian youth one of the prevalent parts of the image of contemporary Japan. From Russian students’ point of view, all of the above-mentioned is the result of “Japanese education” and “Japanese great educational standard,” as “the Japanese government’s priorities are education, public safety, and public health.” But, at the same time, respondents mentioned “a problem of Japanese society – rapidly aging population.” One may assume, as far as Japan’s favorable image is concerned, that Japanese education serves as one of

---

²⁷ The most famous and tall mountain in Japan has been registered as a World Heritage Site. It can be said that it is a symbol of Japan.

the attractive factors influencing attitudes of Russian students towards this country. In the economic realm, confidence in Japanese producers of automobiles and household electrical goods is quite high. In this context, respondents recalled the names of leading Japanese manufacturers, such as Toyota, Nissan, etc.

As for Japanese students, in 2021, 83.9% of the respondents could not give any explanation of the economic situation in modern Russia (63.2% in 2012, 62.2% in 2007), 10.3% found it “difficult to answer” (10% in 2012, 24.5% in 2007), or “heard something” (24.5% in 2012, 24.5% in 2007), and only 5.8% answered in the affirmative (2.3% in 2012 and 1.8% in 2007). The students who tried to answer the question explained the improvement of the economic situation in Russia by the following: 1. “Russia began to sell oil much more,” “owing to increase of the prices for oil”; 2. “Russia possesses minerals”; “Maybe it is not absolutely true... but it has not the image of a rich state and I think that the extraction of minerals plays an important role”; “after the Cold War and the collapse of the Soviet Union, the economic situation was rather bad, therefore I cannot explain the modern economic situation.”

7. Problems in society and negative incidents and facts

Country perceptions by the students include some negative events, thus suggesting that some conflicts and negative events might and could be magnified through the media. It indicates that international incidents, terrorist attacks, or natural disasters also play a role in shaping a country’s image since they change the existing knowledge that a person might have about the area. Individuals may gradually become more knowledgeable about a place through their exposure to information [Stepchenkova et al. 2008], either through communication activities, or through contact with movies, news, and word of mouth. In this age of cheap and available Internet-based global communication, events can be played out live without censorship or edit, potentially having an even greater impact on the young viewing public, as was the case with the Fukushima tragedy and other disasters and crises. Such statements as “Russia image – country where the situation is not stable” are the result of how the media portrays the country, and this is evident in the attitudes and perceptions of the youth towards the neighboring country.

In 2021, 3% of the Russian students who had some negative emotions towards Japan cited “economic inequality,” “gender discrimination,” saying that “gender inequality is very evident” (“Married women traditionally are confined to domestic matters”) in the country, “with men often holding positions of power.” Respondents tried to explain “mental illness of Japanese people” (hikikomori), “depression,” “substance abuse (alcohol),” and “suicide” by living under the press of “educational system and a labor system which demand far too much time and energy in Japanese society.” Students also mentioned “Japanese nationalism and ignorance of other cultures.” In this context, the “Fukushima tragedy” was also mentioned by students.

In 2021, 5.3% of Japanese students (6.1% in 2012, 7.5% in 2007) associated Russia with negative incidents and facts. Here, we can see a positive trend. In this connection, we cannot but mention that, in 2021, the number of Japanese students who linked Russia with the territorial dispute (Northern Territories) was only 1.3%. In 2012, the percentage of students who mentioned the Northern Territories problem increased from 2.8% (2007) to 5.2% – as we can see the figure doubled.

To sum up, we can state that there are some changes in the perceptions of Russia and Japan in 2021 compared to 2012 and 2007. Less Japanese respondents associated Russia with USSR, socialism, communism, and the CPSU (6.7% in 2021, 7.9% in 2012, 8.3% in 2007). Looking back over the past 15 years, the data indicate that far fewer Japanese students mentioned negative incidents and facts connected with Russia (5.3% in 2021, 6.1% in 2012, 7.5% in 2007) and with the “Northern Territories” (1.3% in 2021, 5.2% in 2012, 2.8% in 2007). Such accents in the perception of Russia as national cuisine (6% in 2021, 7.1% in 2012, 6.3% in 2007), national symbols (3.3% in 2021, 4.4% in 2012, 5.7% in 2007), and association of Russia with “beautiful people (women) with white skin” (2.7% in 2021, 6.1% in 2012, 4.6% in 2007) were mentioned by less respondents. But more students

associated Russia with sport and names of athletes (6% in 2021%, 3.7% in 2012, 6.6% in 2007). This was probably a positive result of Olympic Games, which were held in Japan in 2021.

Predictably, the stereotyped image of Japan for Russian students is also determined mainly by media, specifically Internet sources.²⁸ Since culture shapes the way people perceive themselves, others, and the relationship between the two [Markus, Kitayama 1991], the popularity and international recognition of Japanese culture and traditions over the years have demonstrated the importance of Japan's policy of soft power, namely, Japan's use of culture contemporary and historical in creating a positive image of the country all over the world and, in particular, Russia.²⁹ The quite high awareness of Japan determines the key associations with this country, though there are some changes compared to the previous survey. In 2021, the Russian respondents considered Japan primarily as a collection of symbols or emblematic elements associated with it that are intrinsic to its identity and heritage (23.7% in 2021, 2.7% in 2012, 12.9% in 2007). Experts also state that the number of Russians who consider Japan to be an unfriendly country is extremely small, in spite of Japan joining the anti-Russian sanctions. Researchers suggest [Chugrov, Streltsov 2017, p. 27] that the traditionally strong sympathy for Japanese culture counterbalances the negative feelings of Russian citizens towards Japan. The second most frequent group of associations was related to the developed economy of Japan (15.5% in 2021, 8.2% in 2012, 9.4% in 2007). The third (big) group of associations was related to the traditions and culture of Japan (11.8% in 2021) and national cuisine of Japan (10% in 2021, 11.7% in 2012, 13.5% in 2007). The respondents also considered Japan from the geographical perspective and, lastly, associated it with social problems as well as negative incidents and facts.

Neighboring people

In discussing issues about the people of other countries, there is a distinction between 'Strangers' and 'Others'. While a 'Stranger' is currently or potentially dangerous and poses a threat to values that an individual holds dear, the 'Other' is one whom we do not understand and thus do not accept at all [Kozera 1999], as he/she is therefore not an 'Insider'. In the process of structuring the social world, otherness may remain just otherness, but it may also turn into strangeness. The perception of individuals and groups as other, dissimilar, or different from us does not necessarily trigger any form of strangeness if it is limited to providing facts and does not engage in evaluation. The awareness of otherness turns into strangeness only when the perceived dissimilarity is combined with negative emotions and attitudes. When cultural differences are too great, people may not be able to make sense of them when using existing knowledge and representations of otherness, so they will eventually experience discomfort [Szytniewski et al. 2017]. Nations are often described as possessing distinctive personality traits, like their individual members do. The distinctive set of personality characteristics of national groups as perceived by ordinary people is usually called national character [Peabody 1985].

To determine the students' perceptions of national traits of people from the neighboring country, they were asked about characteristics or national traits which define the Russian/Japanese people. Based on the survey results, we could see that, across the surveyed students' responses, there are significant differences in how they view national character traits of neighboring country citizens.

²⁸ Russian students increasingly prefer the Internet – 96.7% of all participants who took part in the survey.

²⁹ In this connection, we should mention that 2018 was declared "The cross-cultural year – Year of Russia in Japan and the Year of Japan in Russia — year of Russian-Japanese cultural exchanges between the two nations," and 2020–2021 were declared "Years of Japanese-Russian interregional and sister city exchanges (2020–2021)." Within the framework of these years of Japan in Russia and Russia in Japan, a series of cultural and academic events based primarily in Moscow and Tokyo, but also featuring events at venues throughout Russia and Japan, were held with the aim of introducing the many facets of Japan to the Russian people and Russia to the Japanese. It also played an important role in deepening interest towards Japanese and Russian culture in each country.

Russian respondents' perceptions of Japanese people

Based on responses of Russian participants in 2021, it is plausible to conclude that the strongest character trait of the Japanese is “workaholism, diligence, and persistence,” as it was listed by 47.5% (22.8% in 2012, 23% in 2007). Here, among the positive traits, being “hard-working,” “highly disciplined,” “effectively working,” and “organized,” as well as “creativity” were mentioned (“They succeed not because they are smarter, but because they work better together”; “they use a simple and powerful method that helps to reach effectiveness of the community to exceed the effectiveness of each of its members in sum”). At the same time, the respondents noted “a very high level of work-related stress in Japan”.

Russian students emphasized such aspects of Japanese personality as being “disciplined,” “wise,” “polite,” and “emotional.” The stereotyped image of the typical Japanese has not changed over the last fifteen years: about 50% of respondents (47.5% in 2021, 22.8% in 2012, 23% in 2007) believe that the Japanese are “highly disciplined workaholics.” Most of Russian respondents believe that adhering to native customs and traditions is important in defining national traits of the Japanese. In 2021, students noted positive traits of Japanese and named them: “people with intellect” – 12.5% (11.4% in 2012, 5.3% in 2007), “punctuality” – 9.1 %, “wise people” – 7.1%, “polite people” (“Japanese people visiting a friend, it is polite to bring gifts,” “etiquette for them is a high priority”) – 6.5%, “people who value traditions” – 4.7%, “purposeful people” (“It is very important for the Japanese that a degree is from a prestigious university”; “education is very important for them and it is oriented at getting a well-paying position at a company, not just knowledge) – 4.6%, “friendly, kind” – 3.1%. Also, there is a popular opinion among Russian students that culture, history, and society in which people have been brought up leave recognizable marks on their personality. Respondents characterized the Japanese as “patient” and “enduring” people and tried to give explanations why they thought so: “patience helps them to put up with an unpleasant situation and build a character through enduring tough times,” “in Japan, the perseverance of the people appears during calamities like earthquakes,” “the Japanese have such strong patience to go against all odds” – 2.1% (2.7% in 2012, 7.3% in 2007). Thus, the image of the typical Japanese is definitely positive, just like the image of Japan. But, at the same time, Russian students also noted that “Japanese people are cunning,” “nationalism and ignorance of other cultures is a bad thing for the Japanese nation.” The last survey records an increase of those mentioning traits associated with the Japanese as “individualistic people.”

To sum up, in 2021, conditionally positive character traits were mentioned by 97.2% of Russians respondents (78% in 2012, 97% in 2007). In comparison with 2012, this rate increased by 19.2%. In 2021, the percentage of conditionally negative character traits of Japanese, as mentioned in Russian students' responses, dramatically decreased and became insignificant – 2.8% (22% in 2012, 3% in 2007).

Japanese respondents' perceptions of Russian people

In 2021, the “Don't know” answers³⁰ given by Japanese students decreased – 12.9% (23.7% in 2012, 30.5% in 2007). But some students wrote that the “Russian national character is unique” and “not comparable to any other nation, because there are many nationalities living in Russia, that is why it is hard to describe.”

Regarding the personality of the Russian people as seen by Japanese respondents, according to the students' responses, it is determined by the cultural and social diversity of Russia and its people (nationalities) generated by its historical background. The stereotyped image of typical Russians has not changed much.

³⁰ Although “Don't know” responses have traditionally been thought to reflect a lack of opinion, we can conclude that a number of factors may prompt an individual to provide a “Don't know” response. These include insufficient knowledge of the issue, fear of providing an inaccurate answer, concern that their response will not be confidential. It is believed that the change may be attributed to how the questionnaires were administered – a paper-based survey (personal interview) in 2007 and 2012 and an online survey in 2021. As such, the students felt freer in their responses in 2021 due to it being online and self-administered.

In 2021, nearly 11.6% of Japanese respondents were sure that the Russians were “kind, friendly, and light” people; “they are usually easy to become friends with” (8.7% in 2012, but none in 2007); “gentle and calm” – 6.5% (3.2% in 2012, 2% in 2007); “strong, great spirit” – 6.5% (2.5% in 2012, 6% in 2007). “Beautiful girls,” “tall people with white skin,” and “girls like dolls” were named as character traits of Russian people (6.5% in 2021, but only few of the surveyed students in 2012 and 2007). This is quite different from using only adjectives which describe a feature of a person and his national traits, because nouns classify a person as a certain type. It may indicate Japan’s high profile of visual culture, which is formed by numerous relationships between people and images (contemporary Japan is increasingly dominated by the flow of images: manga, anime, videogames, etc.). Here, it is important to emphasize Japan’s unique cultural identity. That is why Russia has been defined by students’ visual orientations and means to interact with their society [Zhilina 2015, p. 15].

Japanese respondents described Russians as “patriots” – 1.9% (2.2% in 2012 and no one in 2007); “cool”³¹ – 1.9% (3% in 2012 and no one in 2007); “patient” and “enduring” – 2.6% (1% in 2012, 2% in 2007), with some mentioning that “Russians value family traditions” and “support each family member.”

In contrast with Russian students in 2007, 3% of Japanese students applied descriptive terms to Russians – “drunkards,” “strong to alcohol,” and “Russians drink obscene amounts of alcohol.” These words were used in a variety of contexts to express the extreme role of alcohol in the life of Russians. In 2012, we could see that the share of students who considered Russian people “heavy drunkards” increased dramatically (11.7%). This was reflected in various responses – both negative and positive (“when they drink, they become easy-going and like joking,” “they drink to be fun,” etc.), expressing moral judgments of respondents. Unfortunately, in 2021, we found that this trend did not change much, as 10.3% of Japanese respondents believed this to be a trait of the Russian people.

However, in 2021, some new views of traits of Russians, such as “caring about family and friends” (5.8%), were observed. Japanese students expressed the belief that the Russians “value their family more than anything else,” “take good care of friends and family,” and have “a spirit of helping each other” and “are quite tightly knit.” Japanese respondents also characterized Russians as “sociable, cheerful and easygoing” (5.2%). 2.6% of young Japanese named Russians “peaceful” (new!) – “There are many peaceful people. I think they will be strongly against war.”

At the same time, in 2021, the number of Japanese respondents who described Russians as “quiet, non-sociable,” “non-communicative” and pointed that they “don’t laugh” dramatically increased to 7.8% (3% in 2012, 4% in 2007). For instance, Japanese students still have an idea that climate substantially influences the nature of Russians – “people living in cold (“harsh”) climate” are “cold,” or “not smiling,” or “don’t laugh” (“the reason – it is terribly cold there” (2007), so “they are sick and tired” (2012) and “they eat ice-cream to get warm” (2007)).

3.8% of respondents pointed that Russians are “grumpy” (no one said so in 2012 and 2007). In 2021, there were other negative traits (3.8%) of Russian people listed in questionnaires. It was said that they are “greedy,” “scary,” “unfriendly,” and “cock their noses.” The last one was given in the following context: “I think it is a nation whose face is unfriendly and who value their families more than anything else.” Some stereotypes and beliefs about national character can be perceived as at least partly accurate, although we can see exaggerated descriptions of actually existing traits. For example, according to Japanese students’ opinions, Russians are typically “drunkards” (e.g., “strong to alcohol,” “heavy drunkards”), “greedy,” “unfriendly,” and “cock their noses” (e.g., are “too proud,” “narcissistic”).

Sometimes the limited list of characteristics given by Japanese students suggests that citizens of the neighboring state are poorly known: “I know nothing about Russia and don’t know Russians,”

---

³¹ There is no unique concept of what is considered cool, as it changes over time and varies among cultures and generations.

or “nothing special about them,” “since there are few Russians I have met, I cannot make a general statement.” However, some Japanese students, using their own experience, tried to support their answers: “My friends often smile, they just do not smile to strangers, it is a custom there,” “I thought they wouldn’t laugh too much. However, the teacher laughed a lot. So, I didn’t understand – is it typical or not.” Or: “Russians are more closed than I thought”; “I have little to do with Russians and I know too little about my personal emotions toward them, so I can’t say it now”; “From now on, if I have a chance, I would like to get in touch with them, or learn about them deeper”; “The fact that there is a Russian teacher at the university is interesting to me – that is why it is interesting to know about Russians and Russia.”

Compared with previous surveys conducted in 2021, Japanese participants tended to rate the typical Russian to be more “friendly,” more “gentle and calm,” “strong and having great spirit,” but less “communicative” and less “smiling” and “open” than it had been noted by respondents in surveys carried out in 2007 and 2012.

Thus, as we can see, the image is contradictory, which probably resembles its various estimates in the Japanese official and media discourse. Nevertheless, the generalized image of the Russians for the Japanese students who evaluate this country is positive. The positive aspects of Russians are mentioned more frequently, which can be seen from the fact that the Russian people are one of the representational aspects of the image of Russia. Among these national traits of representatives of the neighboring state noted by Japanese respondents the one that could be underlined are hospitality and the cheerful and friendly nature of the Russians. To sum up, in 2021, negative character traits were mentioned by 25.7% of Japanese students’ audience (27.8% in 2012, 18.3% in 2007) and positive character traits – by 61.4% (48.5% in 2012, 51.2% in 2007). In comparison with 2012 and 2007, this rate increased by 12.9% and 10.2% respectively.

For both Japanese and Russian students, the national character of the neighboring country representatives is one of the most relevant elements of the international image projected by Russia/Japan. In 2021, both Japanese and Russian students indicated “kindness,” “hospitality,” “friendliness,” and “patience” as characteristic features of the other nation. “Social cohesion of people” was also mentioned as a national trait by respondents of both countries. Therefore, it seems that the image of the country, as well as the personality of the residents, can influence attitudes and perceptions of them. As such, the results have demonstrated that national image is an important concept as it provides states with soft power, enabling them to achieve positive outcomes through attraction rather than the traditional coercion by means of military power [Nye 2008].

Conclusion

Since the 20th century, particularly in the Cold War era, governments became aware of the significance of systematic image construction, and with the coming of globalized communication, there has been a surge in national image construction. Promoting positive images of one’s country is not new, but the conditions for projecting soft power have transformed dramatically in recent years [Nye 2004]. Current image building efforts can improve a country’s international influence, which is deemed to be more crucial today since nations desire to integrate into global markets, to participate in global affairs, and to enhance their status on the world stage. How a country is perceived by other countries and their people can result in mutual changes in their relationships. Summarizing the results of the previous studies, together with my last research, I can point out the following trends.

First, the university students’ attitudes to the neighboring country were assessed considering the frequency and activities of information acquisition, the correct explanation of the information, and willingness to collect information through different sources. As we can see, the Internet is the preferred source for information about the neighboring state. The Internet expands individual

freedom and capability to communicate for students of both countries, which, in turn, has resulted in greater news gathering and communication among the youth, who adjust to the new communications culture. It is substantially different from the era when television was the most popular source of information. According to the 2021 survey, both for Japanese and Russian students, the influence of TV has declined.

Second, overall, we found a quite high level of basic knowledge about Japan/Russia among university students in Russia and Japan. Russian students had significantly more knowledge, stronger willingness to obtain information about Japan, and had slightly higher satisfaction with information sources. Regarding basic knowledge, Japanese and Russian students showed slight differences, indicating that the route of obtaining basic knowledge may be different. Therefore, our results provide novel information. We could see that students' individual opinions concerning neighboring countries demonstrated a certain proximity to the official political discourse.

Third, sometimes the limited list of characteristics and national traits given by Japanese students suggests that citizens of the neighboring state are poorly known to them. Maybe this is one of the reasons that the Japanese students have been exposed to negative influences of the media. When people are overwhelmed with the volume of information confronting them, they have difficulty discerning what to focus on [Nye 2004].

Fourth, the differences in representations of neighboring country' citizens reflect the differing emphasis that respondents of Japan and Russia place on the characteristics of others rather than the real differences between those people. Young people of both countries also differ in terms of how carefully they process information about others: some students have a strong need to learn about and understand others, but some students do not have a strong need for this.³²

Fifth, the results of the current study have helped us to better comprehend the changes in students' perceptions of Russia/Japan over the past fifteen years. The results of the investigation show that changes in the opinion of Japanese students towards Russia and the Russians were quite positive. Japanese students have a great interest in Russian culture and entertainment and have high respect for Russian literature. However, perhaps sometimes this impact is not very strong. Much more consistently, this research shows that Russia-related attitudes are mostly driven by symbolic interest in the nation as a whole.

Sixth, Japanese soft power in Russia remains strong. As a result, Russian respondents generally rate Japan higher. There is a high level of recognition of Japan's economic, cultural, and human capital soft power by Russian youth. Russian students have great respect for Japanese companies, popular culture, education, and have a relatively high opinion of Japanese people.

Seventh, the last survey showed that historical events influence Russian students' perceptions towards Japan, although they are not as strong as one might predict based on previous surveys. But the results also show that political personalization has become predominant for Japanese students: the neighboring country's image and the perceptions of Russia are becoming to a large extent a reflection of its leader's image. So, we can see that the political leader and his politically relevant character traits, as well as his personal characteristics need to be considered when employing public diplomacy [Ingenhoff et al. 2018, p. 4527].

Finally, by asking respondents from Japan and Russia to describe the personal traits of their neighbors and analyzing their responses, we can understand how students of both countries perceive the people of the neighboring state. Discussing neighboring countries, participants distinguish two ideas: the first is that the neighboring country is "a state and a government," and the second is that it is "a country and people" [Zotova et al. 2020]. Concerning the first, participants expressed

---

³² People with a strong need for cognition tend to process information more thoughtfully and therefore may make more causal attributions overall. In contrast, people without a strong need for cognition tend to be more impulsive and impatient and may make attributions more quickly and spontaneously. See: [Sargent 2004].

various and sometimes negative emotions, while, concerning the second, participants tended to express positive emotions such as sympathy and trust. The students' individual responses provided an ideal opportunity to analyze a large sample and yielded the opinions of students that display their perceptions of neighboring country's citizens. Beyond doubt, national traits of the neighboring country's citizens, as they are perceived by university students and listed in responses, do not characterize absolutely each individual of neighboring state, but they do provide an understanding of the perception of neighbors' national character, which (in turn) can facilitate deeper cross-cultural interactions.

The strength of this study is in its target group – the Japanese/Russian university students. A student population was examined because students have the greatest potential to influence public opinion and ultimately to participate in foreign policy decision-making and the public affairs of their country. When we launched the study in 2007, to the best of my knowledge, no other studies had been reported to investigate these topics among this target group.

This study has certain limitations: it used a sampling method, but, as we mentioned above, the samples were limited in number in 2021 for the Japanese side, and they exhibited imbalances in the subgroups. Thus, the results may not sufficiently represent the whole population of Japanese university students' opinion in 2021. Therefore, this should be considered when discussing the results.

Moreover, because this survey is to monitor long-term changes in Japanese/Russian students' perceptions and attitudes concerning the neighboring country, to examine the time-dependent opinion changes, prolonging survey studies is also necessary, and for this reason I intend to continue this survey. These and other issues deserve careful study in the years ahead.

REFERENCES

- Balmas, M., Sheaffer, T. (2014). Charismatic leaders and mediated personalization in the international arena. *Communication Research*, 41(7), 991–1015.
- Chugrov, S., Streltsov, D. (2017). Interdependence of Russo-Japanese Relations and Mutual Images of Japan and Russia-Japanese. *Journal of Political Science*, 18 (1), 22–40.
- Escher, A., Zimmermann, S. (2001). Geography meets Hollywood – Die Rolle der Landschaft im Spielfilm. *Geographische Zeitschrift*, 89(4), 227–236.
- Fenigstein, A., Scheier M.F, Buss, A.H. (1975). Public and private self-consciousness: Assessment and theory. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 43, 522–527.
- Harzing, A.W., Maznevski, M., & country collaborators. (2002). The Interaction between Language and Culture: A Test of the Cultural Accommodation Hypothesis in Seven Countries. *Language and Intercultural Communication*, 2(2), 120–139.
- Hatabu A., Mao X, Zhou Y., Kawashita N., Wen Z., Ueda M., et al. (2020). Knowledge, attitudes, and practices toward COVID-19 among university students in Japan and associated factors: An online cross-sectional survey. *PLoS ONE*, 15(12): e0244350.
- Houtum, H. van (1999). The Geopolitics of Borders and Boundaries. *Geopolitics*, 10(4), 672–679.
- Inaba, A. (2007). Problems relating to declining response rates to social survey research in Japan: trends after 2000. *Japanese Journal of Sociology*, 16(1), 10–22.
- Ingenhoff, D., Klein, S. (2018). A Political Leader's Image in Public Diplomacy and Nation Branding: The Impact of Competence, Charisma, Integrity, and Gender. *International Journal of Communication*, 12, 4507–4532.
- Kozera, B. (1999). 'Stranger' and 'Insider'. Three reflections of an uninstrumental reason. In: *Others insiders. Studies on ethnic issues* (pp. 39–48). Katowice.
- Lebedeva, I.P. (2022). About Poverty and Inequality in Japan. *Russian Japanology Review*, 2, 5–33.

- Markus, H.R., Kitayama, S. (1991). Culture and the self: implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224–253.
- McAndrew, F.T., Milenkovic, M.A. (2002). Of tabloids and family secrets: The evolutionary psychology of gossip. *Journal of Applied Social Psychology*, 32, 1064–1082.
- Neuman, W.R., Neuman, R. W., Just, M.R., & Crigler, A.N. (1992). *Common knowledge: News and the construction of political meaning*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Nye, S.J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80, Twentieth Anniversary (Autumn), 153–171.
- Nye, J.S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Nye, J.S. (2008). Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 94–109.
- Paletz, D.L., Owen, D., Cook, T.E. (2011). Political Culture and Socialization (Chapter 6). In *American Government and Politics in the Information Age v. 1.0* (pp. 227–273). University of Minnesota Libraries Publishing,
- Pancer, S., Brown, S., Barr, C. (2002). Forming impressions of political leaders: A cross-national comparison. *Political Psychology*, 20 (2), 345–368.
- Peabody, D. (1985). *National Characteristics*. Cambridge: Cambridge University Press
- Pigman, G.A. (2010). *Contemporary diplomacy. Representation and communication in a globalized world*. Cambridge, UK: Polity.
- Rindfuss, R., Choe, M., Tsuya, N., Bumpass, L., Tamaki, E. (2015). Do low survey response rates bias results? Evidence from Japan. *Demographic Research*, 32, 797–828.
- Rippl, S., Petrat, A., Kindervater, A. and Boehnke, K. (2009). Transnational social capital: Are border regions a laboratory of social integration in Europe? *Berliner Journal für Soziologie*, 19, 79–103.
- Robinson, J.P., Levy, M.R. (1986). Interpersonal communication and news comprehension. *Public Opinion Quarterly*, 50(2), 160–175.
- Sargent, M.J. (2004). Less Thought, More Punishment: Need for Cognition Predicts Support for Punitive Responses to Crime. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30(11), 1485–1493.
- Snow, N. (2009). *Persuader-in-chief: Global opinion and public diplomacy in the age of Obama*. Ann Arbor, MI: Nimble Books.
- Solleh, F.M. (2015). Gastrodiplomacy as a soft power tool to enhance nation brand. *Journal of Media and Information Warfare*, 7, June, 161–199.
- Sommerfeld, R.D., Krambeck, H., Semmann, D., and Milinski, M. (2007). Gossip as an alternative for direct observation in games of indirect reciprocity. *Computer Science Proceedings of the National Academy of Sciences*, 104, 17435–17440.
- Stepchenkova, S., Morrison, A.M. (2008). Russia's Destination Image among American Pleasure Travelers: Revisiting Echtner and Ritchie. *Tourism Management*, 29(3), 548–560.
- Szytniewski, B., Spierings, B., Velde, M. van der (2017). Socio-cultural proximity, daily life and shopping tourism in the Dutch-German border region. *Tourism Geographies*, 19(1), 63–77.
- Trunkos, J., Heere, B. (2017). Sport Diplomacy: A Review of How Sports Can be Used to Improve International Relations. In *Case Studies in Sport Diplomacy* (pp. 1–17). FIT Publishing.
- Walravens, T., Niehaus, A. (2017). Introduction: Reconsidering Japanese Food. In *Feeding Japan* (pp. 1–16). Palgrave Macmillan.
- Zhilina, L. (2010). Public opinion about neighboring countries: Russia and Japan in students' imaginations. *Journal of Political Science and Sociology*, 13, 29–48.
- Zhilina, L. (2015). Public attitude and mutual perceptions: Japan and Russia. *CEU Political Science Journal*, 10(1–2), 1–30.
- Zotova, M., Gritsenko, A. (2020). Neighbourhood and perceptions in small cities on different Russian borders. *Geography, environment, sustainability*, 13(1), 64–73.

Acknowledgements

The research projects of 2007 and 2012 were supported by Research Grants from The Japan Foundation. The author also would like to thank the anonymous students-participants for their response data. The author gratefully acknowledges Dr. K. Yoshie (Japanese Women's University), Dr. V. Molodyakov (Takushoku University), Dr. P. Podalko (Aoyama Gakuin University), and E. Bakoun (Kansai University, Osaka City University) for supporting this opinion poll from the Japanese side. The author would like to acknowledge Mr. E. Kruchina for his valuable comments and Mr. Tafawa Williams (Policy & Political Affairs Consultant, London, United Kingdom) for his advice and insightful comments. Last but not least, I would like to thank the anonymous reviewers who took their job so seriously and helped me very much to improve the draft.

Благодарности

Исследовательские проекты 2007 и 2012 годов были поддержаны грантами Японского фонда. Автор также хотел бы поблагодарить анонимных студентов-участников за ответы. Автор выражает благодарность д-ру К.Йоси (Японский женский университет), д-ру В.Молодякову (Университет Такусёку), д-ру П.Подалко (Университет Аояма Гакуин), г-же Е.Бакун (Университет Кансай, Городской университет г.Осака) за поддержку этого опроса с японской стороны. Автор хотел бы выразить признательность г-ну Е. Кручине за его ценные комментарии и г-ну Т. Вильямсу (консультанту по политическим вопросам, Лондон, Соединенное Королевство) за его советы и проницательные комментарии. Наконец, что не менее важно, я хотела бы поблагодарить анонимных рецензентов, которые так серьезно отнеслись к своей работе и очень помогли мне улучшить мою статью.

Поступила в редакцию: 22.11.2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Received: 22 November 2022

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-27-45

Выставки японского детского рисунка в СССР: рисуя Японию, показывая мир

В.В. Белозеров

Аннотация. Статья посвящена истории показа выставок детского японского рисунка в Советском Союзе в период 1920–1980-х гг., а также специфике критической интерпретации и восприятия советским зрителем художественного творчества детей Японии. Важность подобных мероприятий заключалась не только в художественной ценности экспозиционного материала, но и во влиянии выставок на образ Японии в массовом сознании.

Материал посвящен ключевым выставочным проектам, связанным с представлением искусства японских детей, в частности, «Выставке детской книги и детского творчества Японии» 1928 г., а также серии международных выставок «Я вижу мир», проходившей в СССР с конца 1960-х гг. Наибольшее внимание уделяется особенностям советской художественной критики в отношении японского детского рисунка в довоенное и послевоенное время, а также влиянию советской идеологии на интерпретацию детского изобразительного искусства из Японии.

Автор приходит к выводу, что подход к организации выставок в советский период характеризовался идеологической индоктринацией, а также наличием определенных стереотипов о Японии, которые создавали запрос на экзотизацию продуктов творчества японских детей. В рамках начального этапа российско-японских культурных связей, при всей противоречивости советской художественной критики рисунка японских детей, выставки имели важное значение для культурных связей двух стран. В послевоенный период привлечению внимания к творчеству детей Японии во всех его проявлениях способствовали не только мононациональные выставки, но и крупные проекты с участием множества стран. С начала 1990-х гг. былая значимость подобных выставок как важного элемента культурного обмена двух стран сошла на нет, что справедливо и для настоящего времени, несмотря на эпизодическое проведение экспозиционных проектов такого рода в разных регионах России. «Пропагандистскую» составляющую детского рисунка настигло увядание, однако вызывает сожаление то, что подобные выставки перестали привлекать к себе общественное внимание вследствие отсутствия медийного интереса к этим инициативам, а также целенаправленного изучения работ японских детей с точки зрения искусствознания и психологии.

Материалом для написания статьи послужили документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, из следующих архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Ключевые слова: выставочный обмен между СССР и Японией, детский рисунок, искусство детей Японии, художественное и эстетическое образование, интерпретация художественных работ, национальные стереотипы, экзотизация культуры.

Автор: Виктор Владимирович Белозёров, магистр истории искусств, независимый исследователь, создатель образовательного проекта Gendai Eye, ведущий исследователь японской лаборатории J100R при МСИ «Гараж». ORCID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белозеров В.В. Выставки японского детского рисунка в СССР: рисуя Японию, показывая мир // Японские исследования. 2023. № 1. С. 27–45. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-27-45

Exhibitions of Japanese children’s drawings in the USSR: Depicting Japan, showing the world

V.V. Belozyorov

Abstract: The article is devoted to the history of exhibitions of Japanese children’s drawings in the Soviet Union in 1920s – 1980s, as well as to the critical interpretation and perception by the Soviet audience of the artistic works of Japanese children. The importance of such events can be seen not only in the artistic value of the exposition material, but also in the influence of the expositions on the image of Japan in mass consciousness.

The material is devoted to key exhibition projects related to the presentation of Japanese children’s art, in particular, the “Exhibition of Children’s Books and Children’s Art of Japan” in 1928, as well as a series of international exhibitions “I See the World,” held in the USSR since the late 1960s. The greatest attention is paid to the peculiarities of Soviet art criticism towards Japanese children’s drawing in the pre-war and post-war period, as well as the influence of Soviet ideology on the interpretation of children’s art from Japan.

The author comes to the conclusion that the approach to the exhibitions was characterized by ideological indoctrination, as well as certain stereotypes about Japan, which created a request for exoticization of the creative products of the Japanese children. During the initial period of the Russian-Japanese cultural ties, despite the controversial nature of the Soviet art criticism of Japanese children’s drawings, the exhibition had substantial importance for the cultural ties of the two countries. In the post-war period, not only mono-national exhibitions, but also large projects involving multiple countries drew attention to various creative works of Japanese children. Since the early 1990s, the past importance of such exhibitions as an important element of cultural exchange receded, which is also true for the present times, despite the episodic exhibition projects of this sort in various regions of Russia. The “propaganda” component of children’s drawings faded. It is, however, regrettable that such exhibitions stopped attracting public attention due to the lack of interest of the media to these initiatives, as well as of systematic study of the works of Japanese children from the point of view of art studies and psychology.

The article is based on documents, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, from the following archives: the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the Central State Archive of St. Petersburg.

Keywords: exhibition exchange between the USSR and Japan, children’s drawings, art by Japanese children, artistic and aesthetic education, interpretation of artistic works, national stereotypes, exoticization of culture

Author: Viktor Vladimirovich Belozorov, Master of Art History, independent researcher, creator of the educational project “Gendai Eye”, leading researcher of the Japanese laboratory “J100R” at the Garage Museum of Contemporary Art. ORCHID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Belozyorov V.V. (2023). Vystavki yaponskogo detskogo risunka v SSSR: risuya Yaponiyu, pokazyvaya mir [Exhibitions of Japanese children’s drawings in the USSR: Depicting Japan, showing the world]. Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2023, 1, 27–45. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-27-45

Введение

Тема выставок детского рисунка нередко забывается в рамках разговора о выставочном обмене между Японией и СССР, не говоря уже о культурной дипломатии в целом, ввиду специфики визуальной выразительности детского творчества, а также неоднозначного отношения к детскому рисунку со стороны художественной критики. Однако, как и выставки «взрослого» искусства, они также вписаны в культурные связи двух стран, а значит и заслуживают полноценного академического интереса.

Демонстрация рисунков японских детей в СССР/ России насчитывает почти столетие. За это время в нашей стране было показано несколько десятков тысяч рисунков, устроено множество выставок, позволявших не только продемонстрировать актуальное творчество японских детей, но и формировать у посетителей выставок специфический образ Японии. Подход к организации выставок в советский период характеризовался идеологической индоктринацией, а также наличием определенных стереотипов о Японии, которые создавали запрос на экзотизацию продуктов творчества японских детей. Важность подобных мероприятий заключалась не только и не столько в художественной ценности экспозиционного материала, но и в их влиянии на образ Японии в массовом сознании.

Цель статьи — продемонстрировать историческую динамику проводившихся в СССР с 1920-х по начало 1990-х гг. выставок детского японского рисунка, показать особенности их показа на разных временных этапах, маркируя основные мероприятия, а также проанализировать особенности художественной критики, с акцентом на особенности формирования в СССР образа Японии через детский рисунок. Исследование основано на многочисленных архивных материалах ГА РФ и РГАЛИ, связанных с организацией таких выставок, и на публикациях в периодических изданиях, где рецензировались данные выставки или анализировалось творчество японских детей.

Довоенный период: «Маленькие Гокусай¹» и открывающийся мир детского искусства

Активный интерес к изучению японского детского рисунка возникает в СССР в 1920-е гг., где именно в этот период были сделаны первые основательные попытки оформить «детское» как искусство. Детское творчество стало восприниматься в качестве одной из многочисленных форм проявления национальной культуры, а в связи с нарастающим интересом советского общества к жизни Японии детские рисунки становились материалом для событийной программы в рамках культурного обмена двух стран.

В довоенный период, на который пришелся начальный этап налаживания культурных связей двух стран, на территории СССР были проведены только две выставки, связанные с детским рисунком Японии. Одной из них стала «Выставка детской книги и детского творчества Японии», которая явилась не только первой попыткой представления детского творчества Японии в СССР, но и первой официальной японской выставкой в советском институциональном пространстве. Можно допустить, что по своей значимости она уступала другим мероприятиям культурного обмена с Японией, если сопоставлять их с приездом театра Кабуки в 1928 г. или выставкой «Японское кино» годом позже. Возможно, это было связано с короткими сроками проведения выставки в Москве, а также с ограниченностью общественного интереса к детскому творчеству. Тем не менее, после демонстрации в Москве выставка отправилась по многим городам Советского Союза (Ленинград, Харьков, Одесса, Киев, Минск, Баку, Тифлис и др.)²,

¹ Имеется в виду известный японский художник Кацусика Хокусай (1760–1849).

² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 65. Л. 124.

а в некоторых случаях ее проведение имело продолжение: например, после показа выставки в Харькове часть экспонируемых книг Всеукраинская Ассоциация востоковедения запросила для создания небольшой библиотеки³.

Наибольшее внимание на этой выставке было уделено книгам, представленным многочисленными японскими издательствами, что объясняется сильным интересом в СССР к японской полиграфии и художественным качествам японских изданий, а также к педагогической составляющей представленного материала. Представлена была также народная и современная детская игрушка, которая, как можно судить по отчетам, наибольший интерес вызывала у юных посетителей выставки. Детский рисунок скорее был культурным инструментом, позволявшим посетителям выставки составить представление о том, как обучали рисованию японских детей, чем они жили и чем интересовались в своей повседневной жизни.

Московский показ этой выставки в стенах Государственного исторического музея в октябре 1928 г. был организован ВОКС и Академией художеств, а решением организационных вопросов и транспортной логистикой занимался Е.Г. Спальвин. За 10 дней выставку посетило 3000 человек: художники, студенты, врачи, артисты московских театров и кино, наборщики, литографы, кустари/кукольницы, игрушечники и др⁴. Известно, что к моменту открытия выставки в японском журнале «Дова кэнкю» были размещены материалы о детском творчестве Японии за авторством Якова Мексина, писателя, коллекционера и организатора выставок детских книг, а также Н. Сакулиной, специалиста в области художественного воспитания и научного сотрудника Академии художеств⁵.

Данные о количестве показанных работ несколько разнятся, однако следует иметь в виду, что это было естественным для выставок подобного рода: рисунков всегда присылалось много, и лишь треть из них попадала на выставку, а некоторые работы детей в виду их утери или повреждений могли по этой причине заменять на другие, что было особенно актуально для передвижных выставок с их непростыми условиями переездов и дальнейшего экспонирования на региональных площадках. Поэтому, по одним данным, выходит, что в Москве было показано 150 рисунков, восемь из которых были остеклённые⁶, по другим спискам имелось 274 рисунка⁷, по третьим – на выставке рисунка в Харькове числится уже 180 работ⁸, а в публикации бюллетеня и каталога ВОКС фигурирует 650 рисунков, что, вероятнее всего, является общим количеством присланных в СССР детских работ [Novomirsky 1928, p. 11]. Насколько известно из переписки Е.Г. Спальвина и О. Каменевой, на выставку были отправлены и необычные рисунки, состоящие из кусочков бумаги, которые также упоминаются в статье Н. Сакулиной, посвященной детскому рисунку. Часть рисунков в количестве 84 работ была получена от Накана Токутаро, члена педагогического отдела японского ученого общества. Из переписки можно также узнать, что Спальвину была прислана письмо-тетрадь некоего Кумагая, «неуравновешенного психически человека, который, прочитав о выставке, решил также выслать свою работу». Накана выслал тетрадь Кумагая «для интереса», хотя «у японцев это вызывало лишь улыбку сожаления»⁹.

При обращении к периодике, в которой содержались обзоры на эту выставку, можно выяснить несколько деталей ее проведения. Во-первых, как это будет заведено уже на всех последующих выставках детского рисунка, они подразделялись на несколько возрастных

³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 53. Л. 284.

⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 113.

⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 65. Л. 91.

⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 56–58.

⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 46. Л. 142–155.

⁸ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 75 Л. 69–71.

⁹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 65. Л. 108.

групп: дошкольные (включая рисунки маленьких детей) и школьные, с делением на образовательные этапы. Подобное деление только с первого взгляда может показаться формальным, но за ним скрываются критические требования к рисунку, в зависимости от возрастной группы и способу обучения ребенка (от художественной школы до личного увлечения творчеством). В самом развернутом обзоре выставки А.В. Бакушинский, советский искусствовед и теоретик в области эстетического воспитания, упоминает следующее: «Вторым центром обострения нашего интереса к выставке является японский детский рисунок и методика преподавания изобразительного искусства в японских школах. Здесь еще труднее, чем в области книжной, сказать, в какой мере мы можем судить об этом по представленному материалу. Его очень трудно классифицировать по недостатку точных сведений о каждом из присланных рисунков. В большинстве случаев можно лишь догадываться о возрасте, культурном уровне, социальной среде, степени самостоятельности темы, формы, техники. Тем не менее, общие впечатления довольно яркие и определенные» [Бакушинский 1928, с. 158–159].

Можно предположить, что в большинстве случаев экспликации к детским рисункам отсутствовали (что было естественным, если учесть их количество), или не были достаточно подробными. На найденных фотографиях выставки удалось обнаружить лишь разделы книг и игрушки, но и там можно увидеть, что в основном присутствовали наименования тематических разделов и небольшие бумажные экспликации к книгам, поэтому упущение описательной составляющей для детских рисунков было вполне вероятным.

В результате было сложно установить не только тему рисунка, но и возраст ребенка, который его создал. При этом, как также отмечается в публикации, меньше всего работ было представлено в разделе детей младшего возраста, которые Бакушинский хвалит особенно сильно, отмечая «чисто японские признаки», к которым он относит «силу и скупость цвета, каллиграфичность линии...» [Бакушинский 1928, с. 159]. В своем обзоре выставки он связывает психобиологические особенности авторов рисунков с их возрастом и влиянием культуры, а также социальной среды, что в совокупности выражается в их творчестве.

Во-вторых, обращает на себя внимание визуальная составляющая изображения, ставшая предметом отдельной искусствоведческой дискуссии. Может показаться, что проблемы «взрослого» художественного мира с его усиленной категоризацией на реалистическое искусство и буржуазное/абстрактное могли бы миновать детский рисунок, но такого не происходит. Сбавляется градус критики, но при этом старательно продолжается формирование отношения зрителя к работам, одновременно подчеркивается увядание старой культуры и ориентира Японии исключительно на Запад: «Самостоятельно-детское, и самобытно-национальное в дальнейшем развитии все более испытывает на себе тяжкий груз чуждых наслоений... В старших возрастах преобладает старательное подражание европейским формам и приемам новейшего искусства, начиная с импрессионизма, продолжая сезаннизмом и заканчивая разными оттенками экспрессионизма. Перед этим материалом выставки зритель проникается значительным разочарованием. Перед ним явное крушение самобытности старой художественной культуры и досадная ее замена сомнительными ценностями подражания последнему крику европейской художественной моды. Чисто японским в этих рисунках оказывается, может быть, лишь высокий качественный уровень и завершенность каждого рисунка» [Бакушинский 1928, с. 159–160].

Ожидания высокой технической составляющей в первую очередь связано также с миром взрослых и тех представлениях о японском искусстве, что вращивались на протяжении пары десятилетий с момента его открытия русскому зрителю. По этой причине тема техничности гравюры, использования цвета и прямое сравнение с художниками, ею занимавшимися, с той же легкостью ложилась на сферу детского рисунка. Предмет изображения и тема рисунка, в представлении обозревателей выставки, должны были вызывать знакомые ассоциации:

работа в поле и жизнь крестьян, национальные символы, узнаваемые природные пейзажи. Отсутствие этих параметров чаще всего вызывало разочарование и критику:

«Совершенно неожиданными для зрителя оказываются детские рисунки. Естественно, казалось бы, ожидать от них тех же специфических особенностей, которые присущи японскому искусству в целом. В действительности же эти многочисленные листки с свободными рисунками ребят дошкольного и раннего школьного возраста, как две капли воды, похожи на рисунки ребят из наших детских домов и садов...Если бы эти листки перемещать с работами наших детей, было бы очень трудно потом их рассортировать» [Рогинская 1928, с. 11].

«В противовес старому японскому искусству, которое делало лицо японца более желтым и узкоглазым, чем оно есть на самом деле, современная японская графика тяготеет к европейскому типу...То же тяготение к европейским образцам видим мы и в рисунках детей...Преобладают пейзаж и натюрморт, есть несколько портретов. Постановка предметных групп чисто европейская, устойчивая, плотная, централизованная. Большинство предметов — стеклянные вазы для фруктов, бутылки, овощи, кустики герани и бегонии в глиняных горшках и пр. — очень нам знакомы. Лишь несколько рисунков сделаны с народной японской игрушки. Пейзажи в большинстве также поражают отсутствием характерности — уголки парка, крыши домов в городе, берега реки с купами деревьев — все это «совсем как у нас»...Совершенно

отсутствуют изображения знаменитой Фузи-яма, почти нет моря, сосен на скалах, цветущих вишневых деревьев; словом всего того, что сюжетно характеризовало старую японскую графику» [Сакулинская 1928а, с. 14].

Категория «совсем как у нас» категорично ставила под сомнение тематический или изобразительный подход ребенка, который изображал свой окружающий мир, а не романтизированные образы людей, часть из которых никогда и не бывала в Японии. Н. Сакулина в тексте выставочного каталога и вовсе пытается продемонстрировать весьма странную обязательную преемственность между творчеством детей и Хокусай и Утамаро: «Специфически японское только в сюжетах: высадка риса в залитые водой поля, рикша, семейная трапеза за низеньким столиком и т. д. Особняком стоит серия иллюстраций к очень популярной в Японии сказке Момотаро (Персиковый мальчик). Здесь мы встречаем формы и повороты человеческих фигур, известные нам по японским гравюрам. Объясняется это тем, что дети копировали книжные иллюстрации или рисовали под большим их влиянием. Таким образом, влияние оказывается чисто внешним. Японское искусство так своеобразно, что нам хочется и в маленьких художниках видеть будущих Гокусаи и Утамаро, так необычно и прекрасно видевших мир» [Сакулинская 1928b, с. 17]. Подобное встречается и далее по тексту, где Н. Сакулинская пишет о том, что ей хотелось бы в следующий раз увидеть большое число работ, которые позволили бы понять, «...насколько передалась японским детям своеобразная манера видеть и отображать мир старых великих мастеров Японии» [Сакулинская 1928b, с. 19].

Рис. 1. Рисунок японского ребенка.
«Выставка детской книги и детского творчества Японии» 1928 года.
Источник: «Искусство в школе». 1928. № 11. С. 13

Продолжая тему национального колорита в детском рисунке, можно также отметить, что акцент в советской художественной критике на более юных детях связан еще и с тем, что, в представлении авторов некоторых статей, они проявляли большую склонность к изображению национальных элементов, а дети более старшего звена, наоборот, уплощали свою национальную составляющую, и их работы имели заметную схожесть с рисунками детей из других стран.

«Наши специалисты подвергли эти рисунки тщательному изучению. Они пришли к следующим выводам: до определенного возраста японские дети почти не отличаются по манере рисования от советских детей; резкая разница замечается лишь позже, когда дети попадают под систематическое влияние взрослых»¹⁰ [Novomirsky 1928, p. 11].

Единственный комментарий, который как-то обозначает политическую составляющую в искусстве детей, приведен в журнале «Красная нива». Ни в каких других периодических материалах или архивной документации политическая компонента не встречается, а сама тема-связка японских детей и милитаризма появится в детско-подростковой периодике чуть позже, где-то в 1931–1932 гг., к примеру, в журналах «Ёж» и «Пионер»¹¹.

«Надо отдать должное японским педагогам и художникам — они многое делают для того, чтобы внести искусство в мир ребенка. Правда, в этом искусстве зачастую сказываются и такие чуждые нам тенденции, как ура-патриотизм, прославление империалистической мощи и т. п.» [Детская книга Японии 1928, с. 17].

В целом, несмотря на ряд замечаний, первый опыт знакомства советских искусствоведов и публики с японским рисунком был довольно успешным, но к нему может применяться определенная критическая оптика. Заданные ожидания и стереотипы определяли в СССР восприятие зарубежных выставок изобразительного искусства и последующую оценку визуальных материалов. Наиболее справедливым и взвешенным представляется комментарий Е.Г. Спальвина, который, рассуждая о японских культурных мероприятиях, проведенных в СССР в период с 1928 по 1929 г., указывает на то, что было бы излишне и слишком просто вскрывать поверхностные черты, не понимая устройства современной Японии и ее культуры. Чуткость его высказываний ощущается и сегодня:

«В одной киевской газетной вырезке о детской выставке было написано так много (неразборчиво) писания, которое свидетельствует о полном непонимании самых простых явлений японской жизни, педагогики и особенностей последней... Возникает вечный спор относительно подражания и усвоения и легкомысленно склоняются в сторону подражания...¹²».

¹⁰ Пер. с французского автора.

¹¹ В начале тридцатых, после вторжения Японии в Маньчжурию, в юношеских периодических изданиях появляются небольшие текстовые материалы, а также гротескные карикатуры на японских министров и солдат. Отдельное место занимают небольшие фоторепортажи, касающиеся воздействия пропаганды на детей: школьники в военной форме, строевая подготовка и др.

¹² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 5.

Рис. 2. Рисунок японского ребенка.
«Выставка детской книги и детского творчества Японии» 1928 года.
Источник: «Искусство в школе». 1928. № 11. С. 15

Показ детского рисунка не носил в советско-японских культурных связях одностороннего характера. Еще летом 1927 г. рисунки советских детей были отправлены на Международную неделю детского творчества в Токио и ряд других городов Японии¹³. Детский рисунок обретал мобильную форму и не был привязан настолько к государству идеологически, что отличало эту ситуацию от выставок на схожую тему, посвященных детству и взрослению ребенка. Среди последних стоит упомянуть детскую выставку в Кобэ 1928 г., посвященную рождению и детству, а также более крупную выставку «Женщина и дети» (также упоминается как «Женщины и дитя») в Японии в марте 1933 г., которая касалась темы образования и воспитания детей. Выставка уже включала в себя некоторую идеологическую составляющую и потому сопровождалась цензурованием с японской стороны¹⁴. Следует учесть, что даже в демонстрации детского рисунка за рубежом советское государство видело демонстрацию силы образовательной системы и отражение успехов советской политической модели, а значит и элемент пропаганды, о чем свидетельствует, например, следующая оценка выставок рисунка советских детей.

«Выставки “Детской иллюстрированной книги”, организованные с 1926 по 1931 г. в странах Центр. Европы, США, Японии, Франции и т. д..., как будто на первый взгляд довольно безобидные, являются первоклассным материалом для пропаганды коммунистического воспитания ребенка, для освещения коммунистических принципов в развитии народного образования»¹⁵.

Масштабным событием в сфере культурных связей с зарубежными странами стала выставка Международного детского рисунка в Государственном музее изобразительных искусств в 1934 г. В своей области проект был первым в своем роде — участие 10 стран многократно увеличивало количество представленных работ, составившее 1500, а возраст детей варьировался от 5 до 15 лет. Теперь работы подразделялись на две категории: самодеятельные и учебно-художественные рисунки, то есть проводилась граница между экспонированием самоучек и тех детей, кто занимался рисунком в школах или с педагогом.

Со стороны Японии было несколько участников-организаций, приславших работы. Согласно архивным документам, «62 работы было получено от детских школ, 72 работы от учеников школы “Ме Эзно”, 1 альбом с рисунками Императорского университета Токио, 111 работ было получено по результатам конкурса японского журнала “Кодомо но томо” (Друг детей)¹⁶, 20 рисунков дошкольников и школьников от женского Сеттльмента, а также 200 работ от Нисса Бунка Кио-Кай¹⁷ и 200 рисунков, которые привез Яков Мексин из Японии»¹⁸. Все они впоследствии были переданы в Центральный дом художественного воспитания детей (ЦДХВД), однако на выставку попала лишь часть работ (44 рисунка¹⁹), так как фокус отбора был направлен на наиболее интересные работы, как визуально, так и тематически. Были заявлены работы японских детей в возрасте от 8 до 15 лет в следующих категориях: свободный рисунок, копирование, аппликация, работы с натуры, декоративно-прикладные работы (рисунки для обоев), плакаты и этикетки, шрифт.

¹³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 390. Л. 37.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 47.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 167. Л. 26 об.

¹⁶ Детский журнал «Друг детей» (子供之友, *Кодомо но томо*) выходил в Японии с 1914 по 1943 г.

¹⁷ Общество японо-советских культурных связей (ОЯКС) возникло в мае 1932 г. на базе «Общества друзей СССР», которое в свою очередь было образовано после распада «Японо-советского литературно-художественного общества» (ЯРЛХО). Выпускали журнал «Новая Россия», устраивали собрания и тематические вечера, поддерживали более активную связь с ВОКС, в отличие от другого сообщества «Новое общество друзей СССР». К концу 1930-х гг. также подверглись давлению со стороны властей, общество было распущено.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 300. Л. 62–64

¹⁹ По крайней мере именно столько работ заявлено в каталоге к выставке. Судьба большинства работ детей из Японии известна, в настоящее время многие из них хранятся в коллекции Института художественного образования Российской академии образования.

Рис. 3. Рисунок японского ребенка.

Источник: «Международная выставка детского рисунка». 1934

Выставка стала ключевой в дискуссии об определении детского рисунка как «искусства», именно тогда аргументированно зазвучали слова о необходимости изучения детского рисунка и создания музея, посвященного данному явлению. Подобная инициатива в основном была встречена положительно, хотя художник Александр Тышлер возражал против использования термина «искусство» в отношении работ детей²⁰. В отличие от ранее прошедшей мононациональной японской выставки, опыт 1934 г. позволял провести визуальные сравнения рисунков детей разных стран. К сожалению, каких-либо конкретных упоминаний работ или аспектов творчества японских детей не имеется, кроме небольшого комментария Г. Лабунской в своей статье в каталоге выставки, где она отмечает влияние современного рекламного плаката и современной западноевропейской книжной иллюстрации на творчество детей, в том числе и японских [Лабунская 1934, с. 10–11].

«Сравнение рисунков советских и зарубежных детей даст очень поучительный материал и позволит сделать интересные выводы. Влияние социальных условий и классовой борьбы на творчество будет выражено здесь с предельной ясностью...Выставка будет интересна художникам, писателям, педагогам, искусствоведам и просто родителям. Нет сомнения, что советская общественность с удовлетворением встретит эту первую серьезную попытку систематизировать и собрать детские рисунки. Из материалов выставки впоследствии должен быть организован постоянный музей детского творчества» [Дневник литературной газеты 1934, С.1].

Представление детского японского рисунка в СССР в довоенный период по большей части сопровождалось попытками определить его место в искусстве с пристальной фиксацией национальных моделей, выраженных в творчестве ребенка. Также очевидно нежелание советских искусствоведов видеть в японском рисунке «чужеродные» элементы, связанные с «враждебными» художественными направлениями или изображаемыми сценами быта или жизни капиталистических стран. Желание видеть только общеизвестные темы и визуальные символы, связанные с обывательскими представлениями о Японии за редким исключением, ограничивало подход к пониманию творчества современного японского ребенка, что в дальнейшем также сказалось на рассмотрении этого явления в послевоенный период.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 300. Л. 33–37.

Послевоенный период: «Я вижу мир». Рисунок и коммуникация

С конца 1950-х гг. выставки рисунка японских детей возвращаются в советское выставочное пространство, но с некоторыми изменениями, как в рамках своей репрезентации, так и в смысловом контексте. Выставки приобрели регулярный характер и стали составной частью дипломатических отношений и культурного обмена между двумя странами. В официальной документации данные мероприятия, как и выставки фотографии, относятся к направлению информационно-пропагандистских материалов²¹. В этом отношении никаких изменений не происходит, за исключением интенсивности проведения выставочных мероприятий.

Часть выставок рисунка не столько проводилась с целью знакомства советской публики с творчеством японских детей, сколько была приурочена к конкретным событиям или датам. Сюда, например, можно отнести выставку детского рисунка Японии в Сочи в 1968 г., которая проводилась в рамках Международного дня детей, а также в рамках обсуждения вопроса о заключении побратимских отношений городов Сочи и Атами²². Подобные формы культурного обмена практиковались и в других городах-побратимах: так, после заключения соглашения между Ригой и Кобэ в 1975 г. в Риге был проведен ряд выставочных мероприятий, в том числе и выставка детского рисунка.²³ Насыщенную программу выставочного обмена проводило общество «СССР – Япония»: например, в Ленинграде регулярно, на ежегодной основе, проводились «Дни Осака», где среди массы различных событий происходил и обмен выставками рисунка детей Ленинграда и Осаки, представлявших разные школы²⁴. Подобные инициативы были и в советских республиках: к примеру, грузинское отделение общества «СССР – Япония» принимало участие в Международной выставке детского творчества в Нагоя, куда были направлены различные предметы детского творчества: рисунки, вышивка, деревянная скульптура²⁵.

Один из редких примеров выставок детских рисунков связан с выставками детей с особенностями развития. Известно о выставке 1981 г., которая была организована Союзом Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Хоккайдским Домом японо-советской дружбы и культуры. Планировалась, что выставка пройдет в Саппоро и Москве, однако свидетельств о проведении такой выставки в Москве не осталось. Показ работ был приурочен к программе декларированного ООН Международного года инвалидов. Искусство, представленное на выставке, определялось организаторами как творчество «неполноценных и аномальных» детей. Известно, что помимо указания имени автора и возраста, на этой выставке были представлены и краткие объяснения того, что изображено на рисунке²⁶.

Важна была и категория выставочной мобильности, которая позволяла устраивать подобные проекты в большом количестве и обеспечивать их передвижение по городам Советского Союза. В отличие от «взрослого» искусства, выставки детского не нуждались в больших организационных усилиях, связанных с вопросами страхования произведений искусства, соблюдения норм хранения и перевозки, не говоря уже о самом главном и отчасти дорогостоящем — транспортировке работ обратно. Если не рассматривать проекты, где детский рисунок был лишь составной частью более масштабной выставки, которая подразумевала другую логистику, рядовые выставки не требовали особых затрат.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 869. Оп. 2-2. Д. 807. Л. 2.

²² ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 15. Д. 424. Л. 176.

²³ ЦГА СПб. Ф. 869. Оп. 3. Д. 37. Л. 26.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 869. Оп. 2-1. Д. 268. Л. 3.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 869. Оп. 3. Д. 118. Л. 24.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 3296. Л. 6–7.

Флаги. Рисунок, присланный школьниками Японии. Акварель.

Рисунки-письма

На Всемирном конгрессе в защиту мира, состоявшемся прошлым летом, мне довелось беседовать с многими делегатами Японии, Чехословакии, Мексики, Франции и других стран. Все поддерживали мысль о необходимости более тесных контактов не только между взрослыми, но и между детьми, горячо желающими общаться друг с другом. Но как это сделать? Ведь дети не знают чужого языка! Международным оказался язык изобразительный. К нему охотно прибегают дети разных стран и национальностей.

Очень активно проходит переписка учеников Московской детской художественной школы с детьми Японии. Наши ребята получили чудесные письма — рисунки, рассказывающие о жизни, природе и делах японских детей, и с большой охотой отвечают на них.

На имя ученицы дошкольной группы Марины Захарин

пришло такое письмо от японской девочки: изображен дом, в котором она живет, и осенний сад около него. Рисунок тонко и со вкусом оформлен: на паспорту подпись — иероглифы — и фотография автора. Приложенная газета с рисунками рассказывает о делах ее школы. В ответе-рисунке Марины с большим чувством представлено, как ее вместе с другими ребятами принимали в пионеры на Красной площади.

Отвечая на письмо 6-летней корреспондентки, которая первый раз пошла в школу, Лера Воробьева в рисунке рассказала о детях нашей страны, идущих на занятия 1 сентября.

Так письма-рисунки, письма-фотографии полетели из конца в конец нашей планеты. В них искренность, сердечность — залог большой дружбы детей всего мира.

Н. КОФМАН

1 сентября.

Рисунок московской школьницы.

Школьная газета
из города Фунабаси.

Маки. Рисунок японской девочки.

17

Рис. 4. Рисунки-письма. Источник: «Творчество». 1963. № 8. С. 17

В чем-то можно увидеть схожесть выставок детского рисунка с выставками фотографий, которые носили тоже репрезентативно-национальный характер, быстро перебрасывались из одного региона в другой, и ввиду высокой тиражности фотопечати редко возвращались обратно, если мы говорим о выставках общего плана (виды Японии, виды Токио, быт японцев и др.), а не конкретных фотографов.

Поскольку все выставки реализовывались в большинстве своем за счет ССОД, обществ «СССР – Япония» и «Япония – СССР», то стоит сказать и о коммуникативной составляющей. В процесс отправки работ на выставках были включены не только отдельные дети, но и целые школы, как общего типа, так и художественные. Сами же выставки могли проходить не только в музейном или школьном пространстве, а также, если обобщить на примере Ленинграда, то в самых разных местах: ВНИИ технической эстетики, Доме мод, Доме дружбы, заводе грампластинок, библиотеке Академии наук, Центральном доме работников просвещения и т. д.²⁷ Или другой пример: выставка детей из Кумамото (японской стороной

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 869. Оп. 3. Д. 118. Л. 9.

было предоставлено 3500 рисунков) была показана на следующих площадках в Москве: городская детская художественная школа, Дом дружбы с народами зарубежных стран, Дом культуры «Вперёд» в г. Долгопрудный, редакция журнала «Декоративное искусство СССР»²⁸.

По итогам проведения этих событий рисунки чаще всего передавались тем школам, откуда были участники выставок, то есть происходил своего рода обмен, который способствовал становлению практики незримой коммуникации между детьми. Однако не всегда эта нить общения была невидимой — довольно распространенным делом была практика переписки между школьниками из СССР и Японии. Уместно вспомнить и том, что у такой коммуникации иногда была художественная составляющая — например, ученики Московской детской художественной школы обменивались рисунками-письмами со своими японскими сверстниками [Кофман 1963, с. 17].

Рисунки японских детей, помимо их представления на выставках, также неоднократно попадали на страницы следующих изданий: «Детская литература», «Декоративное искусство СССР», «Искусство», «Костёр», «Культура и жизнь», «Мурзилка», «Пионер», «Ровесник», «Творчество», «Техническая эстетика», «Художник», «Юный художник». При этом стоит отметить, что, если часть журналов с публикацией рисунков одновременно размещала обзоры выставок [Мухина 1966, с. 38–39] или анализ творчества детей и образовательной системы в целом, то такие журналы, как «Костёр», «Мурзилка», «Пионер», «Ровесник», публиковали в основном только рисунки в рамках своих тематических рубрик²⁹. Во многом благодаря публикациям в этих периодических изданиях удается восстановить работы некоторых детей с различных выставок, поскольку фотодокументация в отношении большинства проектов не велась или была утеряна.

В послевоенный период новым моментом для выставок японских детских рисунков становится то, что их организация сопровождалась подробным обсуждением и публикацией материалов на тему художественного и эстетического образования в Японии [Кодзума 1976, с. 47–50]. Например, в советских изданиях появились материалы, как советских авторов, так и переводные, посвященные освоению японской гравюры в школах [Ота 1976, с. 50–51]. Материалы подобного рода, ориентированные в основном на педагогов, демонстрировали широту образовательных подходов японских художественных учреждений, использование ими различных техник создания работ. Затрагивались вопросы исследования детского рисунка и деятельности тех обществ в Японии, которые занимались данной областью [Жукова 1985, с. 27–29], а также проблемы смежных сфер творческих практик, таких, как специфика восприятия цвета [Ефимов 1978а, с. 25–29; Ефимов 1978b, с. 25–28] или дизайн [Устинов 1988, с. 11–16]. В отношении цвета особенно показательна серия републикаций материалов из книги «Разноцветный цирк»³⁰ в нескольких выпусках журнала «Юный художник» за 1988 г.³¹ В небольших статьях детей обучали пониманию оттенков цвета, возможности их сочетаний и того, где они могут встречаться в окружающем мире. Тексты обычно сопровождалась наглядными примерами.

²⁸ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 15. Д. 428. Л. 57–58.

²⁹ Несколько примеров подобных публикаций: журнал «Пионер» (1967, № 12) в рубрике «Рисуют дети мира» на задней обложке; журнал «Ровесник» (1979, № 12) в тематической подборке на задней обложке; журнал «Мурзилка» (1959, № 6; 1960 № 6) в тематических подборках на задней обложке и в материале «Дети хотят мира»; журнал «Костёр» (1960, № 6) в тематической подборке «Рисунки японских детей» на задней обложке, (1979 № 9) на с. 37 в разделе «Рисунки твоих ровесников»; (1977 № 7) на задней обложке.

³⁰ Книга «Разноцветный цирк» (いろいろサーカス(あそびの絵本), Ироиро са:касу (асоби но э-хон) была выпущена в 1981 г. издательством Ивасаки Сётэн (岩崎書店), автор книги – Ито Ясуко (伊藤靖子).

³¹ Материалы из книги «Разноцветный цирк» публиковались в журнале «Юный художник» с № 3 по № 8 за 1988 г. В большинстве случаев материал сопровождался самостоятельными комментариями советских авторов, но на некоторых иллюстрациях, в особенности тех, что касаются названия цветов, остались надписи на японском, с помощью которых очень удобно учить названия оттенков цвета на японском.

Рис. 5. Рисунки японских детей.

Источник: «Костёр». 1960. № 6. 2-ая страница задней обложки

Другой дискуссионной площадкой, уже выходящей за пределы печатного поля, где обсуждалось творчество детей, стали ежегодные встречи по эстетическому воспитанию между представителями Японии и СССР. Проводились они поочередно в Токио и Москве с 1969 г. по вторую половину 1980-х гг., а организаторами выступали сразу несколько общественных организаций: Ассоциация деятелей литературы и искусства для детей и юношества ССОД, Институт художественного воспитания и цвета, японская Ассоциация по развитию международных связей в области культуры, науки и искусства. Встречи подобного рода представляли собой диалог между учеными, литературными и художественными критиками, издателями, театроведами и композиторами, которые обсуждали актуальные проблемы подходов к образованию детей в своих странах [9-я советско-японская встреча по эстетическому воспитанию 1983, с. 34]. Подобного рода действия, кажется, не оставались без внимания: публикации материалов на тему японского образования и живые встречи неоднократно подталкивали советских авторов к рассуждениям о необходимости перенимать положительный

Рис. 7. Рисунки детей Японии.

Источник: «Детская литература». 1966. № 8. С. 38–39.

к участию детей из десятков стран. Лучшие работы, присланные на конкурс, попадали на выставку и могли быть премированы медалью или особой премией. При этом оценивались не только работы детей, но и вклад их педагогов или художественных учреждений³⁶.

Главенствующее место в публикациях советских критиков, посвященных представленным на выставках детским рисункам, как из Японии, так и из других стран, занимает акцентуализация национального. В рецензиях чаще упоминались рисунки из таких стран, как США, Великобритания, Франция и работы советских детей. Япония, испытывая на себе повышенное внимание к художественным качествам детских работ, также занимала приоритетное место в этом списке. Логика в описании творчества детей из Японии остается схожей с довоенным периодом:

«Мы уже привыкли встречать на этих выставках интересные коллекции работ из Японии. В них особенно ощущаешь влияние народных традиций. И на этот раз рисунки японских детей радовали» [Каменева 1976, с. 33].

«Лиричный и трогательный рисунок свидетельствует о том, что чувство прекрасного глубоко пронизывает повседневную жизнь народа, воспитывается и культивируется в детях. Ту же чуткость к красотам природы можно обнаружить в изображениях цветущей Сакуры и священной горы Фудзиямы» [Макеева 1973, с. 39].

Однако не все авторы так просто объясняют национальную составляющую, для некоторых из них важна именно детская оптика и сознание ребёнка, способы его выражения окружающего мира, что значительно расширяет дискуссионное поле в отношении детского рисунка:

«Но было бы упрощением объяснять все одной только национальной традицией. Глядя на эти удивительные рисунки, приходишь к выводу, что, если талантливого ребенка с раннего детства изолировать от произведений искусства его страны, он все равно начнет творить в том же “японском” ключе. Я имею в виду не великую тысячелетнюю культуру рисунка, приучившую глаза и пальцы к технике иероглифа, — такой навык может стать наследственным. Речь идет о глазах, обращенных к миру, о том, как видит его ребенок и как изображает» [Уварова 1966, с. 49–50].

³⁶ В 1968 г. была премирована работа Ёно Хироко под названием «Дождливый сезон», которая в итоге также попала в серию из 12 открыток, которые были напечатаны тиражом в 20 000 экземпляров после проведения конкурса.

«Их тематика оказалась очень широкой: белоснежный корабль, плывущий по морю, зоопарк, спортивный праздник, вечерний пейзаж, аквариум с пестрыми рыбками и многое другое, что радует, волнует и долго хранится в памяти ребенка» [Норина 1960, с. 55–56].

Были и иные попытки представить искусство детей Японии, уже не в русле природной и национальной символики, а через призму социальных отношений. Так в статье Т. Сетунской «Я вижу мир», автор, наоборот, пишет про то, что дети Японии в своих работах много внимания уделяют труду и тем, кто его является его носителем, причем происходит это как в аграрной сфере (работники в полях), так и в индустриальной (работники завода, покорители космоса). Подобный ход мысли был, скорее, исключением из общего массива рецензий, а вот рассуждения о влиянии «модернистского-буржуазного» искусства на детские работы встречаются гораздо чаще. Оценки здесь опираются в первую очередь на идеологическую основу, а не на художественные критерии:

«Выхолащивание всего национального ради «современности», «модернизма» в детском творчестве, как это можно было заметить на стендах немногих стран, лишило рисунок его неповторимости, выразительности, превратило творчество ребенка в беспомощное подражание «модным» художественным течениям» [Сетунская 1970, с. 19].

Подобные пассажи редко встречаются даже в немногочисленных книгах отзывов с выставок, где люди в основном довольно благосклонно относятся к творчеству японских детей, избегая критических оценок, хотя и не без затейливых исключений, как в случае показа детского рисунка Японии в 1959 г., где в отзывах посетители даже вступают в перепалку друг с другом:

«По-моему, дети в этом возрасте должны рисовать лучше. Хоть бы один рисунок из такого количества» (Посетитель № 1)

«Понимаете ли вы вообще то, о чем пишете?»³⁷ (Посетитель № 2 отвечает посетителю № 1)

«Мы считаем, что японские дети утерли нос всем западным сюрреали-, импрессиони-, иммажени- и прочим истам!»³⁸ (Посетитель № 3)

Советские обозреватели выделяют такие отличительные черты японских работ, как усердность в исполнении рисунка, а также его техничность. В этом плане любопытно, что подобная характеристика очень роднит оценки творчества японских детей не столько с их «взрослыми» коллегами-художниками из Страны восходящего солнца, устраивавшими выставки в СССР, сколько с японскими графиками-плакатистами, участниками различных выставок и биеннале международного плаката, по отношению к которым употребляются максимально близкие по своему значению определения.

«Рисунки японских детей соединяют в себе два обычно трудно соединимых достоинства — высокую культуру формы (цвет, ритм, композиция) с очень живым, чуждым предубеждений и ограничений, характеризующимся любовью к детали, подробности, взглядом на мир... Возможно, это проявление исторически сложившихся, благодаря мудрому воспитанию, черт характера: европейца, попадающего в Японию, японские дети очаровывают умным послушанием, умением, не мешая взрослым, занять себя красотой разнообразных иногда пришедших из глубокой древности игр» [Жукова 1966, с. 26].

«Они делают это свободно, раскованно, с подлинным ощущением линии, цвета, используемого материала. Их работы всегда волнуют зрителя, так как выполнены искренне, с большой точностью и убедительной достоверностью. Они бесхитроно показывают жизнь и людей труда. В рисунках японских детей чувствуется любовь ко всему, что они делают; ценность заключается также в том, что они стремятся работать еще лучше» [Карлаварис 1980, с. 23].

³⁷ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 17. Д. 93. Л. 13.

³⁸ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 17. Д. 93. Л. 14.

Заключение

Выставки японского детского рисунка в СССР довоенного периода продемонстрировали желание их организаторов относиться к детскому искусству как к объекту не только экспонирования, но и изучения, причем в художественной критике того времени проявилась тенденция к экзотизации детских работ. В 1920-е гг. еще не сложилось регулярных связей между детьми и художественными учреждениями двух стран, не было и взаимного понимания особенностей образовательной системы страны-партнера, связанных с воспитанием художественного и эстетического вкуса у детей. Такие связи и такое понимание возникнут только к концу 1950-х и началу 1960-х гг. При всей противоречивости советской художественной критики рисунка японских детей выставки имели важное культурное значение в рамках начального этапа российско-японских культурных связей.

Послевоенный период демонстрирует более широкий подход к организации в СССР международных выставочных проектов, связанных с миром ребенка. Привлечению внимания к творчеству детей Японии во всех его проявлениях способствовали не только мононациональные выставки, но и крупные проекты с участием множества стран. Появлялись возможности регулярного обмена выставками и отдельными работами, налаживанием личной коммуникации между детьми, а также расширением тематики проектов, которые могли быть посвящены конкретным событиям и проводиться конкретными группами детей. В СССР оформилось дискуссионное поле для обсуждения детского творчества и эстетического воспитания, как в периодических изданиях, так и в рамках совместных выставочных мероприятий, проводившихся общественными организациями двух стран.

Критерии оценки детского творчества с довоенного времени изменились лишь в небольшой степени, зато появилось больше внимания к изучению восприятия ребенка и трансляции им окружающего мира в пространство изображения. В художественной критике, равно как и среди посетителей выставок, сохранялся запрос на определенные национально-окрашенные сюжеты и символы в детском творчестве, что ограничивало зрительское восприятие и искажало понимание работ детей. Восприятие детского рисунка подвергалось такому же идеологическому воздействию, как и искусство взрослых художников, хотя это воздействие проявлялось в меньшей степени. В ряде случаев вместо концентрации на выразительные средства детского рисунка и иные аспекты творческой индивидуальности художника внимание смещалось на совершенно сторонние вещи. Вместе с тем выставки позволяли выстраивать коммуникацию между организациями и детьми, а также стимулировать интерес посетителей выставок к культуре и жизни другой страны.

С начала 1990-х гг. былая значимость подобных выставок как важного элемента культурного обмена двух стран сошла на нет, что справедливо и для настоящего времени, несмотря на эпизодическое проведение экспозиционных проектов такого рода в самых разных регионах России. «Пропагандистскую» составляющую детского рисунка, к счастью, настигло увядание, однако вызывает сожаление то, что подобные выставки перестали привлекать к себе общественное внимание вследствие отсутствия медийного интереса к этим инициативам, а также целенаправленного изучения работ японских детей с точки зрения искусствознания и психологии. Между тем исследовательская ценность вопроса о представлении в нашей стране художественного творчества японских детей сохраняет свою актуальность, поскольку его прояснение позволяет высветить закономерности и особенности культурных связей нашей страны с Японией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бакушинский А.* Выставка детской книги и детского творчества Японии. Искусство. 1928. Кн. 3–4. С. 155–160.
- Гапочка И.* Детские забавы — забота взрослых. Культура и жизнь. 1982. № 7. С. 17.
- Детская книга в Японии. Красная нива. 1928. № 46. С. 17.
- Дневник литературной газеты. Литературная газета. 24.03.1934. № 36. С. 1.
- Ефимов А. В.* Цвет в японской школе. Техническая эстетика. 1978а. № 4. С. 25–29.
- Ефимов А. В.* Цвет в японской школе. Техническая эстетика. 1978б. № 5. С. 25–28.
- Жукова А.* Маленькие коллеги больших художников. Художник. 1966. № 9. С. 25–33.
- Жукова И.* Художественное воспитание в Японии. Юный художник. 1985. № 1. С. 27–29.
- Каменева Е.* «Моя страна — мой дом». Декоративное искусство СССР. 1966. № 10. С. 34–37.
- Каменева Е.* «Я вижу мир». Декоративное искусство СССР. 1976. № 5. С. 33, 1-я страница передней обложки.
- Карлаварис Б.* «Я вижу мир». Юный художник. 1980. № 6. С. 21–23.
- Кодзума М.* Ради постижения красоты мира. Детская литература. 1976. № 6. С. 47–50.
- Кофман Н.* Рисунки-письма. Творчество. 1963. № 8. С. 17.
- Лабунская Г.* О детском рисунке. Международная выставка детского рисунка. Каталог. 1934. С. 10–11.
- Макеева А.* Мир глазами детей. Каков он? Детская литература. 1973. № 9. С. 39–45.
- Мухина В.* Рисуют дети Японии. Детская литература. 1966. № 8. С. 38–39.
- Неменский Б.* Любовь! Творчество. 1969. № 12. С. 20–21.
- Норина Т.* Рисунки японских детей. Культура и жизнь. 1960. № 9. С. 55–56.
- Ота К.* Радость создания гравюры. Детская литература. 1976. № 6. С. 50–51.
- Рогинская Ф.* Мир японского ребенка. Известия. 11.10.1928. № 243. С. 5.
- Сакулина Н.* Рисунки японских детей (Выставка детской книги и детского творчества Японии). Искусство в школе. 1928а. № 11. С. 13–16.
- Сакулина Н.* 1928б. Рисунки японских детей. Выставка детской книги и детского творчества Японии. Каталог выставки. Москва: нотопечатня Госиздата. С. 16–19.
- Сетунская Т.* «Я вижу мир». Декоративное искусство СССР. 1970. № 5. С. 18–23.
- Уварова И.* Мир глазами детей. Искусство. 1966. № 12. С. 47–51.
- Устинов А. Г.* Дизайн в японской школе. Техническая эстетика. 1988. № 6. С. 11–16.
- 9-я советско-японская встреча по эстетическому воспитанию. Детская литература. 1983. № 4. С. 34.

REFERENCES

- 9-ya sovetsko-yaponskaya vstrecha po esteticheskomu vospitaniyu [9th Soviet-Japanese Meeting on Aesthetical Education]. (1983). *Detskaya literatura* [Children's Literature], 4, 34. (In Russian).
- Bakushinskii, A. (1928). Vystavka detskoï knigi i detskogo tvorchestva Yaponii [Exhibition of Children's Books and Children's Art of Japan]. *Iskusstvo* [Art], books 3–4, 155–160. (In Russian).
- Detskaya kniga v Yaponii [Children's Books in Japan]. (1928). *Krasnaya niva* [Red Field], 46, 17. (In Russian).
- Dnevnik literaturnoi gazety [Literature Newspaper's Diary]. (1934, 24 March). *Literaturnaya gazeta* [Literature Newspaper], 36, 1. (In Russian).
- Efimov, A.V. (1978a). Tsvet v yaponskoi shkole [Color in Japanese School]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 4, 25–29. (In Russian).
- Efimov, A.V. (1978b). Tsvet v yaponskoi shkole [Color in Japanese School]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 5, 25–28. (In Russian).
- Gapochka, I. (1982). Detskie zabavy — zabota vzroslykh [Children's Play Are Adults' Business]. *Kul'tura i zhizn'* [Culture and Life], 7, 17. (In Russian).

- Kameneva, E. (1966). «Moya strana — moi dom» [“My Country Is My Home”]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative Art of the USSR], 10, 34–37. (In Russian).
- Kameneva, E. (1976). «Ya vizhu mir» [“I See the World”]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative Art of the USSR], 5, 33, 1 front cover page. (In Russian).
- Karlavaris, B. (1980). «Ya vizhu mir» [“I See the World”]. *Yunyi khudozhnik* [Young Artist], 6, 21–23. (In Russian).
- Kodzuma, M. (1976). Radi postizheniya krasoty mira [To Grasp the Beauty of the World]. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 6, 47–50. (In Russian).
- Kofman, N. (1963). Risunki-pis’ma [Drawings-Letters]. *Tvorchestvo* [Creativity], 8, 17. (In Russian).
- Labunskaya, G. (1934). O detskom risunke [On Children’s Drawings]. In *Mezhdunarodnaya vystavka detskogo risunka. Katalog* [International Exhibition of Children’s Drawings. Catalogue] (pp. 10–11). (In Russian).
- Makeeva, A. (1973). Mir glazami detei. Kakov on? [The World Through Children’s Eyes. What Is It Like?]. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 9, 39–45. (In Russian).
- Mukhina, V. (1966). Risuyut deti Yaponii [Japan’s Children Draw]. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 8, 38–39. (In Russian).
- Nemenskii, B. (1969). Lyubovanie! [Admiration!] *Tvorchestvo* [Creativity], 12, 20–21. (In Russian).
- Norina, T. (1960). Risunki yaponskikh detei [Japanese Children’s Drawings]. *Kul’tura i zhizn’* [Culture and Life], 9, 55–56. (In Russian).
- Ota, K. (1976). Radost’ sozdaniya gravyury [Joy of Creating a Print]. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 6, 50–51. (In Russian).
- Roginskaya, F. (1928, October 11). Mir yaponskogo rebenka [The World of a Japanese Child]. *Izvestiya*, 243, 5. (In Russian).
- Sakulina, N. (1928a). Risunki yaponskikh detei (Vystavka detskoj knigi i detskogo tvorchestva Yaponii) [Japanese Children’s Drawings (Exhibition of Children’s Books and Children’s Art of Japan)]. *Iskusstvo v shkole* [Art in School], 11, 13–16. (In Russian).
- Sakulina, N. (1928b). Risunki yaponskikh detei. Vystavka detskoj knigi i detskogo tvorchestva Yaponii. Katalog vystavki [Japanese Children’s Drawings. Exhibition of Children’s Books and Children’s Art of Japan. Exhibition Catalogue] (pp. 16–19). Moscow: notopechatnya Gosizdata. (In Russian).
- Setunskaya, T. (1970). «Ya vizhu mir» [“I See the World”]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative Art of the USSR], 5, 18–23. (In Russian).
- Ustinov, A.G. (1988). Dizain v yaponskoj shkole [Design in Japanese School]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 6, 11–16. (In Russian).
- Uvarova, I. (1966). Mir glazami detei [The World Through Children’s Eyes]. *Iskusstvo* [Art], 12, 47–51. (In Russian).
- Zhukova, A. (1966). Malen’kie kollegi bol’shikh khudozhnikov [Little Colleagues of Big Artists]. *Khudozhnik* [Artist], 9, 25–33. (In Russian).
- Zhukova, I. (1985). Khudozhestvennoe vospitanie v Yaponii [Artistic Education in Japan]. *Yunyi khudozhnik* [Young Artist], 1, 27–29. (In Russian).

Поступила в редакцию: 27.11.2022

Received: 27 November 2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58

Продолжительность жизни в Японии (XVII – первая половина XX в.)

А.Н. Мещеряков

Аннотация. Продолжительность жизни является важнейшим показателем состояния общества и качества жизни тех людей, которые живут в нем. Она зависит от множества факторов, влияющих на смертность: питания, физических нагрузок, эпидемических и иных заболеваний, природных, социальных и техногенных катастроф, уровня общественной тревожности, состояния экологии, здравоохранения, гигиены и т. д.

В Японии периода Токугава тело не принадлежало самому человеку. Его предназначением являлось «служение» – сюзерену и родителям. В токугавское время японцам внушали, что только здоровый человек может выполнить свой долг. Забота о здоровье возлагалась на самого человека, система государственного здравоохранения отсутствовала. Несмотря на огромные отличия в природных условиях, стиле жизни, пищевой диете и научно-медицинских представлениях, по продолжительности жизни Япония находилась приблизительно на одном уровне с крупными европейскими странами.

После революции Мэйдзи концепт «служения» не исчезает, но теперь его главным объектом выступает государство в лице императора. Государство предпринимало серьезные усилия для улучшения здравоохранения, но отрицательные последствия модернизации долгое время не позволяли увеличить продолжительность жизни. Ее медленный, но устойчивый рост начинается только со второй половины 1920-х гг. Тем не менее, перед Второй мировой войной по продолжительности жизни Япония существенно отставала от развитых стран Запада. Экспансионистская политика Японии требовала нарастить численность японцев. Поскольку увеличение продолжительности жизни является времязатратной задачей, выбор был сделан в пользу политики увеличения рождаемости.

Ключевые слова: Япония, историческая демография, период от сёгуната Токугава до начала Второй мировой войны, продолжительность жизни.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Высшей школы экономики (105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4). ORCID: 0000-0001-6004-5743.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Продолжительность жизни в Японии (XVII – первая половина XX в.) // Японские исследования. 2023. № 1. С. 46–58. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58

Life expectancy in Japan (17th – first half of the 20th centuries)

A.N. Meshcheryakov

Abstract. Life expectancy is the most important indicator of the state of society and the quality of life of the people who live in it. It depends on many factors that affect mortality: nutrition, physical activity, epidemic and other diseases, natural, social and anthropogenic disasters, the level of public anxiety, the state of the environment, healthcare, hygiene, etc.

In Japan during the Tokugawa period, the body did not belong to the person himself. His mission was to “serve” – to the overlord and parents. This was possible only if the person was healthy for as long as possible. During the Tokugawa era, the Japanese were taught that only a healthy person could fulfill his duty. Healthcare was entrusted to the person himself, there was no public health system. Despite the huge differences in natural conditions, lifestyle, nutritional diet, scientific and medical ideas, in terms of life expectancy, Japan was approximately on the same level as major European countries.

After the Meiji revolution, the concept of “service” did not disappear, but now the main object of service became the state represented by the emperor. The state made serious efforts in the field of healthcare, but the negative consequences of modernization for a long time did not allow to increase life expectancy. Its slow but steady growth begins only in the second half of the 1920s. However, before the Second World War, Japan lagged significantly behind the developed countries of the West in terms of life expectancy. The expansionist policy of Japan demanded to increase the number of Japanese people. Since increasing life expectancy is a time-consuming task, the choice was made in favor of a policy of increasing the birth rate.

Keywords: Japan, historical demography, the period from the Tokugawa shogunate to the outbreak of World War II, life expectancy.

Author: Meshcheryakov Alexander Nikolaevich, Dr. of Letters (History), Chief Researcher, Institute of Classical Oriental and Antiquity, Higher School of Economics (Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4). ORCID: 0000-0001-6004-5743.

For citation: Meshcheryakov A.N. (2023). Prodolzhitel'nost' zhizni v Yaponii (XVII – pervaya polovina XX v.) [Life expectancy in Japan (17th – first half of the 20th centuries)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 1, 46–58. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58

Продолжительность жизни является важнейшим показателем состояния общества и качества жизни тех людей, которые живут в нем. Она зависит от множества факторов, влияющих на смертность: питания, физических нагрузок, эпидемических и иных заболеваний, природных, социальных и техногенных катастроф, уровня общественной тревожности, состояния экологии, здравоохранения, гигиены и т. д. Точный вклад каждого из этих параметров в обеспечение продолжительности жизни возможно определить далеко не всегда, однако охарактеризовать в самом общем виде состояние каждого из указанных параметров представляется более посильной задачей.

Продолжительность жизни человека в «нормальных» условиях обеспечивается состоянием его здоровья, т. е. тела. Для дальнейшего изложения важно определить его принадлежность, ибо она в значительной степени определяет поведенческие модели.

Период Токугава

В период Токугава тело не принадлежало самому человеку. Идея безграничной верности самурая сюзерену («сюзеренизация тела»), необходимость соблюдения сыновнего (дочернего) долга перед родителями, в особенности перед отцом («патернализация тела»), приводили к отчуждению собственного тела, которое предназначалось не для себя, а для служения. Верность сюзерену – это верность конкретному человеку. Его смерть означает прекращение служения. На практике самураи обычно присягали на верность и наследнику бывшего сюзерена, но имели и теоретическую возможность не делать этого. Долг перед родителями тоже имел временные ограничения – их смерть (это не отменяло обязанности чтить память о них). Сын (обычно старший) рано или поздно сам становился отцом, превращаясь в объект заботы и поклонения.

Концепт служения предполагал, что оно должно быть эффективным, а это было возможно только в том случае, если человек был здоров и дееспособен максимально длительное время. При режиме Токугава японцам внушали, что только здоровый человек может выполнить свой долг – как перед сюзереном, так и перед родителями.

Знаменитый мыслитель Кайбара Экикэн (1630–1714) так поучал молодое поколение: «Тело человека появляется благодаря отцу и матери, оно имеет своим истоком Небо и Землю. Человек рождается благодаря Небу и Земле, отцу и матери, а потому и возвращаемое им тело не является его собственностью. Тело, дарованное Небом и Землей, тело, полученное от отца с матерью, следует возвращать с почтением и тщанием, не принося ему вреда. Жизнь должна быть долгой. В этом и заключен сыновний долг перед Небом с Землей, перед отцом с матерью. Если потеряешь тело, то и служить станет нечем. Поскольку внутренности, кожа и тело, волосы достаются нам от родителей, то содержать их в беспорядке и уродовать – сыновняя непочтительность. Какая это непочтительность по отношению к Небу и Земле, отцу и матери: великое предназначение считать делом личным, пить-есть и желать-алкать по своему хотению, портить здоровье и привечать болезни, сокращать дарованные Небом годы и умирать до срока!» [Kaibara 1964, p.24].

Считалось, что благодаря Небу и родителям почти все дети рождаются здоровыми. Однако в дальнейшем забота о сохранении дарованного человеку потенциала здоровья возлагалась на него самого. «Годы жизни, дарованные Небом, обычно длинны. Дарованные Небом годы жизни редко бывают короткими. Однако многие люди, которые рождаются здоровыми, все-таки умирают рано (прожив менее 50 лет) – они растрачивают изначальное *ки* [кит. ци; может быть интерпретировано как запас энергетика. – А. М.], не ведают искусства пестования жизни, утром и вечером вредят изначальному *ки*, днем и ночью растрачивают силы, не берегут данные им с рождением годы... Жизнь человека – [в ведении] не Неба, а самого человека». И если о богатстве молятся буддам и божествам, полагаясь на их волю (которая далеко не всегда благосклонна по отношению к адепту), то заботиться о здоровье – легко, ибо оно зависит только от собственного поведения человека. [Kaibara 1964, с.26–27, 40].

Не подлежит сомнению, что высокая продолжительность жизни воспринималась при режиме Токугава как показатель благополучного состояния общества. Практически все современники славили мирное правление сёгуната. Мыслитель конфуцианского толка Нисикава Дзёкэн (1648–1724) утверждал: вместе с образованием сёгуната население значительно выросло, а продолжительность жизни отдельного человека стала длиннее, поскольку его бытие стало «спокойнее», а питание – лучше [Nishikawa 1988, с. 32–36]. Долголетие японцев противопоставлялось якобы короткой жизни европейцев. Полагали, что почти лишенная мяса пищевая диета японцев способствует желанному долголетию. В Нагасаки имелась торговая фактория Ост-Индской компании, и японцы имели возможность наблюдать за голландцами, которые на территории фактории держали свиней и овец. Японцам казалось, что чрезмерное

потребление голландцами мяса ведет к снижению продолжительности жизни. То же самое они говорили и об айнах. Врач Тэрадзима Рёан (1654–?) писал в 1712 г.: айны «редко доживают до 40–50 лет. Вероятно, это потому, что они едят мясо, но не едят риса» [Щепкин 2022, с.54].

Какой же возраст определялся как долгожительство? В своем трактате о счастливой старости «Поучение в радости» («Раккун») Кайбара Экикэн писал: «Если задумаешься о том, как обстоят дела в мире людей, увидишь, что долгожители наперечёт. Многие покидают этот мир, не дожив и до сорока лет. Смерть в пятьдесят лет не считается ранней. Кончина за шестьдесят – это уже удача. Тех же, кто перевалил за семьдесят, считают редкими счастливцами». [Кайбара, Нисикава 2017, с.91]. В другом месте трактата он отмечал: «Сто лет – долгожительство высшее, восемьдесят – среднее, шестьдесят – малое. Но и до шестидесяти доживают немногие. А уж до семидесяти – и подавно». [Кайбара, Нисикава 2017, с.94]. Нисикава Дзёкэн – поражался своему преклонному возрасту: «В этом году мне минуло 60 лет, и я удивлён своим долгожительством» [Кайбара, Нисикава 2017, с.174].

Источники токугавского времени свидетельствуют, что долгожителями считали людей, достигших 60 лет. В Японии не было принято ежегодно отмечать дни рождения, но празднование 60-летнего юбилея (канрэки) было широко распространено – достижение этого возраста означало, что человек прожил полный шестидесятилетний календарный цикл и вступил в новый.

Несмотря на достаточно высокие гигиенические навыки населения и большое для своего времени количество действующих врачей, уровень медицинских знаний оставлял желать много лучшего. Высокая детская и материнская смертность, частые случаи голода, инфекционные заболевания не позволяли существенно сократить смертность. В стране не было больниц, общенациональная система здравоохранения, разумеется, отсутствовала. Тем не менее, несмотря на серьезные ограничивающие факторы, продолжительность японской жизни в период Токугава все-таки росла. Общепризнанно, что для крестьян и горожан (за исключением самураев) она выглядит следующим образом: XVII в. – от 25 до 30 лет, XVIII в. – до 35 лет, XIX в. – более 35 лет. Поскольку медицина не демонстрировала сколько-то существенного развития и основывалась на представлениях тысячелетней давности, увеличение продолжительности жизни было обусловлено, прежде всего, ростом качества жизни и улучшением бытовых условий [Kito Hiroshi 2000, с.94].

При рассмотрении продолжительности жизни в Японии того времени мы должны иметь в виду, что существовали значимые отличия – как региональные, так и социальные. Так, у самураев продолжительность жизни была выше, чем у простолюдинов.

По продолжительности жизни токугавская Япония находилась на «нормальном» европейском уровне. Промышленная революция в Европе принесла увеличение городского населения и производства товаров. Однако долгое время она не сопровождалась революцией в продолжительности жизни. Сравнение данных середины XVIII и XIX вв. показывает такую динамику: Англия – 36,9–40 лет; Италия – 32–32 года. Существенно возросла продолжительность жизни только во Франции – с 27,9 до 39,8 лет [Баччи 2010, с.195]. Получается, что по этому показателю, несмотря на огромные отличия в природных условиях, стиле жизни, пищевой диете и научно-медицинских представлениях, Япония находилась приблизительно на одном уровне с крупными европейскими странами.

Период Мэйдзи

В период Мэйдзи тело сменило своего «хозяина»: оно стало принадлежать прежде всего императору, родине, государству. Забота о родителях играла важную, но подчиненную роль в концепции служения. Иными словами, произошла «национализация» тела. Долг перед

«родиной» или императором не имел никаких временных или социальных ограничений. Император именовался «отцом» всех японцев, в своих указах он обращался к ним как к «младенцам» – вне зависимости от их возраста. Такая система отношений не предполагала смены ролей ни при каких обстоятельствах. После смерти одного императора японец автоматически становился «ребенком» следующего, даже если он был намного старше его. Понятие «родины» тоже не имело временного лимита. Такое служение заканчивалось только со смертью самого человека.

В период Токугава телу японца предписывалось быть здоровым, ибо в противном случае оно не сможет достойным образом служить сюзеру и родителям. При Мэйдзи подданному тоже предписывалось быть здоровым, но теперь главным бенефициаром этого здоровья стало государство, олицетворявшееся в фигуре императора. В 1912 г. профессор Токийского университета Какэи Кацухико в работе «Великий смысл древнего синто» заявил, что «ни один человек, принадлежащий к японскому народу, не может существовать без императора. Поскольку мы получаем свою жизнь от внушающего трепет императора, то, если бы императора не было, мы не смогли бы даже родиться, а японский народ исчез» [Suzuki Sadami 2006, с.61–66]. Этот концепт господствовал в государственном дискурсе вплоть до окончания Второй мировой войны. В брошюре «Путь подданных» («Симмин-но мити», 1941 г.), предназначенной для изучения в школах, констатировалось: «Предназначение твоего тела и твоей души – служить императору. Наши предки точно так же выполняли это предназначение, они передали нам свои жизни, и наши жизни тоже не принадлежат нам, не могут быть нашими. Поэтому наше истинное бытие обнаруживается только в величественной поступи истории, и ты не можешь стать человеком, находясь вне народа, твое «я» не существует вне общего. Всё наше бытие принадлежит императору, служение государству делает бытие истинным... Чашка с едой, одежда на теле – не только твои; время досуга и время сна существуют только потому, что ты связан с государством» [Shinmin, 1941 с.70–71].

Государство рассматривало тело человека как ресурс для обеспечения модернизации – важнейшей задачи, которую поставила перед собой элита. Человеческий ресурс должен быть хорошего качества, т. е. здоров. При учреждении в 1911 г. правительственного фонда «Сайсэйкай» (первое пожертвование в него сделал сам Мэйдзи), целью которого объявлялась забота о здоровье пролетариата, было выпущено заявление, в котором, в частности, говорилось: бедность и болезни трудящихся препятствуют развитию производительных сил страны [Shinmura Taku 2006, с.252]. Проявляя заботу о здоровье японцев, государство заботилось не столько о здоровье каждого японца, сколько о благополучии государственного организма.

Уже в начале периода Мэйдзи правительство предприняло серьезные усилия по оздоровлению нации. Прежде всего они касались внедрения западной медицины и гигиены. Широко пропагандировался «здоровый образ жизни», предполагавший повышение двигательной активности, занятия физкультурой и спортом. В 1876 г. стала проводиться обязательная вакцинация детей против оспы – главной напасти токугавского времени.

В 1874 г. насчитывалось около 23 000 врачей китайской медицины и 5200 – европейской. Один врач приходился более чем на 3000 человек, что было явно недостаточно. Но уже к 1877 г. практически во всех префектурах возникли государственные больницы, при которых обычно существовали и медицинские училища (там обучали исключительно европейской медицине). Открывались медицинские институты и факультеты, в организации которых ведущая роль принадлежала немецким специалистам. Количество частных клиник тоже стремительно росло. Если в 1874 г. их существовало только 52, то всего через восемь лет – уже 626 (правда, обычно это были крошечные лечебницы). Правительственный курс был направлен на внедрение европейской медицины, и число врачей, использовавших западные методики, имело устойчивую тенденцию к росту. К занятиям китайской медициной допускали только людей, овладевших европейской, что в результате привело к сокращению знатоков

китайской медицины. Армия и флот обслуживались исключительно врачами, получившими образование по западным методикам. В прежней Японии отсутствовала хирургия, но теперь она получила распространение – раньше всего в армии, поскольку традиционная медицина не умела бороться с огнестрельными ранениями, не знала она и ампутации конечностей. Прогресс в медицине (впрочем, как и во многих других областях, включая способы убийства) в значительной степени обеспечивался в Японии потребностями в боеспособной армии. Военные врачи на Западе тоже играли огромную роль в развитии медицины.

Вместе с тем и традиционная медицина (а ее услуги были намного дешевле) не исчезла окончательно. Привычные методы лечения (массаж, иглоукалывание, прижигания моксой, горячие источники, препараты китайской медицины) продолжали играть существенную роль, хотя люди «передовые» (а их становилось все больше) стали относиться к ним со скепсисом.

Влияние западных гигиенистов привело к пересмотру взглядов на физическую активность. Раньше считалось, что она является атрибутом простолюдинов. Одежда хоть сколько-то высокопоставленного японца была пошита так, что препятствовала любым видам деятельности, кроме церемониального сидения. У императора функция движения вообще отсутствовала – он считался земной проекцией «неподвижной» Полярной звезды. Теперь же, показывая пример своим подданным, Мэйдзи занялся конным спортом. В школьную программу были введены уроки физкультуры. Государство было обеспокоено тем, что японцы физически слабее европейцев, не могут составить им конкуренции в экономическом соревновании и в возможном военном столкновении. Поэтому власти всячески способствовали повышению двигательной активности японцев. Создание публичных городских садов, которые раньше отсутствовали, предоставляло им возможности для моциона, занятий физкультурой и спортом. Первые крупные публичные токийские сады – Уэно и Сиба – были разбиты на территориях, которые раньше принадлежала буддийским храмам. Реформаторы полагали, что не молитвы, а физическая активность позволит японцам поздороветь. Предполагалось, что публичные сады, характеризовавшиеся как «городские легкие», сформируют здоровых и крепких подданных, способных к выполнению великих задач. Впервые в японской истории системная и постоянная забота о здоровье всех японцев стала предметом внимания государства.

Государство старалось оздоровить нацию, но достижению этой цели препятствовало множество факторов.

Взросшая мобильность населения способствовала стремительному распространению инфекционных заболеваний. Мэйдзийская урбанизация существенно отличалась от токугавской. При Токугава города были, главным образом, административными и торговыми центрами, но со второй половины периода Мэйдзи они стали постепенно превращаться и в центры промышленные, что требовало все новых и новых рабочих рук. Получить их можно было только из деревни. Бурный рост городского населения сопровождался ужасными условиями труда и проживания. Введение всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности, то есть концентрация молодых людей в ограниченном школьном и казарменном пространстве, усугубляли положение. Водопровод и канализация по-прежнему почти повсеместно отсутствовали. Человеческие фекалии продолжали употребляться в качестве удобрения. Высокие гигиенические навыки населения никуда не делись, но мыло получает широкое распространение только в первое десятилетие XX в.

Контакты с западным миром имели крайне противоречивые последствия для здоровья японцев. Европейцы привозили с собой не только новые медицинские знания, но и новые болезни. Если раньше среди инфекционных заболеваний наибольшие жертвы вызывала оспа, то теперь настала очередь холеры. Она была занесена из Индии в Европу, а уже оттуда проникла в Японию. Ее жертвами в Европе стали сотни тысяч человек. Японцы тоже пострадали значительно. В некоторые годы (1858, 1877–1879, 1887–1888) число умерших составляло сто с лишним тысяч человек. В то время уже было известно, что источником

холеры является грязная вода. Однако сточные воды струилась по улицам японских городов по открытым канавам.

Сифилис был занесен в Японию еще первой волной европейцев в XVI–XVII вв., но действительно широкое распространение получил только во второй половине XIX в. после открытия портов: иностранные моряки придерживались в Японии того образа жизни, к которому привыкли. Они заражали проституток, а те – своих японских клиентов. Смертность от сифилиса в 1911 г. составляла 9,6 промилле, превышая показатели по брюшному тифу (7,3) и дизентерии (6,6) [Shinmura Taku 2006, с.246–247]. Чтобы предотвратить распространение сифилиса и других венерических заболеваний, солдат и офицеров стали снабжать презервативами ко времени японско-русской войны. Однако публичные дома – основной источник венерических заболеваний – продолжали свое благополучное существование.

Туберкулез встречался и в токугавской Японии, но именно в период Мэйдзи наблюдается его стремительное распространение. И из-за того, что его постоянно заносили с Запада, и из-за бурного роста городов с их теснотой и антисанитарией. Крестьяне, прибывшие в город на заработки, заражались туберкулезом, возвращались домой и заражали односельчан. В то время туберкулез лечить не умели, а высококалорийная белковая диета, которой советовали придерживаться европейские врачи, была в Японии малодоступна – несмотря на пропаганду мясной диеты, потребление мяса «средним» японцем оставалось крайне низким. Наряду с другими легочными заболеваниями, туберкулез устойчиво занимал первое место в качестве причины смертности (такая ситуация сохранялась вплоть до 1950-х гг.).

В период модернизации новый толчок получила бери-бери (алиментарный полиневрит, яп. каккэ) – разновидность цинги, вызванная недостатком витамина В1 (тиамина). Эта болезнь была в Европе практически неизвестна, но в Японии она часто приводила и к смертельному исходу. Тиамин содержится в рисовой шелухе. «Белый» (шлифованный) рис в период Токугава являлся продуктом престижного потребления, его потребляли, в основном, самураи, аристократы и состоятельные горожане, поэтому раньше от этой болезни мало страдали деревенские жители. Поскольку больше всего самураев сосредотачивалось в Эдо, эту болезнь часто называли «болезнью жителей Эдо» (эдо-но ямаи). Однако теперь белый рис и бери-бери получили распространение во всех сферах общества, привлекательность армии для призывников заключалась, в частности, в том, что основу армейской диеты составлял рис. На Западе дефицит тиамина восполнялся за счет хлеба, мяса и молока, но в Японии эти продукты имели ограниченное распространение. Широкое употребление в пищу таких продуктов, как сырая рыба (некоторые ее виды), моллюски и чай, которые препятствуют усвоению тиамина, усугубляли ситуацию. Но об этом тогда еще никто не знал.

Отец Владимир из русской православной миссии в Токио полагал, что «умственные способности и переимчивость японцев замечательны и что в науках они пойдут далеко. Но развитию русской школы... мешает теперь болезнь какке, свирепствующая между воспитанниками. Это страшная болезнь: начиная с оконечностей ног, опухоль и омертвление тела постепенно доходят до желудка и сердца, и человек во цвете лет умирает... Так умер недавно один ученик нашей миссионерской школы, сын японского камергера» [Крестовский 2002, с.490].

Отец Николай (Касаткин) был весьма обеспокоен, что бери-бери терзала учеников его православной семинарии в Токио. В 1895 г. он записывал в своем дневнике: «В Семинарии больных вдвое прибавилось... О. Роман пришел и говорит, что все вправду больны – этой ужасною японскую болезнью, продуктом питания болотным растением – «какке»; двое, и притом лучшие ученики младшего класса, Нонака и Момосе – так серьезно, что им прикладывают лед к груди, чтобы отогнать водянку. Кроме учеников, большая половина прислуги, живущей на дворе Семинарии, больна «какке». В нынешнем году эта болезнь особенно свирепствует в городе. Велел опять в рис примешивать третью часть пшеницы;

ученикам не нравится, не вкусно, но это единственное противоядие болотной болезни» [Дневники святого Николая 2004, т. 3, с.363].

В 1878 г. количество военных, больных каккэ, составляло треть личного состава. За время японско-русской войны болезнь унесла жизнь 5700 военнослужащих (при общих боевых потерях приблизительно в 70 тысяч человек). На флоте, где господствовали английские порядки и матросы питались по-европейски, ситуация была намного лучше. Армейские медики в результате догадались, что в рацион солдата должен обязательно входить и необрушенный рис (гэммай). Только после этого открытия болезнь стала отступать.

В 1874 г. был введен институт дипломированных акушеров, что благотворно сказалось на материнской смертности при родах. Об этом говорят данные по мужской и женской продолжительности жизни: в конце XIX – начале XX в. женщины впервые в истории стали жить немного дольше мужчин – свидетельство того, что материнская смертность перестала оказывать значительное влияние на продолжительность жизни. Однако младенческая и детская смертность оставалась по-прежнему высокой. При этом младенческая смертность в городах, где современное медицинское обслуживание внедрялось быстрее, оставалась более высокой, чем в деревне, вплоть до 1928 г. [Shimizu Katsuyoshi 1978, с.59–60]. До этого времени отрицательные стороны городской среды обитания перевешивали плюсы современной медицины. В этом отношении Япония вписывается в общемировую закономерность: на первых этапах индустриализации детская смертность в европейских городах не только превышает деревенскую, но и имеет тенденцию к абсолютному увеличению. Эта тенденция переламинается там только на рубеже XIX и XX вв. [Баччи 2010, с.214–215].

Правительство предпринимало серьезные усилия по повышению «качества» населения. В понятие «качество» входила как забота о физическом состоянии японцев, так и о формировании у них новой картины мира, которая соответствовала бы «современным» условиям. Прежде всего это касается воспитания патриотизма и верности императору. В дискурсе того времени обсуждение способов достижения этой цели занимает огромное место. Но если в воспитании патриотизма были достигнуты быстрые успехи, то со здоровьем нации дело обстояло сложнее. Бурные перемены резко меняли среду социального обитания. Они вызывали чувство растерянности, стрессы, неврозы, психические расстройства, преждевременные смерти, самоубийства.

Подводя промежуточные итоги модернизации, знаменитый писатель Нацумэ Сосэки в произнесенной им в 1911 г. речи утверждал: «Мы, японцы, были вынуждены за десять лет сделать то, на что западные люди, с их выдающимся интеллектом и выдающейся физической силой, сделали за сто лет. И только естественно и неизбежно, что мы становимся невротиками, хотя мы и можем гордиться плодами нашего прогресса» [Hirakawa 2005, p.269].

Результаты усилий по оздоровлению нации оказались весьма ограниченными. Точно так же, как в Европе на первых этапах модернизации, чисто медицинские достижения не могли долгое время переселить ее отрицательные последствия. [Баччи 2010, с.211–212]. В 1873 г. японский показатель смертности составлял 19,6 промилле, а в 1912 г. – 19,9. Средний возраст умерших снижался. В 1886 г. он составлял более 38 лет, а в 1916 – только около 32 [Eisei 1939, с.58–59]. В этом году министр внутренних дел Японии с некоторой растерянностью и даже обидой заявлял: медицинское обслуживание в нашей стране улучшается год от года, но, вопреки ожиданиям, детская и взрослая смертность растут, а туберкулез, венерические заболевания, трахома и психические болезни наносят огромный ущерб здоровью японцев [Takano Iwazaro 1916, с.1–2]. Эти неприятные факты воспринимались особенно болезненно, поскольку в европейских странах, на которые равнялась Япония, в это время смертность неуклонно снижалась.

В начале периода Мэйдзи продолжительность жизни несколько снизилась [Hayami Akira 1993, с.145]. Потом она стала постепенно расти и составила в 1891 г. 42,8 года у мужчин

и 44,3 года у женщин. Запад во второй половине XIX в. осуществил колоссальный рывок за счет улучшения качества жизни, развития медицины и успехов в распространении гигиенических знаний и к началу XX в. в крупнейших европейских странах продолжительность жизни демонстрировала быстрые темпы роста – к 1910 г. превысила 50 лет или же приблизилась к нему. Низкая продолжительность средней японской жизни объясняется прежде всего высокой смертностью в возрастной группе от 0 до 30 лет, которая не только не сокращалась, но даже увеличивалась. Особенно это касается детской и подростковой смертности [Takano Iwazago 1916, с.109]. Однако в пожилых группах населения мы наблюдаем, что количество стариков в Японии было больше, чем в большинстве европейских стран. В 1916 г. доля людей в возрасте от 60 до 70 лет составляла в Японии 57 промилле, в Германии – 50, а в Англии 47. Аналогичные показатели для лиц старше 70 лет были таковы: 30,9, 28 и 27 промилле [Takano Iwazago 1916, с. 36]. Японские старики родились еще до революции, они росли и набирались сил, когда «модернизация» еще не успела принести своих «плодов».

После революции Мэйдзи Япония достигла значительных успехов в экономике, управлении и образовании и заслужила уважение западных держав. За счет военных побед она заняла в начале XX в. заметное место на международной арене. Благодаря росту коэффициента брачности в стране происходила «демографическая революция» [Мещеряков 2021], и японцев стало много больше прежнего, но «средний» японец стал чаще болеть и умирать раньше, то есть качество жизни стало фактически хуже. Хотя проблема массового голода, нередко случавшегося при режиме Токугава, была, в общем и целом, решена, для «простого» японца цена «модернизации» все равно оказалась огромной. Объясняя причины высокой рождаемости японцев, биолог Миядзима Микиносукэ (1872–1944) сетовал: мы просто вынуждены рожать много под прессом крайне высокой смертности – точно так же, как рыбы мечут огромное количество икринок, большинству из которых суждено погибнуть [Miyajima Mikinosuke 1928, с. 5].

Довоенная Япония

После «пикового» 1920 г. рождаемость начала понемногу снижаться. В то же время медленный рост продолжительности жизни был приостановлен в результате эпидемии «испанки» (унесла около 450 тысяч жизней) и катастрофического землетрясения 1923 г. (около 100 тысяч жертв). В результате этих напастей продолжительность жизни упала даже несколько ниже уровня 1891 г. Однако усилия в области здравоохранения и улучшение бытовых условий все равно стали приносить результаты: устойчивый рост продолжительности жизни начался во второй половине 1920-х гг. В это время наблюдается и некоторое понижение младенческой смертности. Она изменялась так: 1900 г. – 155 промилле, 1910г. – 161,2, 1920 г. – 165,7, 1930 г. – 124,1.

Динамика продолжительности жизни (1891–1936)

Годы обследования	Мужчины	Женщины
1891–1898	42,8	44,3
1899–1903	43,97	44,85
1909–1913	44,25	44,73
1921–1925	42,06	43,20
1926–1930	44,82	46,54
1935–1936	46,92	49,63

Тем не менее, ситуация была далека от идеальной. Несмотря на некоторые успехи в здравоохранении, инфекционные заболевания продолжали терзать японцев. Особенно актуальна была борьба с туберкулезом, которым было поражено 18–20% населения. В 1938 г. в Японии от туберкулеза умерло 148 тысяч человек – самый высокий показатель в «цивилизованном» мире. Потребность в больничных койках для туберкулезных больных оценивалась в 120–130 тысяч, на деле же их существовало только 10 тысяч [Shimomura Kainan 1936, с. 41]. Огромное влияние на эпидемиологическую ситуацию оказывал жилищный фактор – множество японцев проживали в отвратительных бытовых условиях. Один из героев замечательного романа Кага Отохико – «Столица в огне» (яп. «Эйэн-но Мияко») – так характеризует рабочий квартал Токио середины 1930-х гг: «Ужасно! Гнездо нищеты, рассадник болезней. Летом здесь черным-черно от комаров и мух, отсюда – болезни и отравления. Трахома, туберкулез, тиф, краснуха – полный набор. Когда здесь учреждали социальный центр, многие полагали, что если привить людям представления о гигиене, то с болезнями можно будет справиться. Но когда люди живут в такой тесноте, туберкулеза и трахомы не избежать» (перевод С.А.Родина) [Кага Отохико 2020, с.180].

Многие японцы по-прежнему страдали от сифилиса и других венерических заболеваний, которые приводили к бесплодию и выкидышам. Японцы лечились, но о ликвидации публичных домов – основного рассадника этих болезней – речи не было, поскольку это пошло бы вразрез с привычным стилем поведения.

При общем росте продолжительности жизни смертность молодых мужчин в возрасте от 20 до 35 лет имела тенденцию к увеличению [Senso to jinko 1942, с.33]. Детская смертность оставалась очень высокой – в 2–3 раза выше, чем в передовых европейских странах и США. На рубеже XIX и XX веков по этому показателю Япония «смотрелась» вполне удовлетворительно: в 1900 г. детская смертность (до одного года) составляла в Японии 15,5%, в Англии – 15,4%, а в Германии 22,6%. Однако западные страны успели за это время сделать гигантский рывок. В 1938 г. в Англии и Германии детская смертность упала до 5,2 и 6,0%, а в Японии она сократилась только до 11,44%. В этом году в Японии умерло 220 тысяч детей в возрасте до одного года. До десятилетнего возраста не доживала четверть детей.

Атмосферу того времени хорошо демонстрирует такой пассаж из романа Каппа Сэноо «Мальчик по прозвищу “Эйч”»: «Это был долгожданный ребенок, и родители назвали его “Хадзимэ”, что означает “Начало”. Тем не менее [отец ребенка. – А. М.] Морио зарегистрировал его не сразу, а лишь по прошествии шести дней, последовав совету акушерки, объяснившей, что мальчики рождаются более слабыми, чем девочки, и надо, мол, еще посмотреть, выживет он или нет. Если подать уведомление о рождении ребенка, а он, к примеру, возьмет да и помрет, придется подавать новое уведомление – о его смерти. Чтобы избежать ненужной канители, обычно поступают так: ждут несколько дней и, если оказывается, что ребеночек жив и здоров, идут оформлять бумаги» (перевод Т. Редько-Добровольской) [Каппа Сэноо 2016, с. 34].

Наиболее распространенными причинами младенческой и детской смертности являлись пренатальная дистрофия, желудочно-кишечные расстройства и легочные заболевания [Senso to jinko 1942, с.110–111]. Первое место в этом печальном списке именно пренатальной дистрофии свидетельствует о крайне неудовлетворительном и несбалансированном питании матерей.

Плохо питались не только японские матери, но и все японцы. Голод был побежден, но основу пищевой диеты составлял рис. За последние десятилетия, прошедшие со времени революции Мэйдзи, годовое потребление риса рядовым японцем значительно увеличилось: со 126 литров оно выросло до 200 [Kiyomizu Shizubumi 1929, с.254]. Однако

по молоку этот показатель составлял всего 2,9 сё (1 сё=1,804 л), а по мясу 622 моммэ (1 моммэ = 3,75 г), то есть менее двух с половиной килограммов в год. Потребление морепродуктов с начала XX в. до середины 1930-х гг. увеличилось минимум в три раза (до 22–27 кг в год на человека), значительно (в 3–4 раза) опережая потребление в Европе и Америке [Попов 1936, с. 302] Однако данные по пренатальной дистрофии свидетельствуют, что этого было явно недостаточно для обеспечения сбалансированной диеты.

В конце 1930-х гг. Япония существенно отставала по продолжительности жизни от развитых стран Запада. В Японии она не достигала 50 лет, а в Англии и Германии она уже превышала 60 лет.

В 1941 г. была принята программа по увеличению численности населения – для того, чтобы японцев стало достаточно много для осуществления гегемонии в Восточной Азии. Планировалось, что к 1961 г. японцев станет 100 миллионов (на момент принятия программы их насчитывалось 73 миллиона). Главный упор в программе делался на увеличение рождаемости, а не на росте продолжительности жизни. Японкам предлагалось сосредоточиться не на производственной, а на репродуктивной функции, увеличению количества детей – не меньше пяти на семью (в реальности составляло 4,15). Программа упоминала и о необходимости более калорийного питания и улучшения жилищных условий, но с существенной оговоркой: главной целью является все-таки «формирование здорового и неприхотливого образа жизни». Все исследования показывали, что у состоятельных японцев регистрируются гораздо лучшие показатели как по детской смертности, так и по продолжительности жизни. Но на улучшение этих показателей у всей нации ушли бы годы, а срок ожидания нового японца составлял всего девять месяцев. В это время Япония сделала выбор в пользу количества, а не качества.

Заключение

Япония потерпела жестокое поражение во Второй мировой войне, что привело к тотальному пересмотру прежних базовых ценностей. Был взят курс на экономическое развитие и повышение уровня жизни. Что до демографической политики, то она заключалась в понижении рождаемости. В результате предпринятых мер продолжительность жизни стала быстро расти. Численность японцев достигла 100 миллионов в 1967 г., но это явилось не следствием высокой рождаемости, а результатом роста продолжительности жизни. Сразу после войны, в 1947 г. продолжительность жизни составляла 50 лет (мужчины) и 54 года (женщины). Уже в 1957 г., эти показатели выросли до 64 и 68 лет, а в 1967 г. они подскочили уже до 69 и 74 лет. В настоящее время Япония относится к странам с наиболее низкой рождаемостью (1,4 ребенка на одну женщину) и с наиболее высокой продолжительностью жизни (81 год для мужчин и 87 для женщин).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баччи Массимо Ливи.* Демографическая история Европы. Санкт-Петербург: Alexandria. 2010
Дневники святого Николая Японского. Санкт-Петербург: Гиперион. Т.3. 2004.
Кага Отохико. Столица в огне / под общей редакцией А.Н. Мещерякова. Перевод А.П. Беляева, А.В. Костыркина, А.Н. Мещерякова, С.А. Родина, Е.Б. Сахаровой, Е.С. Тарасовой, М.В.Торопыгиной. Санкт-Петербург: Гиперион. Т. 3. 2020.

- Кайбара Экикэн*. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь / перевод А.Н.Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион. 2017.
- Крестовский Всеволод*. В дальних водах и странах. Москва: Центрполиграф. 2002.
- Мещеряков А.Н.* Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. № 1. 2021. С. 80–100.
- Сэноо Каппа*. Мальчик по прозвищу «Эйч» / перевод Т.И. Редько-Добровольской. Санкт-Петербург: Гиперион. 2016.
- Щепкин В.В.* Айны глазами японцев: неизвестная коллекция В.В.Григорьева. Санкт-Петербург: Арка. 2022.

REFERENCES

- Bacci, M.L. (2010). *Demograficheskaya istoriya Evropy* [Demographic History of Europe]. Saint Petersburg: Alexandria. (In Russian).
- Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo*. (2004). [Diary of the Saint Nikolai of Japan]. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Kaga, Otohiko. (2020). *Stolica v ogne* [The Capital in Flames]. Ed. by A.N. Meshcheryakov. Translated by A.P. Belyaev, A.V. Kostyrkin, A.N. Meshcheryakov, S.A. Rodin, E.B. Saharova, E.S. Tarasova, M.V. Toropygina. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Kaibara, Ekiken. (2017). *Kaibara Ekiken. Pouchenie v radosti. Nishikava Joken. Meshok premudrostei gorozhaninu v pomoshch'* [Kaibara Ekiken. Rakkun. Nishikawa Joken. Chonin bukuro]. Translated by A.N. Meshcheryakov. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Krestovskii, V. (2002). *V dal'nikh vodakh i stranakh* [In Distant Waters and Lands]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2021). *Demograficheskii vzryv v Yaponii perioda Meiji* [Population explosion in Meiji Japan]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 80–100. (In Russian).
- Senoo, Kappa. (2016). *Mal'chik po prozvizhchu «Eich»* [Shonen H]. Translated by T.I. Red'ko-Dobrovolskaya. Saint Peterburg: Giperion. (In Russian).
- Shepkin, V.V. (2022). *Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kolleksiya V.V. Grigor'eva* [Ainu in the Eyes of the Japanese: Unknown Collection of V.V. Grigor'ev]. *Saint Peterburg: Arka*. (In Russian).

* * *

- Eisei nenpo*. (1939). [Medical Yearbook]. Tokyo: Koseisho jinkokyoku. (In Japanese).
- Hayami, Akira. (1993). *Jinkoshi* [Demography]. In *Nihon Tsushi* (General History of Japan), Vol. 1. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Hirakawa, Sukehiro. (2005). *Japan's Love-Hate Relationship With the West*. Folkestone: Global Oriental.
- Kaibara, Ekiken. (1964). *Yojokun, wazoku dojikun* [Instruction in Health and Instruction in Upbringing Children in Japanese Manner]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Kito, Hiroshi. (2000). *Jinko kara yomu nihon no rekishi* [Japanese History From the Standpoint of Demography]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
- Kiyomizu, Shizubumi. (1929). *Jinko mondai no kenkyū* [Research of Demographic Problems]. Tokyo: Bunkeisha. (In Japanese).
- Miyajima, Mikinosuke. (1928). *Jinko mondai to eiyo* [Demographic Problems and Nutrition]. Tokyo: Shokuyo kenkyukai. (In Japanese).
- Nishikawa, Joken. (1988). *Nihon suido ko. Suido kaiben. Kai tsusho ko* [On Japanese Waters and Lands. Explanation of Waters and Lands. On Chinese and Barbaric Trade]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Senso to jinko mondai*. (1942) [War and Demographic Problems]. Tokyo: Kokusaku kenkyujo. (In Japanese).

- Shimizu, Katsuyoshi. (1978). *Showa shoki no koshu eisei ni tsuite* [On Public Hygiene in the Beginning of the Showa Era]. *Minzoku eisei*, 2. (In Japanese).
- Shimomura, Kainan. (1936). *Jinko ichioku* [One Hundred Million of Population]. Tokyo, Daiichi shobo. (In Japanese).
- Shinmin no michi*. (1941). [The Way of Subjects]. Tokyo: Kyogakushoku. (In Japanese).
- Shinmura, Taku. (2006). *Nihon iryo shi* [History of Medicine in Japan]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).
- Suzuki, Sadami. (2006). Kokka-o soshiki suru shiso, kokka-o koeru shiso. Shintai, chi, seimei [The Ideas Forming the Country, the Ideas Surpassing the Country. Body, Blood, Life]. In Kioka Nobuo and Suzuki Sadami (eds.), *Gijutsu to shintai* [Technology and Body] (pp. 61–66). Tokyo: Minerubo. (In Japanese).
- Takano, Iwazaro. (1916). *Honkoku jinko no genjo oyobi shorai* [Present and Future of Population of This Country]. Tokyo: Tsuzoku daigaku. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 15.12.2022

Received: 15 December 2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-59-79

Финансовые кризисы и финансовое заражение в Японии

А.О. Овчаров

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей финансовых кризисов в Японии в контексте использования теоретических и практических подходов к финансовому заражению. Сделан краткий обзор трех значимых финансовых кризисов, наблюдавшихся в период 1990–2009 гг., с выделением их причин, характера и последствий. Сильное влияние на японскую экономику оказал банковский кризис 1997–2001 гг., ставший одним из самых заметных событий «потерянного десятилетия». Его уроки позволили японскому правительству с минимальными потерями преодолеть мировой финансовый кризис 2007–2009 гг., который негативно повлиял не столько на кредитный и фондовый рынки, сколько на реальный сектор экономики Японии и ее внешнюю торговлю.

Распространение кризисов продуктивно рассматривать с позиций теории и методологии финансового заражения. Оно представляет собой процессы трансмиссии негативных шоков, которые могут приводить к нарушению фундаментальных связей между странами и рынками, тем самым способствуя нарастанию кризисов и нестабильности. В статье показано, что Япония может выступать как передатчиком, так и реципиентом заражения. Приведены примеры исследований, в которых рассматриваются каналы и направленность финансового заражения в Японии. Его особенность заключается в том, что основным каналом передачи шоков в данной стране выступают торговые связи, а не финансовые. Учет этого обстоятельства объясняет эффективность политики поддержки реального сектора экономики, проводимой японским правительством в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.

С целью иллюстрации методологии финансового заражения в статье было проведено эмпирическое исследование страновых и межотраслевых эффектов заражения в японской экономике в период COVID-19. Использовался конкретный инструмент выявления заражения (статистические тесты) и обширная эмпирическая база. В результате страновые эффекты подтвердились лишь частично – Япония оказалась реципиентом финансового заражения, пришедшего от Китая, но слабо передавала его другим странам. Межотраслевое заражение распространялось более активно (его зафиксировали более половины тестов). При этом была обнаружена неравномерность передачи шоков между секторами, обсуждены возможные причины высокой или низкой восприимчивости к заражению в разных секторах.

Ключевые слова: японская экономика, финансовые кризисы, финансовое заражение, каналы заражения, тестирование, отрасль, COVID-19.

Автор: Овчаров Антон Олегович, доктор экономических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23). ORCID: 0000-0003-4921-7780; E-mail: anton19742006@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчаров А.О. Финансовые кризисы и финансовое заражение в Японии // Японские исследования. 2023. № 1. С. 59–79. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-59-79

Financial crises and financial contagion in Japan

A.O. Ovcharov

Abstract. The article analyzes the features of the financial crises in Japan in the context of using theoretical and practical approaches to financial contagion. A brief overview of the three significant financial crises observed in the period 1990–2009 is made with the identification of their causes, nature, and consequences. A strong impact on the Japanese economy was exerted by the banking crisis of 1997–2001, which became one of the most noticeable events of the “lost decade”. Its lessons allowed the Japanese government to overcome with minimal losses the global financial crisis of 2007–2009, which negatively affected not so much the credit and stock markets as the real sector of the Japanese economy and its foreign trade.

It is productive to consider the spread of crises from the standpoint of the theory and methodology of financial contagion. It is a process of transmission of negative shocks that can lead to the disruption of fundamental links between countries and markets, thereby contributing to the growth of crises and instability. The article shows that Japan can act as both a transmitter and a recipient of infection. Examples of studies that examine the channels and direction of financial contagion in Japan are given. Its important feature is that the main channel for the transmission of shocks in a given country are trade relations, and not the financial ones. Taking this circumstance into account explains the effectiveness of the policy of supporting the real sector of the economy pursued by the Japanese government during the global financial crisis of 2007–2009.

In order to illustrate the methodology of financial contagion, the article conducted an empirical study of the country and cross-industry effects of infection in the Japanese economy during the COVID-19 period. A specific infection detection tool (statistical tests) and an extensive empirical database were used. As a result, the country effects were confirmed only partially – Japan was the recipient of the financial contagion that came from China, but only weakly transferred it to other countries. Cross-industry infection spread more actively (it was recorded by more than a half of the tests). At the same time, uneven transmission of shocks between sectors was detected; possible causes of high or low susceptibility to infection in different sectors were discussed.

Keywords: Japanese economy, financial crises, financial contagion, channels of contagion, testing, industry, COVID-19.

Author: *Ovcharov Anton O.*, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (address: 23, Gagarina Av., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4921-7780; E-mail: anton19742006@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Ovcharov A.O. Finansovye krizisy i finansovoe zarazhenie v Yaponii [Financial crises and financial contagion in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2023, 1, 59–79. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-59–79

Введение

Финансовые кризисы являются обязательным атрибутом мировой экономики. Первый суверенный дефолт был зафиксирован в Англии в 1340 г.¹ и с тех пор практически во всех развитых и развивающихся странах регулярно происходят кризисы разных видов и разной продолжительности. Негативные последствия финансовых кризисов сказываются как на непосредственных участниках финансовых рынков (теряют деньги вкладчики разорившихся

---

¹ Carmen M. Reinhart, Kenneth S. Rogoff. This Time Is Different: A Panoramic View of Eight Centuries of Financial Crises, p. 20. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w13882/w13882.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

банков, держатели ценных бумаг при дефолте и т. п.), так и на всей экономике. Есть оценки, согласно которым общие потери ВВП в результате локального финансового кризиса составляют 5–10%, а на восстановление экономики требуется 2–3 года [Рустамов 2012].

Особенностью любого кризиса является то, что он действует не одномоментно, а через механизмы усиления возникающих проблем и их распространения по разным каналам от одного рынка или какой-либо страны к другому рынку или другой стране. Эти процессы, на наш взгляд, продуктивно изучать с позиций теории и методологии финансового заражения – концепции, широко распространенной в зарубежных исследованиях, но слабо представленной в работах российских ученых. Она акцентирует внимание на особенностях передачи негативного шока от источника к реципиенту и позволяет устанавливать причинно-следственные связи между экономическими показателями в докризисный и кризисный периоды. Данная концепция, помимо сугубо научного общетеоретического интереса, имеет большую ценность, поскольку она дает исследователям конкретный инструмент для выявления заражения, а, значит, и понимания механизмов развития кризисов.

В данной статье мы выделим причины и особенности распространения современных кризисов в Японии и продемонстрируем в отношении этой страны возможности методологии финансового заражения для выявления страновых и межотраслевых эффектов. Япония, как известно, относится к крупнейшим экономикам мира, находится в лидерах по различным показателям. Например, по данным за 2021 г. она занимала третье место в мире по абсолютной величине валовых (15,8 трлн евро) и чистых (12,7 трлн евро) финансовых активов². Однако японская экономика сталкивается с проблемами, прежде всего, связанными с высоким уровнем государственного долга и старением населения, которые могут рассматриваться как предпосылки кризиса. При этом уязвимость экономики может наблюдаться и в относительно «спокойные» периоды – в этом смысле подход на основе использования методов выявления финансового заражения может рассматриваться как способ раннего диагностирования финансовых кризисов.

Особенности финансовых кризисов в Японии: краткий исторический экскурс

Японскую экономику на фоне других экономик можно определить как устойчивую к финансовым кризисам. В актуальной базе данных, охватывающей 206 стран и насчитывающей 765 локальных финансовых кризисов за более чем пятидесятилетний период, Япония встречается только один раз [Nguyen, Castro, Wood 2022]. В этой базе зафиксирован единственный японский банковский кризис, временные границы которого определены 1997–2001 гг. В базе суверенных дефолтов, которую ведут Банк Канады и Банк Англии, Япония вообще не представлена. В этой стране в новейшей истории никогда не было ни валютных кризисов, ни кризисов суверенного долга³. Подобная ситуация характерна и для некоторых других стран, однако это скорее исключение из правила. Большинство развитых и развивающихся экономик

² Allianz Global Wealth Report 2021, p. 50–51. https://www.allianz-trade.com/content/dam/onemarketing/aztrade/allianz-trade_com/en_gl/erd/publications/pdf/2021_10_07_Global-Wealth-Report.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

³ Тот факт, что Япония занимает одно из лидирующих мест в перечне стран с наибольшим уровнем госдолга (в топ-20 стран с самым высоким показателем «госдолг / ВВП» Япония в 2021 занимала вторую после Венесуэлы позицию со значением 263,14% (<https://www.statista.com/statistics/268177/countries-with-the-highest-public-debt>)) не означает наличие долгового кризиса. Для его признания необходим задокументированный факт, что государство не в состоянии выполнить свои обязательства по основному долгу или процентам, либо оно вынуждено реструктурировать долг на менее выгодных условиях.

неоднократно испытывали на себе тяжесть кризисов разной продолжительности и с разными последствиями, причем многие из них сталкивались даже с так называемыми двойными и тройными кризисами. Например, южнокорейская экономика за период с 1950-х гг. по настоящее время прошла через один двойной кризис 1997–1998 гг. (банковский и валютный) и серию из семи валютных кризисов.

Вместе с тем, не совсем корректно говорить о единственном кризисе, затронувшем японскую экономику. Наш анализ публикаций по данной проблематике позволяет сделать вывод о наличии дискуссий в отношении трех значимых финансовых кризисов (финансовый пузырь в начале 1990-х гг., серия крахов японских банков в конце 1990-х гг. и побочные эффекты от мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.). Первый кризис – это лопнувший «финансовый пузырь», за которым последовал длительный экономический спад. Само понятие «пузырь» в экономике, как известно, связывается с отклонением рыночной цены актива от некоего уровня, определяемого фундаментальными факторами, прежде всего, ожидаемой прибылью и процентными ставками. Если цены отрываются от таких факторов и начинают расти исключительно на спекуляциях и на настроениях рынка, «пузырь» раздувается и, в конечном счете, лопаются. В Японии «финансовый пузырь» зародился в конце 1980-х гг. одновременно с экономическим подъемом, когда наблюдался бурный рост курса акций, цен на недвижимость, количества денег в обращении и банковских кредитов [Леонтьева 2006, с. 364]. Разрастание «пузыря» продолжалось несколько лет за счет спекуляций финансовыми активами и земельными участками при активном вовлечении в этот процесс коммерческих банков. Однако в 1991 г. «пузырь» лопнул – рост цен сменился их падением, причем более глубоким и продолжительным (общая сумма потерь от падения цен на активы оценивалась в 1200 трлн иен, что почти в 3 раза больше среднегодового ВВП Японии). Падение цен на активы привело к сокращению спроса, снижению сначала оптовых, а затем и потребительских цен, к раскручиванию «дефляционной спирали» (сочетанию снижения цен с падением производства). Наступил период, который в литературе был назван «потерянным десятилетием» или японской Великой депрессией.

Данный период достаточно подробно описан в экономических исследованиях. Спад экономической активности теоретически мог быть объяснен следованием Японией нормальной циклической модели, хотя и более продолжительной, чем обычно. Такому подходу даже соответствовали реальные данные – за спадом в самом начале 1990-х гг. последовали зарождающиеся признаки экономического роста на протяжении большей части 1996 г. и начала 1997 г. Однако восстановления не произошло, ситуация в Японии приобрела характер глубокой рецессии, в которой впервые с 1950-х гг. оказалась крупная индустриальная страна, причем последовательно проводившая антициклическую политику [Yaoumi 2001]. Поэтому объяснение причин «потерянного десятилетия» требовало более глубокого анализа, появлялись конкурирующие гипотезы.

Одна из них заключается в том, что кризис стал следствием неадекватных мер политики, особенно в части расширения бюджетных расходов [Posen 1998]. Несмотря на то, что японское правительство принимало ряд программ, направленных на оживление активности в разных сферах, их влияние на реальную экономику было минимально. Альтернативная точка зрения, которая фокусируется на денежно-кредитной политике, гласит, что Япония оказалась в ловушке ликвидности [Krugman 1998]. Япония отличается относительно низкой нормой потребления и, наоборот, высокой нормой сбережений. В докризисные годы это приводило к масштабным инвестициям. Однако замедление экономического роста и дефляционные процессы привели к большому дисбалансу между сбережениями и инвестициями, из-за чего равновесный реальный процент стал отрицательным. Домохозяйства и предприятия в такой ситуации предпочитают держать наличные деньги, поскольку это приводит к увеличению реальных выгод, равных уровню дефляции. Из-за ожиданий относительно дальнейшего падения цен

монетарные власти Японии не в состоянии были снизить процентные ставки, тем самым делая невозможным стимулирование инвестиций.

Существует также точка зрения, что кризис был связан с проблемами финансового посредничества. В Японии банки играют гораздо более важную роль в этом процессе, чем в англосаксонских странах, таких как США или Великобритания. Во время разрастания «финансового пузыря» они ссужали большие суммы денег фирмам, использующим землю в качестве залога. Однако лопнувший «пузырь» привел к падению цен на землю, поэтому многие из этих кредитов перестали работать. Такие шоки финансового посредничества негативно повлияли на банковский капитал и привели к неуклонному сокращению инвестиций на протяжении 1990-х гг., что было подтверждено эмпирическими исследованиями [Hirakata et al 2016].

Наконец, нельзя недооценивать влияние нефинансовых факторов на глубокую рецессию в японской экономике. В этом контексте обычно выделяются две причины: снижение темпов роста общей факторной производительности (total factor productivity – TFP) и сокращение продолжительности рабочей недели с 44 часов до 40 часов в период 1988–1993 гг. [Hayashi, Prescott 2002]. Сторонники такого подхода считают, что проблема заключается не в развале финансовой системы страны и неиспользовании выгодных инвестиционных возможностей из-за отсутствия доступа к рынкам капитала, а в низком росте производительности труда.

Вполне очевидно, что любые объяснения «потерянного десятилетия» не являются взаимоисключающими. Каждое объяснение указывает на различный набор факторов (фискальные, монетарные, трудовые и т. п.), имеющих решающее значение для понимания масштабов и характера рецессии. В контексте тематики нашей статьи значимую роль играет банковский фактор, поскольку именно в эти годы разразился самый острый банковский кризис за всю японскую историю. Действительно, в послевоенный период и до конца 1990-х гг. в Японии не было крупных банковских крахов. Это связано с функционированием «конвойной системы» (convoy system) – жестким регулированием центральным банком всей финансовой сферы с целью поддержания жизнеспособности любых, даже слабых кредитных институтов. Банки тогда рассматривались как формальные финансовые посредники, нужные стране исключительно для перенаправления средств от домохозяйств в промышленный сектор, играющий ключевую роль в восстановлении экономики после Второй мировой войны. Другими словами, японские банки во второй половине XX в. выполняли функции поставщиков государственных финансовых услуг, а не конкурентоспособных финансовых институтов. У них не было стимулов бороться за вкладчиков, разрабатывать новые продукты и т. п. Все знали, что банковская система надежна и устойчива, и государство не позволит ее ослабить. В целом такой подход был оправдан – банковская система работала бесперебойно и способствовала устойчивому экономическому росту, который превратил Японию в крупную экономическую державу.

Однако в 1970-е гг. в Японии были запущены процессы финансового дерегулирования, которые косвенно способствовали наращиванию рисков в финансовой системе. Эпизодические сбои стали наблюдаться после 1991 г., когда лопнул «финансовый пузырь». В последующие годы банковские риски еще более усилились, возникла такая специфическая проблема, как «зомби-кредитование». Речь идет о том, что многие проблемные банки для того чтобы избежать потерь на своих собственных балансах стали предоставлять кредиты неплатежеспособным заемщикам, делая ставку на то, что каким-то образом эти фирмы восстановятся или им окажет помощь правительство (эти заемщики и получили название «зомби»). Но в реальности практика «зомби-кредитования» привела к нерациональному использованию банковских кредитов. В частности, неэффективные отрасли, такие как недвижимость или строительство, получили больше банковских кредитов, чем другие сектора, которые показали лучшие результаты (например, обрабатывающая промышленность) [Caballero, Hoshi, Kashyap 2008].

Стало очевидно, что проблема неработающих кредитов угрожает жизнеспособности банковской системы. Если в 1995 г. по официальным данным объем просроченных (необслуживаемых) кредитов (NPLs – nonperforming loans) составлял 40 трлн иен (469 млрд долл.) или 10% ВВП, то к концу 1998 г. показатель NPLs стал равным 88 трлн иен (725 млрд долл.) или 18% ВВП). Неофициальные оценки указывали даже на сумму в 1 трлн долл., что эквивалентно 25% ВВП⁴. Произошла серия банкротств банков и крупных компаний, реорганизаций и слияний, которая сказалась на устойчивости всей японской экономики и потребовала принятия экстраординарных мер поддержки со стороны правительства и монетарных властей. В общей сложности 7 банков были национализированы, 61 финансовое учреждение закрыто и 28 учреждений объединены. Например, в 1998 г. слияние трех банков, входящих в конкурирующие финансово-промышленные группы, привело к образованию крупнейшего в мире финансового объединения «Мидзухо» с капиталом 140 трлн иен. В 2001 г. благодаря слиянию «Сакура гинко» и «Сумитомо гинко» начал работу новый гигант «Мицуй-Сумитомо гинко». Наконец, в 2005 г. в результате слияния двух банков появился крупнейший в мире банк с совокупными активами около 2 трлн долл. [Лебедева 2007, с. 115–116].

В таблице 1 нами выделены некоторые характеристики этого банковского кризиса, причем в сравнении с аналогичными кризисами, произошедшими в других азиатских странах примерно в это же время. Из таблицы видно, что Япония на фоне других государств продемонстрировала меньшие масштабы потерь и меньшие траты на борьбу с кризисом, хотя в целом интенсивность антикризисной политики была очень высокой. Правительством была проведена реформа регулирования финансовых рынков, включающая как ряд либеральных мер (устранение барьеров к доступу на финансовые рынки, разрешение внебиржевой торговли ценными бумагами и т. п.), так и жесткие правила, направленные на решение проблемы неработающих кредитов. На эти цели было выделено порядка 500 млрд долл., что позволило кардинальным образом изменить структуру банковского сектора и прежнюю модель осуществления деятельности.

Таблица 1. Характеристики финансовых кризисов и антикризисной политики в Японии и других азиатских странах

Характеристики	Страна				
	Япония	Южная Корея	Индонезия	Малайзия	Таиланд
Период	1997–2001	1997–1998	1997–2001	1997–1999	1997–2000
Экономические показатели кризиса					
Потери объемов производства, % от ВВП	17,6	50,1	67,9	50,0	97,7
Доля NPLs на пике кризиса, % от общего объема кредитов	35,0	35,0	32,5	30,0	33,0
Спад реального ВВП на пике кризиса, %	2,0	6,9	13,1	7,4	10,5
Ликвидность банковского сектора на пике кризиса*, %	2,4	27,4	23,1	9,7	5,1

⁴ Systemic Banking Crises: A New Database, p.40. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08224.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

Прирост отношения госдолга к ВВП, %	41,7	9,9	67,6	0,2	42,1
Характеристики антикризисной политики					
Бюджетные расходы**, % от ВВП	14,0	31,2	56,8	16,4	43,8
Гарантии государства по обязательствам банков, месяцев	89	37	78	91	89
Рекапитализация банков, % от ВВП	6,6	19,3	37,3	16,4	18,8
Национализация банков	Да	Да	Да	Да	Да
Покупка банковских активов	Да	Да	Да	Да	Да
Замораживание депозитов	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

Составлено по: Systemic Banking Crises: A New Database. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08224.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

Примечания:

* ликвидность в данном случае измеряется как отношение требований центрального банка в отношении банков с денежными средствами вкладчиков к общему объему депозитов и обязательств перед нерезидентами;

** учитываются валовые бюджетные расходы, непосредственно связанные с реструктуризацией финансового сектора.

Проблема «плохих долгов» к 2003 г. в целом была решена, экономический рост возобновился до 2007 г., однако мировой кризис 2007–2009 гг. (уже не японская, а глобальная «Великая рецессия») его остановил. Формально, если следовать принципам идентификации локальных банковских, долговых или валютных кризисов, в Японии не было зафиксировано ни одного из этих типов финансовых кризисов, тогда как это было сделано в отношении многих других стран из разных регионов. Здесь речь идет о побочных эффектах глобального кризиса, которые привели к существенному ухудшению экономической ситуации. Причем особенность ситуации в этой стране заключалась в том, что в отличие от многих других развитых экономик данный кризис оказал прямое и более значительное влияние на реальный сектор Японии и ее торговлю, чем на финансовую и кредитную сферы. Конечно, финансовые институты оказались затронутыми кризисом, однако потери, которые они понесли по низкокачественным активам, были относительно небольшими. Общие убытки кредитных учреждений от низкокачественных ипотечных ценных бумаг за период с апреля 2007 по март 2009 г. составили всего 2,1% от общего капитала первого уровня.

Хотя с сентября 2008 г. и наблюдалось ухудшение финансовых условий⁵, основную тяжесть кризиса испытала международная торговля. На рис. 1 за продолжительный период времени продемонстрировано ежеквартальное изменение темпов роста экспорта и импорта Японии в сопоставлении с такими же темпами роста ВВП. Из рисунка видно, что глубина спада оборота международной торговли в период мирового кризиса многократно превышает общий спад ВВП.

⁵ Например, индекс диффузии финансовых позиций, характеризующий отношение к кредитованию компаний разных размеров, резко снизился и приблизился к уровню конца 1990-х гг. [Shimizu 2019].

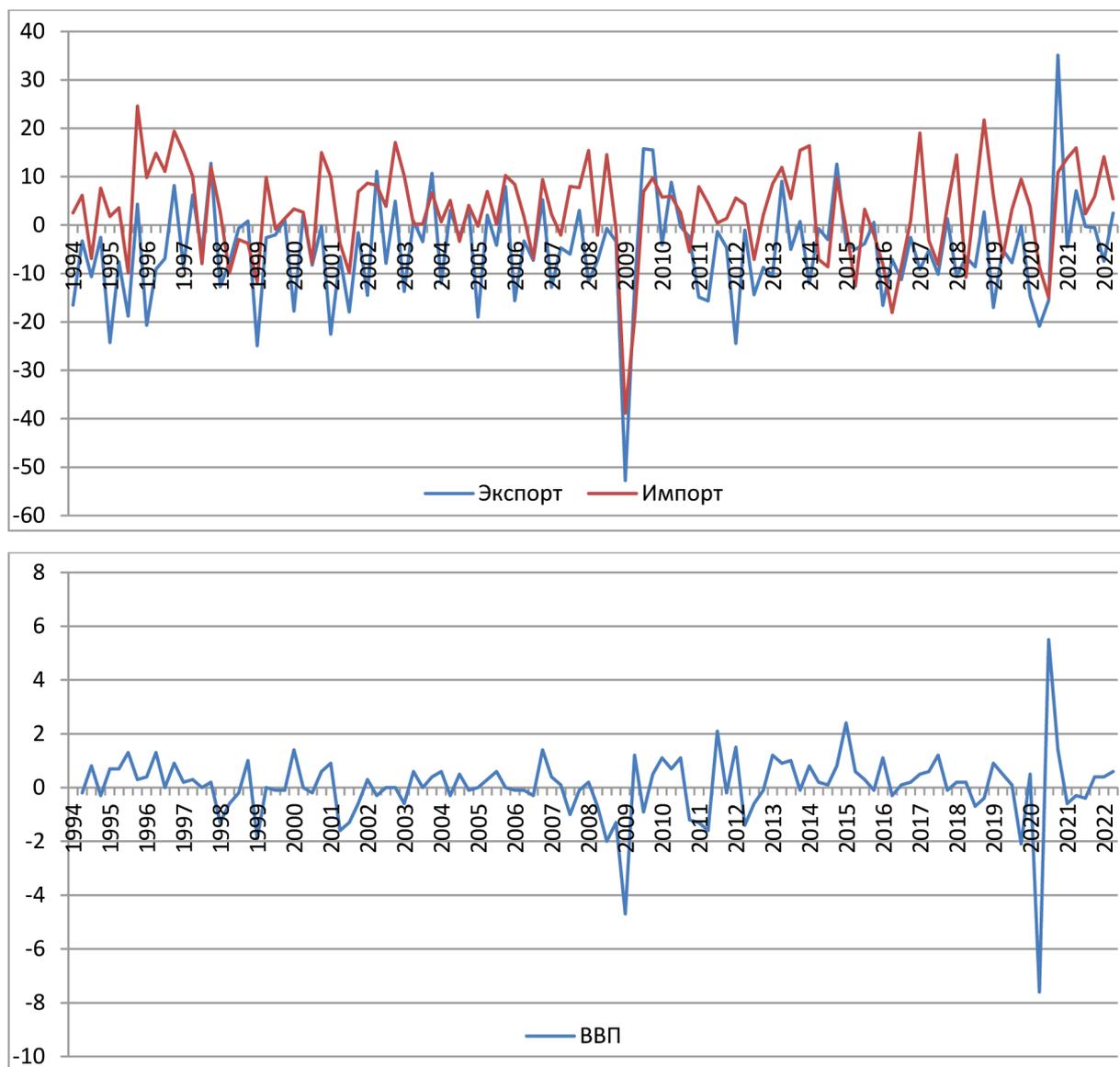

Рис. 1. Темпы роста экспорта, импорта и ВВП Японии за период 1994-2022 гг., %.

Рассчитано и составлено по: Trade Statistics of Japan. https://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/time_e.htm; GDP (Expenditure Approach) and Its Components. https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/data/sokuhou/files/2022/qe222_2/gdemenuea.html (дата обращения: 15.12.2022)

Сокращение международной торговли было вызвано снижением спроса со стороны стран с развитой экономикой, особенно США и Великобритании, которые сильно пострадали от финансового кризиса. Экспорт для Японии всегда был одним из основных секторов, поэтому такой шок сильно повлиял на реальную экономику. Промышленное производство сократилось примерно на треть в период с сентября 2008 г. по февраль 2009 г., что привело к серьезному росту безработицы к середине 2009 г.

Следует отметить, что проблемы в торговых связях оказались основной причиной кризиса в японской экономике и на микроуровне. Анализ изменений в операционных показателях японских фирм за однолетний и двухлетний периоды после начала кризиса показал, что финансовый кризис 2007–2009 гг. распространился на японские фирмы в основном через торговый канал. Канал ликвидности сыграл меньшую роль в падении цен на акции и снижении рентабельности инвестиций. Шок на финансовых рынках спал быстрее, чем в торговле – это

объясняется нетрадиционной денежно-кредитной политикой Банка Японии, а также мерами правительства по предоставлению экстренного корпоративного финансирования [Hosono, Takizawa, Tsuru 2016].

Эффекты финансового заражения и их проявления в Японии

Существование в японской экономике финансовых кризисов и рецессий означает ее восприимчивость к эффектам финансового заражения – процессам передачи шоков от одной страны к другой стране или между секторами экономики. Термин «заражение» взят из лексикона медицинской науки и используется в экономике с той целью, чтобы подчеркнуть важность понимания роли трансмиссионных механизмов в периоды нестабильности и кризисов. Процесс заражения в экономических системах можно представить следующим образом: негативный шок, изначально затрагивающий лишь один рынок или регион, распространяется по определенному каналу на другие рынки или регионы. Последние, в свою очередь, становятся новыми передатчиками заражения, направляя его по тому же самому или другим каналам очередным получателям. В результате возникает цепная реакция (эффект домино), приводящая к структурным разрывам и снижению устойчивости всей экономической системы.

В теоретическом плане важно выделять каналы распространения заражения и всех участников этого процесса. Чаще всего исследователи, используя различия между странами в степени подверженности торговым и финансовым потрясениям, сравнивают торговые и финансовые каналы. Однако результаты неоднозначны, поскольку в разных работах приоритет отдается разным каналам. Например, на основе анализа данных по 20 индустриальным экономикам (включая и японскую экономику) за период 1959–1993 гг. был сделан вывод о ключевой роли торговых связей в трансмиссии заражения [Eichengreen et al 1995]. С другой стороны, для азиатских кризисов 1990-х гг. чаще рассматривались финансовые каналы. В частности, есть доказательства, что финансовые связи, проявившиеся через прекращение кредитования крупными японскими банками заемщиков из разных стран, имели большое значение в распространении этих кризисов [Kaminsky, Reinhart 2000].

В периоды кризисов многие банки, которые несут убытки из-за проблемных активов, сокращают объемы кредитования. Если эти банки работают на международном уровне, то через ухудшение качества активов и снижение их стоимости будет осуществляться трансграничная передача финансового заражения. Однако опыт Японии во время мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. свидетельствует о том, что прямое влияние такого канала на экономику было ограниченным. Поскольку кредиты от иностранных банков японским компаниям были незначительны (их доля составляла всего 2%), последние серьезно не пострадали от кредитного кризиса. Более того, сами японские банки после дефолта Lehman Brothers увеличили объем кредитования в ответ на растущий спрос, вызванный сокращением ликвидности на рынках коммерческих бумаг и корпоративных облигаций. В этом смысле Японию даже можно рассматривать не как реципиента, а как передатчика заражения.

Если же, наоборот, Японию рассматривать как реципиента заражения, то во время мирового финансового, а впоследствии и пандемического кризиса, основную роль сыграли торговые связи. Они могут проявляться по-разному. Так, по мере того, как страна, пострадавшая от кризиса, впадает в рецессию, спрос на импорт в этой стране снижается из-за эффекта дохода. Если же валюта пострадавшей от кризиса страны обесценивается, то спрос на импорт снижается как в данной стране, так и на третьих рынках из-за ценового эффекта. Наконец, девальвация в стране, первой пострадавшей от кризиса, может оказать давление на другие страны, чтобы они девальвировали свою собственную валюту. Этот механизм в Японии не сработал, поскольку национальная валюта в период мирового кризиса укрепилась. Однако сработал механизм

установления торговых барьеров, которые сдерживают экспортно-импортные операции. В частности, было отмечено, что в 2008–2009 гг. усиление торговых препятствий привело к сокращению торговли в некоторых странах, включая Японию⁶. При этом последствия этих изменений в значительной степени компенсировали друг друга на глобальном уровне.

Финансовое заражение испытывают самые разные сектора и сферы экономики. Так, исследовалось распространение заражения на рынке ценных бумаг на основе анализа волатильности фондовых индексов и премий за риск⁷. В период мирового финансового кризиса шоки волатильности привели к взаимному заражению на рынках США, Европы и Японии. Особенно сильно заражение проявилось после краха Lehman Brothers – японские рынки стали более чувствительными к рискам волатильности, передающимся в разные сектора экономики. Это же было подтверждено и в другой работе [Naifar 2011], где в качестве измерения восприимчивости к заражению были выбраны индексы кредитных дефолтных свопов (Credit Default Swap – CDS). С помощью эконометрической модели было показано, что в периоды кризиса японские индексы CDS ведут себя как индикатор более высокого риска и становятся очень чувствительными к условиям фондового рынка и макроэкономическим переменным.

При выявлении заражения важно уметь отделять усиление взаимозависимости, которое практически всегда наблюдается во время локальных и тем более глобальных кризисов, от фундаментального изменения связей, которое как раз и свидетельствует о заражении. Более того, поскольку развитие экономики очень сильно интегрировано в глобальном масштабе, многие макроэкономические и финансовые индикаторы разных стран сильно коррелируют друг с другом в непрерывном режиме. В частности, это касается доходности акций и иных финансовых активов, котирующихся на рынках США и азиатских стран. Японский индекс Nikkei 225, например, демонстрировал тесную связь с американским S&P 500 как до мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., так и во время этого кризиса. Поэтому даже сложные модели не всегда могут обнаружить значимые скачки корреляций. Так, вторичные эффекты волатильности на японском рынке оказались одинаковыми и в кризисный, и в не кризисный периоды, что означало отсутствие заражения [Morales, Andreosso-O'Callaghan 2012].

Следует отметить, что не только финансовые рынки Японии демонстрируют восприимчивость к заражению. Например, рынки недвижимости могут стать его «мишенью», но реакция на заражение со стороны этих рынков не такая быстрая, как со стороны банковского сектора, акций или деривативов. Некоторые работы вообще не выявили эффектов заражения в периоды серьезных потрясений. В частности, в [Hatemi, Roca 2011] не обнаружено признаков передачи шоков на японский рынок недвижимости вследствие распространения по всему миру ипотечного кризиса в США. Однако такие признаки были обнаружены во время более ранних азиатских кризисов 1997–1998 гг. Япония тогда выступила одним из основных реципиентов заражения, причем большая часть повышенной волатильности цен на недвижимость была обусловлена шоками, идущими из Гонконга [Bond, Dungey, Fry 2006].

Есть также свидетельства заражения и в других секторах экономики Японии. В период мирового финансового кризиса было зафиксировано внутриотраслевое заражение в таких видах деятельности, как производство сырья, промышленность, потребительские товары и информационные технологии [Baur 2012]. Причем интересно сопоставить его масштабы с другими странами. В таблице 2 показаны результаты эмпирических оценок в отношении 4 типов заражения в страновом разрезе. Нефинансовый сегмент представлен в двух последних столбцах с обозначением конкретных секторов – реципиентов заражения. Из таблицы видно,

⁶ Trade and the Global Recession. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16666/w16666.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Trade and the Global Recession. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16666/w16666.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

что все страны в большей или меньшей степени испытали заражение. Япония на общемировом фоне выглядит резилиентной (шоко- или стрессоустойчивой) страной к глобальному заражению как финансового, так и нефинансового секторов. Что касается реальных секторов экономики, заражение которых происходило по внутренним каналам, то здесь Япония оказалась более уязвимой, чем, например, США, Германия, Австралия.

Таблица 2. Заражение финансовых и нефинансовых рынков Японии и других стран в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.

Страна	Тип и канал заражения			
	I	II	III	IV
Япония	Да	Нет	Нет	Да (Б, В, Г, И)
Австралия	Да	Да	Да (А, Б, В, З)	Да (И)
Бразилия	Нет	Да	Нет	Да (А, Б, В, Е)
Германия	Нет	Да	Да (В, Г, З)	Нет
Индия	Да	Да	Нет	Да (А, Б, В, З)
Канада	Да	Да	Да (Б)	Да (Ж)
Китай	Да	Да	Нет	Да (А, Б, В, Г, Е, Ж, З)
Норвегия	Да	Да	Да (Б, Е, З)	Да (Г, Д, Е)
Россия	Да	Да	Да (Г)	Да (А, Б, В, Д, Е, З)
США	Нет	Да	Да (А, Б, В, Г, Д, Ж, З, И)	Нет
ЮАР	Да	Нет	Да (А, Б, В, Ж, З)	Да (А)

Составлено по: [Baur 2012].

Обозначения: I – совокупное заражение фондового рынка (мировой портфель акций → акции страны), II – заражение финансового сектора (мировой портфель акций финансового сектора → акции финансового сектора страны), III – глобальное заражение реальной экономики (мировой портфель акций финансового сектора → акции нефинансового сектора страны), IV – внутреннее заражение реальной экономики (портфель акций финансового сектора страны → акции нефинансового сектора страны).

А – нефть и газ, Б – производство сырья, В – промышленность, Г – потребительские товары, Д – здравоохранение, Е – сфера услуг, Ж – связь, З – энергетика, И – информационные технологии.

Следует отметить, что обнаружение заражения требует незамедлительного вмешательства правительства с целью недопущения его дальнейшего распространения и возникновения «цепных реакций», когда получатель становится передатчиком шоков, и добавляются все новые трансмиссионные каналы. И здесь важно обратить внимание на уникальную ситуацию в Японии – если в период мирового кризиса большинство стран спасало свои финансовые рынки, то японское правительство сконцентрировало усилия на поддержке промышленного производства. Действительно, только первый пакет правительственной помощи составил в 2009 г. около 14 млрд иен, направленных на финансирование промышленности, инноваций, инфраструктуры и т. п. В то же время помощи финансовому сектору оказано не было. Японская корпорация по страхованию вкладов (Deposit Insurance Corporation of Japan – DICJ) не выделила ни одной иены на эти цели, хотя в период финансового кризиса 1997–1999 гг. объемы помощи DICJ в разных формах составили 6 млрд иен [Miyakoshi et al 2014].

С позиции теории и практики финансового заражения такая политика вполне объяснима. Дело в том, что правительственные меры поддержки производства оправданны в том случае, когда источником заражения на внутреннем рынке выступает не финансовая отрасль, а реальный сектор. Именно это и наблюдалось в японской экономике тех лет. Основные риски передавались из других стран по торговому каналу, поскольку крупнейшие компании (Toyota, Honda и Nissan) испытывали трудности с производством и экспортом. Было установлено, что негативный экзогенный эффект влияния иностранных компаний на японскую промышленность четко проявился в премиях за риск для пятилетних облигаций [Miyakoshi et al 2014]. Кроме того, негативное эндогенное воздействие существовало по направлению «реальный сектор → финансовый сектор», но не наоборот. Проще говоря, в Японии заражение передавалось от иностранных отраслей к отечественной промышленности, а оттуда на национальные финансовые рынки. Этим и объясняется крупномасштабная финансовая помощь реальному сектору как отправной точке притока рисков в Японию.

Импульсом, запускающим процессы заражения на разных рынках, не обязательно должно быть какое-то негативное экономическое событие. Шок может иметь неэкономическую природу, но затем распространиться по финансовым, торговым и иным каналам в самые разные части экономической системы. Это в полной мере подтвердилось в период кризиса, вызванного COVID-19. В условиях пандемии актуальным становится географический фактор. Территориальная близость или удаленность той или иной страны от Китая может влиять на характер и механизмы передачи заражения не только в медицинском, но и в экономическом аспекте. В этом смысле соседство Японии и Китая трактуется двояко. С одной стороны, есть свидетельства того, что эффект пространственного финансового заражения в период пандемии сильнее проявился между Китаем и географически удаленными странами [Zorgati, Garfatta 2021]. Япония в их число не входит, поэтому она должна быть менее уязвима к пандемическому шоку. Кроме того, многие азиатские страны, включая и Японию, оперативно отреагировали на вспышку COVID-19, ввели ограничительные меры, что сказалось на интенсивности заражения как в медицинском, так и экономическом смысле. Эконометрические модели, оценивающие масштабы, направленность и интенсивность передачи заражения, показали, что азиатский регион меньше всех пострадал от финансового заражения (самой уязвимой страной оказались США, за которой следуют Бразилия, Мексика и Аргентина) [Benkraiem et al 2022].

С другой стороны, результаты отдельных исследований говорят о росте под влиянием COVID-19 корреляций между макроэкономическими индикаторами внутри Японии, а также об усилении их совместного движения с индикаторами других стран, что трактуется как проявление финансового заражения. Например, с использованием высокочастотных данных подтвердилась гипотеза о скачкообразном заражении (jump contagion) японского фондового рынка и ряда других азиатских рынков (Гонконга, Южной Кореи, Сингапура и др.) [Zhang et al 2022]. Авторы обнаружили высокую интенсивность таких скачков, нелинейность их динамики, а также большой вклад в рост волатильности финансовых индикаторов.

Япония в период пандемического кризиса рассматривалась не только как реципиент заражения, но и как его источник. В частности, изучалось распространение заражения по линии «Япония → Азиатский регион» и «Япония → Африка и Ближний Восток». В первом случае (рассчитывались попарные динамические корреляции с такими странами, как Индия, Китай, Тайвань и Таиланд) не было выявлено ни одного факта заражения, во втором (расчеты велись в связках с Египтом, ЮАР, Саудовской Аравией и ОАЭ) – выявлен один факт (Япония вызвала эффект заражения только в ОАЭ) [Siddiqui et al 2022]. В целом это свидетельствует о минимальной роли Японии как трансмиттера заражения в отношении развивающихся рынков. Однако в отношении развитых экономик наблюдалась иная

ситуация. Япония вместе с Китаем оказались так называемыми чистыми передатчиками побочных эффектов (*net transmitters of spillovers*), поскольку передали другим странам больше таких эффектов, чем получили [Akhtaruzzaman, Boubaker, Sensoy 2021]. Математические модели не только подтвердили существование финансового заражения между Китаем и Японией, с одной стороны, и рядом стран с развитой экономикой, с другой стороны, но и показали, что степень заражения намного выше для финансовых компаний по сравнению с нефинансовыми компаниями.

Оценка финансового заражения в Японии в период COVID-19: страновой и межотраслевой аспект

В практической части нашей работы мы продемонстрируем результаты собственного исследования, проведенного с целью получения оценок масштабов и направленности заражения в японской экономике в период пандемии. С помощью методов количественного анализа мы проверяем две гипотезы, отражающие страновой и межотраслевой срез проблемы:

1. Япония являлась источником и реципиентом заражения, т. е. страна шоки от пандемии приняла от Китая и передавала другим странам.

2. В Японии существовали межсекторальные эффекты заражения, т. е. внутри национальной экономики шоки от пандемии распространялись между отраслями.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данные гипотезы использовалась обширная статистическая база. Предполагалось, что заражение распространяется по каналам рынка ценных бумаг, поэтому собирались ежедневные данные по фондовым индексам. Для проверки первой гипотезы рассматривалась динамика основного индекса Японии (Nikkei 225) и аналогичных индексов других стран. Мы решили обеспечить определенную «преемственность» эмпирической части данной статьи с предыдущей частью. Поэтому в выборку включили фондовые индексы тех стран, которые были рассмотрены в таблице 2 (Австралия – S&P/ASX 200, Бразилия – Bovespa, Германия – DAX, Индия – BSE Sensex, Канада – S&P/TSX, Китай – Shanghai, Норвегия – OSE Benchmark, РТС – Россия, США – Dow Jones, ЮАР – South Africa Top 40).

Для проверки второй гипотезы использовались данные по отраслевым индексам Nikkei. Мы выбрали два сектора, которые в прошлые кризисы (особенно в кризис 1990 гг.) демонстрировали неустойчивость (банковский сектор – N500 Banking и недвижимость – N500 Real Estate), а также ряд других отраслей японской экономики, наиболее пострадавших от пандемии. К ним относятся автомобилестроение (N500 Automobiles & Auto parts), морской и воздушный транспорт (N500 Marine Transport и N500 Air Transport), розничная торговля – N500 Retail. Кроме того, в выборку попали традиционно значимые для Японии сектора – электроника и электротехника (N500 Electric Machinery), рыболовство (N500 Fishery), судостроение (N500 Shipbuilding).

Как известно, в периоды кризисов и нестабильности усиливаются колебания макроэкономических показателей. Для оценивания этих колебаний часто определяется их волатильность. В отношении Японии на рисунке 2 показано сопоставление рассчитанных нами волатильностей некоторых фондовых индексов: а. – китайского и японского индексов (страновой срез), б. – японских индексов банковского сектора и секторов воздушного транспорта и рыболовства (отраслевой срез). Использовался широко известный в статистике метод «скользящего», т. е. волатильность (отношение стандартного отклонения фондового индекса к его среднему значению) сначала определялась по данным для десяти первых значений, а затем выборка сдвигалась на одну дату вперед и процедура повторялась.

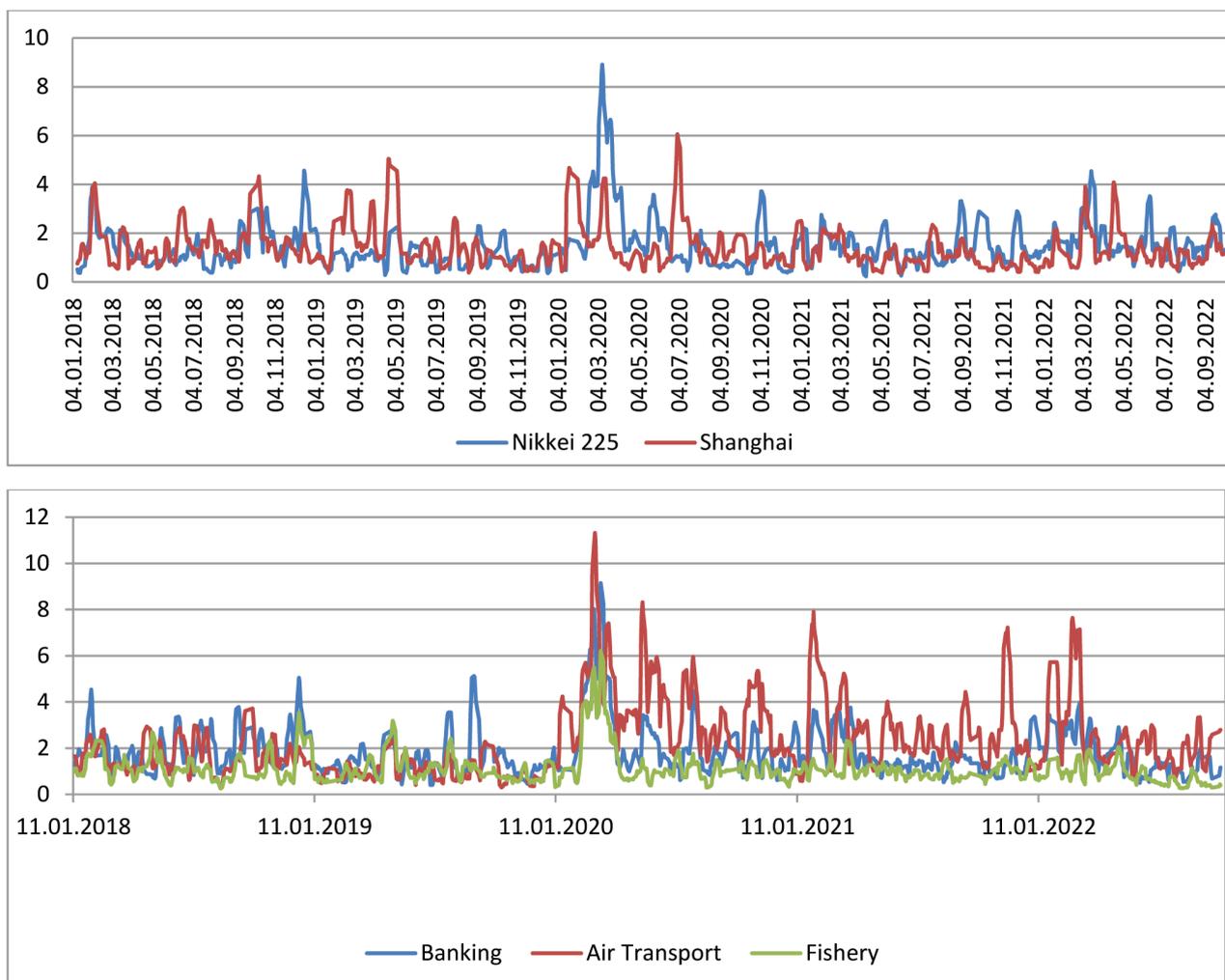

Рис. 2. Волатильность национальных и отраслевых фондовых индексов в допандемический и пандемический период, %.

Рассчитано по: World and Sector Indices. <https://www.investing.com/indices/world-indices> (дата обращения: 15.12.2022).

Из рисунка видно, что в самом начале пандемии произошел всплеск волатильности фондовых индексов Японии, причем реакция на шок из Китая наступила с лагом примерно в два месяца. Это само по себе позволяет заподозрить заражение по линии «Китай → Япония», которое затем распространилось по секторам японской экономики.

Для того чтобы обоснованно подтвердить это заражение (или, наоборот, опровергнуть) необходимо использовать инструментальный анализ. В практике выявления финансового заражения используется большое количество методов разной степени сложности – от оценок на основе стандартной дескриптивной статистики до квантильных регрессий и функций копул. Мы будем применять методы продвинутого корреляционного анализа. Для этого разобьем нашу выборку на два периода – докризисный и кризисный (в качестве разделителя будем использовать дату официального объявления пандемии, т. е. 11 марта 2020 г.). Наличие заражения будем определять с помощью двух специальных тестов:

1. Тест Форбс-Ригобона (Forbes-Rigobon test, *FR*-тест) – самый распространенный подход к оценкам финансового заражения, основанный на сопоставлении корреляций между экономическими показателями (в нашем случае – между фондовыми индексами)

в докризисный и кризисный периоды⁸. В этом подходе расчеты осуществляются с поправкой на гетероскедастичность. Дело в том, что в кризисный период всегда наблюдается рост волатильности (мы это для Японии показали на рис. 2), и использование стандартных коэффициентов корреляции может приводить к смещенности оценок. Чтобы этого избежать, в данном тесте используются скорректированные коэффициенты.

2. Тест на ко-волатильность (co-volatility test, *CV*-тест) – реже встречающийся подход, основанный на измерении экстремальной зависимости, которая отражает зависимость между экстремальным событием на одном рынке и схожим событием на другом рынке. Идея теста состоит в том, чтобы определить, наблюдается ли значительное увеличение совместной волатильности в кризисном периоде по сравнению с докризисным периодом.

Не приводя формального (математического) описания тестов, отметим лишь, что при финансовом заражении тестовая статистика должна показать существенное усиление взаимосвязей в период пандемии по сравнению со «спокойным» периодом. В нашем случае речь идет о взаимосвязях между Японией и другими странами, либо между секторами японской экономики. Если этого не происходит, то можно говорить лишь о совместном движении показателей, которое нельзя считать финансовым заражением.

В таблицах 3 и 4 показаны результаты проведенных тестов в отношении страновых и отраслевых эффектов заражения в Японии, распространившегося по каналам фондового рынка в период пандемии COVID-19. Мы сознательно не стали показывать численные значения результатов тестов, а ограничились лишь фиксацией факта наличия или отсутствия заражения. При этом страновой разрез заражения представлен в одном направлении, т. е. по линии «Китай → Япония» и «Япония → другие страны», а отраслевой – в обоих, т. е. каждый сектор одновременно рассматривался и как возможный источник, и как возможный реципиент заражения. В таблице 4 в каждой ячейке расположены два знака: первый соответствует *FR*-тесту, второй – *CV*-тесту. В качестве примера для связки «I – IV» стрелками и овалами показана двухсторонняя направленность возможного заражения. Знаки в ячейках означают, что оба теста подтвердили заражение от банковского сектора (I) к сектору морского транспорта (IV) и лишь один тест (тест на ко-волатильность) подтвердил заражение в обратном направлении.

Таблица 3. Результаты тестовых оценок на наличие (+) или отсутствие (–) странового заражения

Страна – реципиент заражения	Страна – источник заражения	
	<i>FR</i> -тест	<i>CV</i> -тест
	Китай	
Япония	+	+
	Япония	
Австралия	–	–
Бразилия	–	–
Германия	–	–
Индия	–	+
Канада	+	–

⁸ Впервые он был применен в работе [Forbes, Rigobon 2002] – одной из самых цитируемых статей в мире по проблематике заражения. В контексте нашей статьи интересно отметить, что с помощью этого теста авторы оценивали страновые эффекты заражения в периоды трех кризисов (краха на фондовых рынках США в 1987 г., латиноамериканского кризиса в 1994 г. и азиатского кризиса в 1997 г.) и ни разу не обнаружили передачу заражения в Японию.

Норвегия	–	–
Россия	–	+
США	+	+
ЮАР	–	–

Таблица 4. Результаты тестовых оценок на наличие (+) или отсутствие (–) межотраслевого заражения

Отрасль – источник и реципиент заражения								
I	--+	++	-+	+	++	+-	++	++
++	II	-+	-+	-+	++	+-	++	+-
++	++	III	++	-+	-+	+-	-+	++
++	+-	+-	IV	-+	++	-+	++	-+
-+	+-	--	--	V	++	+-	-+	--
++	++	++	+-	++	VI	++	++	+-
-+	+-	--	++	-+	++	VII	++	+-
++	--	+-	-+	--	+-	--	VIII	--
++	-+	--	--	+-	+-	-+	--	IX

Обозначения: I – банковский сектор, II – недвижимость, III – автомобилестроение, IV – морской транспорт, V – воздушный транспорт, VI – розничная торговля, VII – электроника и электротехника, VIII – рыболовство, IX – судостроение.

Анализ результатов, представленных в таблице 3, позволяет сделать вывод о частичном подтверждении первой гипотезы о страновом заражении. Япония оказалась реципиентом финансового заражения, пришедшего со стороны Китая, но слабо передавала его другим странам из нашей выборки (зафиксирован лишь один случай, когда обе тестовые статистики дали положительный результат). Китай является главным торговым партнером Японии, на его долю приходится почти четверть всего экспорта и импорта Японии. Основной шок, связанный с резким спадом в поставках (особенно в импорте) в 2020 г., был обусловлен тесными торговыми связями этих стран [Демина, Мазитова 2021]. Этот шок продемонстрировал уязвимость японской экономики в краткосрочном плане, однако благодаря пакетам антикризисных мер и курсу на поддержку отечественных производителей негативный тренд удалось переломить. Малое число положительных тестов на заражение по линии «Япония → другие страны» можно объяснить географической удаленностью этих стран и незначительными экономическими связями (в частности, ни одна из них не входит в АСЕАН).

Что касается межотраслевого заражения (табл. 4), то гипотеза о таком заражении подтвердилась в большинстве случаев (из 144 тестов факт заражения зафиксировали 88 тестов, что составляет 66,1%), хотя результаты неоднозначны. Это позволяет сделать вывод, что в период пандемии существенно изменилось влияние одной отрасли на другую, но это изменение наблюдается не повсеместно, а выборочно. Например, банковская сфера продемонстрировала меньшую устойчивость к заражению, чем, например, рыболовство и судостроение. При этом финансовые посредники выступили передатчиками заражения в эти и другие отрасли. Косвенно большую заражаемость банковского сектора подтверждает возобновившееся в период пандемии обсуждение старой проблемы «зомби-кредитования»

в новом ракурсе – предоставления как меры государственной поддержки в период COVID-19 субсидий и льготных кредитов компаниям с низкими кредитными рейтингами, демонстрировавшими до начала пандемии невысокую эффективность деятельности [Hoshi, Kawaguchi, Ueda 2022]. Возможно, что это негативно повлияло на взаимодействие банков и реального сектора и привело к финансовому заражению.

Неожиданным стал результат, показавший слабую восприимчивость к заражению со стороны транспортного сектора. Казалось бы, пассажирские перевозки, будучи неотъемлемой частью туристского сегмента экономики, должны были показать высокую степень заражаемости. Туризм во всем мире, включая и Японию⁹, испытал наибольшую тяжесть от пандемии. Однако в Японии туристский сегмент экономики был активно поддержан правительством. Эффективно сработала программа Go-To Travel, направленная на стимулирование спроса на внутренний туризм и предполагавшая разные меры поддержки, в том числе скидки на транспортные расходы¹⁰. Кроме того, была оказана помощь в виде субсидий работодателям, отправлявшим в вынужденный отпуск своих работников, а также в виде беспроцентных и необеспеченных кредитов. Эффективность была подтверждена рядом исследований (см., например, [Matsuura, Saito 2022]) и реальными цифрами – во время проведения программы туристская активность увеличилась до 20–30 млн чел., а общий спад туристского потока хотя и не удалось преодолеть, но все же снижение составило 25–30%. На наш взгляд, оперативная и масштабная помощь туризму со стороны государства не позволила распространиться заражению в секторе пассажирских перевозок.

Обращает на себя внимание большое число зафиксированных случаев заражения в сегменте розничной торговли, которая выступила одновременно и получателем, и передатчиком заражения. Это можно объяснить неустойчивостью структуры потребительского поведения японцев. По мнению, изложенному в [Тимонина, 2022], «потерянное десятилетие» привело к изменениям в потребительском поведении, ставшими очевидными в период мирового финансового кризиса и усилившимися в пандемию. Колебания темпов роста денежных доходов японцев, рост тревожности и беспокойства, изменения в привычках, появление новых потребителей (так называемые поколения Y и Z) и другие факторы вынудили ритейл менять свои стратегии и организационные формы бизнеса. Очевидно, что не всем компаниям удалось это сделать, многие из них оказались убыточными, некоторые даже обанкротились. COVID-19 же стал дополнительным стрессом для торговли – каким-то участникам рынка удалось адаптироваться¹¹, но многие не смогли противостоять пандемическому шоку. В частности, по состоянию на 16 сентября 2020 г., т. е. спустя полгода после начала пандемии, в таком сегменте ритейла как розничная торговля одеждой было выявлено 44 случая банкротств. Этот сегмент оказался на третьем месте в рейтинге сфер, наиболее пострадавших от пандемии (первые два места заняли общественное питание и гостиницы) [Kanno 2021]. Поэтому в целом торговля оказалась восприимчивой к пандемическому шоку и последовавшему за ним заражению.

Таким образом, применение методов выявления финансового заражения в отношении Японии показало, что эта страна оказалась уязвимой к пандемическому шоку. Однако заразившись, японская экономика продемонстрировала неравномерность передачи потрясений по внутренним каналам – одни сектора оказались активными получателями и передатчиками заражения, другие же показывали среднюю или высокую устойчивость к кризису.

⁹ Спад туристского потока в Японию в 2020 г. составил 85,1%. По итогам второго квартала он упал даже на 99,9%, т. е. туризм полностью остановился. UNWTO World Tourism Barometer, p. 17. <https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/wtobarometereng.2020.18.1.7?role=tab> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Кампания проводилась с 22 июля по 28 декабря 2020 г. с общим бюджетом в 1,35 трлн иен (12,8 млрд долл.).

¹¹ Например, крупнейший азиатский ритейлер AEON активизировал свою деятельность в сфере онлайн продаж и доставки продуктов питания.

Заключение

Сформулируем основные выводы. Япония в новейшей истории прошла через три финансовых кризиса. Основной из них (единственный, который указан в актуальных базах данных по банковским, валютным и долговым кризисам) пришелся на конец 1990-х гг. Он стал одной из иллюстраций «потерянного десятилетия» японской экономики и проявился в серии банкротств и реорганизаций банков, вызванных повсеместной практикой кредитования неплатежеспособных компаний (проблема «зомби-кредитования»). При этом на фоне других азиатских кризисов, распространившихся в эти годы, Япония показала лучшую устойчивость благодаря последовательным и эффективным мерам правительства и монетарных властей.

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. негативно сказался на Японии, хотя формально, используя критерии идентификации локальных кризисов, в этой стране в данный период кризиса не было, а наблюдались лишь побочные эффекты. Ключевое влияние глобальный шок оказал на торговлю Японии с другими странами – глубина спада как по экспорту, так и по импорту значительно превышала общий спад ВВП (например, пиковое значение спада по экспорту составило более 50%, тогда как падение ВВП не превысило 5%).

Япония, как и многие другие страны, испытывает влияние эффектов финансового заражения – процессов передачи шоков из одной страны в другую, при которых нарушаются фундаментальные связи и экономика теряет свою устойчивость. Анализ публикаций по данной проблематике позволил сделать вывод, что Япония восприимчива к заражению, передающемуся по разным каналам. При этом особенность японской ситуации заключается в том, что ключевым каналом заражения выступают торговые связи, а не финансовые. Это обстоятельство позволяет правительству оптимальным образом выстраивать свою антикризисную политику. В частности, нами в работе отмечена интересная ситуация, наблюдавшаяся в период мирового финансового кризиса, когда многие страны в первую очередь оказывали помощь финансовым рынкам, а Япония – реальному сектору. Такая политика в полной мере вписывается в теорию и практику противодействия финансовому заражению. В период кризиса шоки передавались сначала в японскую промышленность от иностранных компаний через торговые связи, а лишь затем на финансовые рынки. Это обстоятельство стало основанием для того, чтобы правительство начало оказывать поддержку именно реальному сектору как источнику межотраслевого заражения.

В статье затронут актуальный аспект, связанный с распространением заражения в период пандемического кризиса. Во многих исследованиях, посвященных COVID-19, Япония рассматривалась и как источник, и как реципиент заражения. Мы в эмпирической части своей работы также решили проверить роль Японии в этом заражении. Были сформулированы гипотезы о наличии страновых и межотраслевых эффектов заражения. Для их подтверждения использовался большой массив данных по рынку ценных бумаг – была собрана информация по динамике индекса Nikkei 225 и аналогичных индексов других стран, а также по ряду японских отраслевых индексов. Инструментом выявления заражения стали методы неклассического корреляционного анализа (рассчитывалась статистика по двум тестам на заражение). Результаты показали, что Япония оказалась реципиентом финансового заражения, пришедшего от Китая, но слабо передавала его другим странам. Межотраслевое заражение внутри японской экономики происходило более активно, поскольку положительные тесты подтвердились в 66,1% случаев. При этом нами установлена неравномерность передачи шоков между секторами, которая обусловлена разными причинами. Например, слабая восприимчивость к заражению сектора пассажирских перевозок может быть объяснена своевременной и масштабной поддержкой со стороны японского правительства туристского

сегмента экономики (в частности, эффективной реализацией программы Go-To Travel). Наоборот, высокая степень заражаемости сегмента розничной торговли может быть связана со структурными сдвигами в поведении потребителей и бизнеса, которые в пандемию испытали негативный шок и не смогли быстро адаптироваться.

Общий вывод по исследованию – Япония в последние годы демонстрирует устойчивость к финансовым кризисам, но восприимчивость к финансовому заражению. Основной канал уязвимости перед внешними шоками связан не с финансами, а с международной торговлей, однако правительственная политика не позволяет заражению распространяться повсеместно, а локализует его на отдельных рынках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Демина Я.В., Мазитова М.Г. Пандемия COVID-19 и ее влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. №3. С. 57–75. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-57-75>
- Лебедева И.П. 2007. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.). Москва: Восточная литература.
- Леонтьева Е.Л. Дефляционный кризис в Японии // Экономический журнал ВШЭ. 2006. №3. С. 353–401.
- Рустамов Э. Финансовые кризисы: источники, проявления, последствия // Вопросы экономики. 2012. №4. С. 46–66. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66>
- Тимонина И.Л. Социально-экономические факторы изменения потребительского поведения и стратегии торговых компаний Японии // Японские исследования. 2022. №2. С. 48–66. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-48-66>

REFERENCES

- Dyomina, Y.V., & Mazitova, M.G. (2021). Pandemiya COVID-19 i ee vliyanie na ekonomiku Yaponii [The COVID-19 Pandemic and its Impact on the Japanese Economy]. *Yaponskie Issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3, 57–75. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-57-75>
- Lebedeva, I.P. (2007). *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.)* [Japan: Industry and Entrepreneurship (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Centuries)]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Leontyeva, E.L. (2006). Deflyatsionnyi krizis v Yaponii [The Deflationary Crisis in Japan]. *Ekonomicheskij zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 3, 353–401. (In Russian).
- Rustamov, E. (2012). Finansovye krizisy: istochniki, proyavleniya, posledstviya [Financial Crises: Sources, Manifestations, Consequences]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 46–66. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66>
- Timonina, I.L. (2022). Social'no-ekonomicheskie faktory izmeneniya potrebitel'skogo povedeniya i strategii torgovyh kompanii Yaponii [Socio-Economic Factors of Changes in Consumer Behavior and Strategies of Trading Companies in Japan]. *Yaponskie Issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2, 48–66. (In Russian). <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-2-48-66>

* * *

- Akhtaruzzaman, M., Boubaker, S., & Sensoy, A. (2021). Financial Contagion During COVID–19 Crisis. *Finance Research Letters*, 38, 101604. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101604>
- Baur, D.G. (2012). Financial Contagion and the Real Economy. *Journal of Banking & Finance*, 36(10), 2680–2692 <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2011.05.019>

- Bayoumi, T. (2001). The Morning After: Explaining the Slowdown in Japanese Growth in the 1990s. *Journal of International Economics*, 53(2), 241–259. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00075-1](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00075-1)
- Benkraiem, R., Garfatta, R., Lakhali, F., & Zorgati, I. (2022). Financial Contagion Intensity during the COVID–19 Outbreak: A Copula Approach. *International Review of Financial Analysis*, 81, 102136. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2022.102136>
- Bond, S.A., Dungey, M., & Fry, R. (2006). A Web of Shocks: Crises Across Asian Real Estate Markets. *Journal of Real Estate Financial Economics*, 32, 253–274. <https://doi.org/10.1007/s11146-006-6800-0>
- Caballero, R.J., Hoshi, T., & Kashyap A.K. (2008). Zombie Lending and Depressed Restructuring in Japan. *American Economic Review*, 98(5), 1943–1977. <https://doi.org/10.1257/aer.98.5.1943>
- Eichengreen, B., Rose A.K., Wyplosz, C., Dumas, B., & Weber A. (1995). Exchange Market Mayhem: The Antecedents and Aftermath of Speculative Attacks. *Economic Policy*, 10(21), 249–312. <https://doi.org/10.2307/1344591>
- Forbes, K., & Rigobon, R. (2002). No Contagion, Only Interdependence: Measuring Stock Market Comovements. *Journal of Finance*, 57(5), 2223–2261. <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00494>
- Hatemi, J.A., & Roca, E. (2011). How Globally Contagious Was the Recent US Real Estate Market Crisis? Evidence Based on a New Contagion Test. *Economic Modelling*, 28(6), 2560–2565. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2011.07.017>
- Hayashi, F., & Prescott, E.C. (2002). The 1990s in Japan: The Lost Decade. *Review of Economic Dynamics*, 5(1), 206–235. <https://doi.org/10.1006/redo.2001.0149>
- Hirakata, N., Sudoa, N., Takeia, I., & Uedab, K. (2016). Japan’s Financial Crises and Lost Decades. *Japan and the World Economy*, 40, 31–46. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2016.07.003>
- Hoshi, T., Kawaguchi, D., & Ueda, K. (2022). Zombies, Again? The Covid-19 Business Support Programs in Japan. *Journal of Banking & Finance*, 106421. In Press. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2022.106421>
- Hosono, K., Takizawa, M., & Tsuru, K. (2016). International Transmission of the 2007–2009 Financial Crisis: Evidence from Japan. *The Japanese Economic Review*, 67, 295–328. <https://doi.org/10.1111/jere.12092>
- Kaminsky, G.L., & Reinhart, C.M. (2000). On crises, contagion, and confusion. *Journal of International Economics*, 51(1), 145–168. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(99\)00040-9](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(99)00040-9)
- Kanno, M. (2021). Assessing the Impact of COVID–19 on Major Industries in Japan: A Dynamic Conditional Correlation Approach. *Research in International Business and Finance*, 58, 101488. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2021.101488>
- Krugman, P. (1998). Its Baaack: Japan’s Slump and the Return of the Liquidity Trap. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 137–205.
- Matsuura, T., & Saito, H. (2022). The COVID-19 Pandemic and Domestic Travel Subsidies. *Annals of Tourism Research*, 92, 103326.
- Miyakoshi, T., Takahashi, T., Shimada, J., & Tsukuda, Y. (2014). The Dynamic Contagion of the Global Financial Crisis into Japanese Markets. *Japan and the World Economy*, 31, 47–53. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2014.05.003>
- Morales, L., & Andreosso-O’Callaghan, B. (2012). The Current Global Financial Crisis: Do Asian Stock Markets Show Contagion or Interdependence Effects? *Journal of Asian Economics*, 23, 616–626. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2012.09.002>
- Naifar, N. (2011). What Explains Default Risk Premium During the Financial Crisis? Evidence from Japan. *Journal of Economics and Business*, 63, 412–430. <https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2010.09.003>
- Nguyen, T.C., Castro V., & Wood J. (2022). A New Comprehensive Database of Financial Crises: Identification, Frequency, and Duration. *Economic Modelling*, 108, 105770. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105770>
- Posen, A. (1998). *Restoring Japan’s Economic Growth*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.
- Shimizu, Y. (2019). Monetary Easing Policy and Stable Growth: A Theoretic Approach. *International Journal of Economic Policy Studies*, 13, 359–382. <https://doi.org/10.1007/s42495-019-00020-2>

- Siddiqui, T.A., Khan, M.F., Naushad, M., & Syed, A.M. (2022). Cross-Market Correlations and Financial Contagion From Developed to Emerging Economies: A Case of COVID–19 Pandemic. *Economies*, 10, 147. <https://doi.org/10.3390/economies10060147>
- Zhang, Y., Zhou, L., Chen, Y., & Liu, F. (2022). The Contagion Effect of Jump Risk Across Asian Stock Markets During the Covid–19 Pandemic. *The North American Journal of Economics and Finance*, 61, 101688 <https://doi.org/10.1016/j.najef.2022.101688>
- Zorgati, I., & Garfatta, R. (2021). Spatial Financial Contagion during the COVID–19 Outbreak: Local Correlation Approach. *The Journal of Economic Asymmetries*, 24, e00223. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2021.e00223>

Поступила в редакцию: 15.12.2022

Received: 15 December 2022

Принята к публикации: 13.02.2023

Accepted: 13 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение?

В.Г. Швыдко

Аннотация. В статье рассматривается опыт первого года премьерства Кисида Фумио с точки зрения формулируемой и осуществляемой его кабинетом экономической политики. Последняя анализируется посредством соотнесения ее с политикой, осуществлявшейся в течение последних десяти лет предшественниками Ф. Кисида на посту главы кабинета, с одной стороны, и с положениями, заявлявшимися им в ходе предвыборной кампании 2021 г. – с другой. Отмечается, что в своих базовых моментах экономическая политика кабинета нового лидера правящей Либерально-демократической партии сохраняет преемственность по отношению к курсу, который выдерживался все предшествующие годы командой Абэ Синдзо («абэномика»). Это выражается и в характере использования основных инструментов макроэкономической политики, прежде всего в кредитно-денежной и налоговой сферах, и в расстановке приоритетов политики стимулирования потребления и хозяйственной активности. К элементам преемственности курса относятся, в частности, мягкая монетарная политика; позитивное отношение к снижению курса национальной валюты; умеренно экспансионистская бюджетная политика, опирающаяся на внутренние заимствования; приоритет интересов национального бизнеса. Унаследованными от предшествующих кабинетов являются также курс на активизацию правительственными мерами отложенного частного спроса; содействие инвестициям в НИОКР, венчурному и инновационному предпринимательству, прежде всего в регионах. Провозглашавшийся Ф. Кисида акцент на активизацию перераспределительных механизмов и увеличение доли наемного труда в совокупных доходах пока не нашел воплощения в конкретных решениях и действиях правительства. Тезис о необходимости расширить число бенефициаров капиталистической рыночной системы в рамках его концепции «нового капитализма» также еще предстоит наполнить конкретным содержанием.

В последние месяцы внимание правительства и его экономического блока в большой степени было сосредоточено на преодолении последствий дезорганизации трансграничных производственных, торговых и логистических цепочек в результате пандемии коронавирусной инфекции и роста геополитической напряженности. Конкретными приоритетными направлениями деятельности в этом направлении стали частичная компенсация бизнесу и домохозяйствам роста цен на энергоносители и продовольствие; диверсификация либо локализация критически значимых звеньев торгово-производственных цепочек, а также исключение из них политически нежелательных или нестабильных локаций. На данном этапе, однако, действия правительства ограничиваются постулированием целей и планами финансирования соответствующих программ, эффективность которых пока неочевидна.

Ключевые слова: Япония, экономическая политика, социально-экономические реформы, «новый капитализм», транснациональные хозяйственные цепочки, абэномика.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы экономики и политики Японии, Национальный исследовательский

институт мировой экономики и международных отношений РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // Японские исследования. 2023. № 1. С. 80–93. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?

V.G. Shvydko

Abstract. The article addresses the experience of Fumio Kishida's first year as Prime Minister of the Japanese government with respect to its economic policy vision and implementation. The latter is presented by comparing it to the policy pursued over the past ten years by PM Kishida's predecessors in the office, on the one hand, and to the commitments he announced during the 2021 election campaign, on the other. The paper notes that, in its basic moments, the economic policy of the cabinet of the new leader of the ruling Liberal Democratic Party continues the course previously maintained by the team of then-PM Shinzō Abe, known as *Abenomics*. This manifests itself in the specifics of the use of basic tools of macroeconomic policy, monetary and tax instruments to be named first, as well as in choosing priorities for the policy stimulating consumption and economic activity. The continuity of the course can be particularly illustrated by loose monetary policy; positive view of the depreciation of Japanese national currency; moderately expansionary fiscal policy relying on domestic borrowing; preference given to the interests of the corporate sector. Legacy inherited from previous administrations also includes the government striving to revitalize private demand; promoting investment in R&D, venture and innovating enterprises with particular stress on regional economies. Kishida's particular emphasis on invigorating redistributive mechanisms and increasing labor share in national income has not yet led to material decisions and actions by the government. Nor did Kishida make progress with his commitment to expand the ring of beneficiaries of the capitalist market system, as part of his idea of "new capitalism".

In recent months, the attention of the government and its economic team has been largely focused on overcoming the consequences of the disruption of transnational chain lines in production, trade, and logistics, as a result of the coronavirus pandemic and rising geopolitical tensions. In addressing this issue, they prioritized subsidizing businesses and households to partially offset energy and food price hikes; securing diversification or localization of critical links of trade and production chains, as well as the exclusion of politically undesirable or unstable locations from them. At this stage, however, the actions of the government are limited to setting relevant goals and plans to provide finance for programs with effectiveness yet to be proved.

Keywords: Japan, economic policy, social and economic reforms, "new capitalism", transnational business chains, Abenomics.

Author: *Shvydko Vitaly G.*, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Head of Japan Economy and Politics Group, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

For citation: Shvydko V.G. Pervyi god prem'erstva Kisida Fumio: konets «abenomiki» ili ee prodolzhenie? [Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2023, 1, 80–93. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93

Год пребывания на посту главы кабинета министров Японии Кисида Фумио – нового лидера Либерально-демократической партии (ЛДП), главной политической партии страны, выражающей настроения и политические представления основной части японского истеблишмента, – поставил вопрос о том, как смена руководства отразится на экономической политике правительства, которая в течение десяти предшествующих лет так или иначе отражала подходы, олицетворявшиеся ярким представителем японских консерваторов Абэ Синдзо. Несмотря на противоречивые оценки результатов этих подходов, несколько искусственно объединявшихся официально использовавшимся термином «абэномика» (*абэномикусу*), в общественном сознании экономическая реальность Японии второй половины 2010-х гг. во многом характеризуется именно этим выражением («эпоха абэномики») [Hoshi, Lipsy 2021].

Со сменой главного лица японской политики неизбежно возникает элемент неопределенности: в какой степени личные взгляды и пристрастия нового главы правительства окажут воздействие на установки и приоритеты экономических властей, и стоит ли ожидать их изменения как в ближайшем будущем, так и в среднесрочной перспективе. Данная статья представляет собой попытку если и не дать ответ на возникающие вопросы, то, по крайней мере, облегчить его поиск на основе имеющегося фактического материала.

Идейно-политическое позиционирование в стартовый период

Очевидно, что новый лидер японских консерваторов обладает определенными личными политическими и интеллектуальными амбициями, побудившими его примерить на себя амплу пусть и не радикального реформатора, но, во всяком случае, носителя новых идей и подходов. Это было для него особенно актуально на фоне смешанной, а местами и откровенно негативной оценки в партии состояния экономики страны на момент выборов председателя ЛДП осенью 2021 г. [Sato 2022, p. 72]. В качестве кандидата на этот чрезвычайно важный в японской политике пост Ф. Кисида выражал намерение своей будущей политикой способствовать значимым изменениям по ряду важных направлений социально-экономического развития страны. В частности, он выделял такие цели, как: 1) усиление перераспределения доходов за счет увеличения налогообложения имущих слоев населения и расширения системы социальных пособий и помощи наиболее нуждающимся, а также расширения бесплатного доступа к некоторым государственным услугам, прежде всего образовательным; 2) достижение большей «инклюзивности» экономики путем участия в экономической и финансовой активности тех категорий населения, которые до сих пор в значительной степени не были в нее вовлечены, и 3) акцент на социальную ориентированность технологической политики, которая должна не только и не столько поднять производительность на производстве, сколько повысить комфорт и благосостояние обычного человека («народа»). При этом будущий премьер активно оперировал выражением «новый капитализм», главной отличительной чертой которого, по его словам, должно стать ослабление мотива получения текущей прибыли и переориентация бизнеса на поставленные обществом долгосрочные задачи «гармоничного развития».

При всей обтекаемости использовавшихся Ф. Кисидой формулировок, не предполагавших резкого и, тем более, радикального вмешательства в хозяйственные отношения, изначальная повестка нового лидера, исходя из ее основных акцентов (уменьшение экономических разрывов в обществе, усиление перераспределительной функции государства и др.), может быть охарактеризована как левая по современным европейским меркам. В особенности это относится к социалистическому, по сути, содержанию его лозунга «нового капитализма», подразумевающего примат социальных задач функционирования бизнеса по отношению

к мотивам максимизации прибыли и роста капитализации компаний. К этой же характеристике подводит и присущая его публичным выступлениям радикальность предлагаемой экологической повестки, в частности его обещания вывести Японию в глобальный авангард строительства новой, низкоуглеродной и экологически нейтральной экономики.

Такой подход мог бы показаться противоестественным для представителя японской консервативной правящей элиты, если бы не растущая склонность этой элиты к популистской фразеологии, ставшей в последние десятилетия неременным имиджевым элементом политического «мэйнстрима». Определенный набор высказываний в подобном ключе стал фактически обязательным для любого японского политика, претендующего на роль визионера и национального лидера вне зависимости от его идеологического бэкграунда. Мотивы подобного рода активно использовал и С. Абэ – фактический предшественник Ф. Кисида в качестве лидера японских консерваторов (если абстрагироваться от годичного пребывания на этом посту Ё. Суга), энергично создававший публичный образ сильного лидера, уверенного в себе и в своем понимании будущего. В еще большей степени к популистской риторике прибегал его аппарат, инициировавший принятие и публикацию разнообразных программных документов («стратегий»), излагавших правительственное видение грядущих изменений в экономике и обществе. Это видение неизменно включало в себя утопическое описание будущих технологий и обещание скорого снятия всех материальных ограничений для жизненного комфорта, что якобы станет результатом реализации плодов новой «промышленной революции» и технологического прогресса¹. Таким образом, новый глава ЛДП не изменил уже сложившейся традиции, а лишь модифицировал акценты и словесные штампы, сохранив приверженность своей партии обещаниям всеобщего процветания и социальной гармонии².

Вместе с тем помимо вышеописанных общих принципов в предвыборных речах Ф. Кисида присутствовали и некоторые более конкретные обещания, отражавшие его реформаторскую риторику левой направленности. В частности, он предлагал поднять существующий налог на прирост стоимости активов, объектом которого является имущество относительно состоятельных слоев населения; повысить налогообложение выплачиваемых компаниями дивидендов; обязать крупный бизнес повышать оплату труда в соответствии с правительственными рекомендациями. Кисида также предлагал некоторые меры для реформирования мотивации корпораций от приоритетного обеспечения прибыльности на краткосрочном горизонте к достижению долгосрочных целей. В частности, он предполагал отменить практику квартальной публичной отчетности, фокусирующейся на показателях текущей доходности, и ограничить возможности корпораций осуществлять обратный выкуп своих акций (buyback). Впрочем, отсутствие деталей говорило о том, что речь шла не о конкретных предложениях соответствующих рабочих групп в партийном аппарате, а лишь о программных «фишках», предложенных кандидату на роль лидера партии штабом его советников.

¹ Во второй половине 2010-х гг. это полуутопическое представление о будущем приняло форму официальной концепции «общества 5.0» – постинформационного общества социально-экономической гармонии на основе достижений Четвертой промышленной революции и повсеместного внедрения технологий, использующих искусственный интеллект и современные средства коммуникации и связи.

² Соответствующие положения и обещания содержатся в официальных материалах ЛДП, в том числе датируемых самым последним временем (См., в частности: Ketsudan to Jitkou. Mirai o Mamoru. Nihon o Mamoru. Jimintou Reiwa 4 nen Seisaku Panfuretto [Decision and Implementation. Protecting Future. Protecting Japan. LDP Policy 2022] http://jimin.jp-east-2.storage.api.nifcloud.com/pdf/pamphlet/202206_pamphlet.pdf (дата обращения: 09.12.2022).

Первый год: адаптация новых подходов к привычной практике

Время, прошедшее с момента избрания Ф. Кисида главой партии и премьером, показало, что некоторые конкретные обещания, связанные с лозунгом «нового капитализма», оказались существенно скорректированы, а сроки реализации других отодвинуты на отдаленную перспективу.

Так, правительство под руководством нового премьера не предложило к немедленной реализации никаких существенных налоговых новаций, которые были бы нацелены на увеличение масштабов перераспределения доходов. Одновременно, ранее обсуждавшиеся проекты налогового маневра в этом направлении были фактически отложены и частично изменены. Так, выступая в лондонском Сити в мае 2022 г. и, позже, перед инвесторами на Нью-Йоркской фондовой бирже, Кисида поделился планами налогового поощрения частных финансовых инвестиций, а в ноябре того же года представил одобренный правительством план расширения соответствующих налоговых льгот³. Эти меры очевидно диссонируют с его первоначальной идеей усиления обложения доходов от финансовых активов как способа перераспределения доходов и богатства, и это противоречие не осталось незамеченным⁴.

Что же касается побуждения к более динамичному повышению заработной платы, то и здесь какого-то особого давления бизнес не испытал. Во всяком случае, публичных жалоб на это обнаружить не удастся, а статистика показывает, скорее, стагнацию доходов работающих по найму. Повышение базовых ставок оплаты труда по результатам традиционных весенних переговоров о перезаключении коллективных трудовых договоров в крупных корпорациях в 2022 г. составило лишь 1,86% – меньше, чем в предшествующие годы⁵. Рекомендуемое Министерством труда ежегодное повышение размеров минимальной оплаты труда (конкретные цифры определяются властями префектур) и в 2021 г., и в 2022 г. составляло примерно те же 3 проц., что и в 2015–2019 фин. гг.⁶ При этом министр труда в своих ремарках на публичных пресс-конференциях рекомендовал соотносить планируемые повышения с возможностями бизнеса, не предъявляя ему неоправданно высоких требований⁷.

То же самое можно сказать и о регулятивных новациях: деятельность первого кабинета Ф. Кисиды не показала наличия у него планов крупных изменений регулятивной системы в сторону усиления ограничений или перераспределительного эффекта.

Вместе с тем лозунг «нового капитализма» не исчез из публичной риторики нового лидера даже после того, как стало очевидным отсутствие у него планов производить революционные изменения в экономической и социальной политике. Отсылки к этой концепции, а также рассуждения о необходимости большего перераспределения доходов через использование фискально-бюджетных механизмов, политически мотивированного вовлечения в экономику маловостребованных человеческих ресурсов, усиления социальной и экологической

³ В частности, речь шла о расширении программы безналоговых инвестиционных счетов для физических лиц, известной под аббревиатурой NISA. См.: Transcript: Japan PM Kishida's speech in London. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Transcript-Japan-PM-Kishida-s-speech-in-London> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴ Kishida's asset income plan marks departure from focus on wealth redistribution // The Japan Times. 30.11.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/11/30/business/kishida-double-asset-income/> (дата обращения: 06.12.2022). См. также: Nagata, K. What's behind Kishida's plan to spur household investment // The Japan Times. 11.05.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/05/11/business/economy-business/behind-kishida-plan-investment/> (дата обращения: 06.12.2022).

⁵ How 'transitory' is Japanese inflation? // Nikkei Asia Market Spotlight. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Market-Spotlight/How-transitory-is-Japanese-inflation> (дата обращения: 06.12.2022).

⁶ The Japan Times. 01.07.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/07/01/business/minimum-wage-hikes-companies-pressure> (дата обращения: 06.12.2022).

⁷ См., в частности, тексты выступлений министра на пресс-конференциях, размещенные на официальном сайте министерства. https://www.mhlw.go.jp/stf/kaiken/daijin/0000194708_00459.html (дата обращения: 06.12.2022).

ответственности бизнеса и т. п. по-прежнему присутствуют в его выступлениях, рассчитанных на широкую, в том числе международную аудиторию⁸. Более того, в них можно увидеть намеки на амбиции и готовность Ф. Кисида примерить на себя амплуа реформатора, создателя новой стратегии реагирования на стоящие перед страной исторические вызовы и, по его собственному выражению, «грандиозной трансформации либерального демократического общества». В частности, формулируя главные задачи своего кабинета, Ф. Кисида не ограничивается обещаниями подвергнуть изменениям регулятивную среду, налоговый режим и администрирование бюджетных расходов, а говорит о масштабной цели построения общества «всеобщего участия», в котором «вклад и усилия каждого будут надлежащим образом оцениваться и вознаграждаться».

Однако реформаторская риторика нового лидера формулируется на достаточно высоком уровне абстракции и не приобретает вид проработанных содержательных документов официального характера. Что же касается практических действий правительства и экономических властей (к которым относятся также Центральный банк и государственные или полугосударственные корпорации, выполняющие функции поддержки экономики) вместо обещанного поворота к «новому капитализму» обнаруживается большой элемент преемственности.

Общая картина экономической политики: преемственность как основа

Прежде всего, это относится к параметрам *кредитно-денежной (монетарной) политики*. Последняя, являясь важнейшим элементом экономической политики, остается неизменной на протяжении всего последнего десятилетия, и никаких изменений в связи со сменой премьера в ней не произошло. Приоритетом официальной линии в этой области, как и прежде, является обеспечение дешевизны кредита посредством целенаправленного воздействия на объем ликвидности (размеры денежной массы) в экономике и на процентные ставки на денежных рынках.

Мягкая (или, скорее, сверхмягкая) монетарная политика, характеризующаяся удержанием процентных ставок на денежном рынке на предельно низком уровне, сохраняется в более или менее неизменном виде все последнее десятилетие. Эта линия была четко обозначена главой центрального банка страны Х. Курода сразу после его назначения на пост управляющего Банком Японии в 2013 г. и выдерживалась им и возглавляемым им учреждением на протяжении всех последующих лет. Для этого были задействованы все доступные денежным властям рычаги: операции с государственными облигациями на открытом рынке; процентные ставки для счетов в центральном банке, на которых размещаются резервы и иные средства коммерческих банков; публичные заявления руководства Банка Японии, призванные повлиять на ожидания участников рынка (вербальные интервенции). Все названные инструменты комплексно и скоординированно использовались для удержания стоимости кредита в национальной валюте на минимально возможном уровне и, как следствие, для оказания понижающего давления на курс иены на валютном рынке.

Возможность для такого использования обеспечивалась, с одной стороны, политической поддержкой со стороны С. Абэ, который сам и инициировал этот курс в целях стимулирования экономического роста и минимизации издержек, связанных с увеличением и обслуживанием

⁸ См., например, обращение Ф. Кисида к участникам Всемирного экономического форума в Давосе (World Economic Forum. Special Address by Kishida Fumio, Prime Minister of Japan <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/japan-new-form-of-capitalism-revive-economy/> (дата обращения: 06.12.2022)); его выступление перед инвестбанкирами в лондонском Сити в мае 2022 г. (Transcript: Japan PM Kishida's speech in London), и др.

огромного государственного долга. А с другой стороны, она сохранялась благодаря чрезвычайно низкой инфляции, а в отдельные годы – и дефляции в японской экономике на протяжении всего этого периода, когда индекс потребительских цен показывал низкие положительные (менее 2% в годовом выражении) либо отрицательные значения.

Даже обескураживающе резкое падение курса иены в 2022 г., которое стало следствием сохранения на околонулевом уровне ключевых ставок, регулируемых центральным банком⁹, на фоне повышения этих ставок денежными властями США и еврозоны, не заставило Банк Японии пойти на коррекцию своей политики. Несмотря на то, что в деловой элите мнения по поводу такого упорства монетарных властей разделились, руководство центрального банка сочло произошедшее снижение курса недостаточным аргументом для изменения ключевых ставок. Столь же недостаточным аргументом оно сочло и оживление в 2022 г. роста потребительских и оптовых цен: повышение темпов потребительской инфляции до 2–3% (в годовом исчислении) рассматривается им как следствие действия немонетарных факторов, в первую очередь повышения цен на сырье на мировых рынках и разрыва логистических и производственных цепочек в результате роста геополитических напряжений¹⁰. Кроме того, эта инфляция, как отмечают многие эксперты, в существующих в Японии условиях гасится высокой эластичностью спроса домохозяйств, гибко реагирующим на повышение цен сокращением потребления¹¹. Соответственно, повышение процентных ставок в этих условиях видится Банку Японии как минимум бесполезным с точки зрения предотвращения усиления инфляции, которая к тому же в 2022 г. демонстрировала гораздо более низкие значения, чем в США или еврозоне.

Сохраняется и *в целом позитивное отношение к ослаблению иены*, характерное для экономических идеологов предыдущего премьера, особенно на первом этапе формулирования принципов «абэномики». Несмотря на то, что Х. Курода, а также представители Министерства финансов публично говорили о вероятных отрицательных последствиях столь резкого, как это было летом и осенью 2022 г., удешевления национальной валюты, в первую очередь негативного воздействия в плане предсказуемости деловой среды¹², в целом особенного беспокойства оно не вызвало.

Заявления официальных лиц свидетельствовали скорее о том, что поводом для беспокойства должен быть резкий характер движения курса, скорость происходящих изменений. А сам процесс удешевления национальной валюты, особенно в свете дефицита торгового баланса, возникшего в результате удорожания импортного сырья, с точки зрения перспектив экономического роста рассматривался как скорее положительное, нежели отрицательное явление. И несмотря на то, что правительство в лице министра финансов С. Судзуки обещало «принять необходимые меры» в случае неконтролируемого дальнейшего движения курса иены¹³, никаких попыток скорректировать его повышением ставок на

⁹ В Японии – это процентные ставки по необязательной части депозитов коммерческих банков в центральном банке, оказывающие определяющее воздействие на ставки краткосрочного денежного рынка, и поддерживаемый операциями Банка Японии целевой уровень доходности долгосрочных государственных облигаций, торгуемых на вторичном рынке. В течение всего 2022 г. глава Банка Японии неоднократно подтверждал намерение сохранять эти показатели на уровне, соответственно, минус 0,1% и 0% (для десятилетних облигаций).

¹⁰ На повышенную роль немонетарных факторов в нынешнем глобальном подъеме инфляции указывают многие авторитетные экономисты, например К. Рогов [Rogoff 2022].

¹¹ How ‘transitory’ is Japanese inflation?

¹² См., например, его высказывания по этому поводу на заседании бюджетного комитета верхней палаты парламента 19 октября 2022 г. (Nichigin Kuroda Sousai: Enyasu «Kyuusoku katsu Itpouteki Waga Kuni Keizai ni Mainasu» [BOJ Governor Kuroda: Yen Depreciation “Rapid and One-sided. Negative to Our Economy” // NHK – kabuka kawase. <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20221019/k10013863601000.html> (дата обращения: 06.12.2022).

¹³ The Japan Times. 06.09.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/06/business/economy-business/yen-dollar-141-level/> (дата обращения: 06.12.2022).

внутреннем денежном рынке центральным банком предпринято не было. Тем более что тот же Х. Курода неоднократно публично подчеркивал, что не считает разницу в процентных ставках единственной причиной снижения курса иены. Что же касается попыток проводить интервенции на валютном рынке¹⁴, то они в большей степени отражали стремление сгладить краткосрочные всплески продаж национальной валюты (или, говоря официальным языком, «убрать чрезмерную волатильность»), чем расчет на перемену среднесрочного тренда.

Еще одним важным моментом преемственности экономической политики нового премьера является фактическое *принятие в качестве нормы хронической дефицитности государственного бюджета* и, соответственно, дальнейшее увеличение размеров государственного долга. Если в самом начале «эпохи С. Абэ», то есть в 2013–2014 гг., правительство еще ставило в качестве среднесрочной цели сбалансирование текущих расходов и доходов правительства с выходом на бездефицитность «первичного бюджета» (то есть баланса бюджетных доходов и расходов без учета затрат на обслуживание госдолга), то довольно скоро эта задача была отодвинута во времени, а затем и вовсе выпала из числа правительственных приоритетов. Помимо растущих социальных расходов, что в немалой степени связано с неостановимым процессом увеличения доли старших возрастных групп в структуре населения, попытки стимулировать экономический рост с помощью бюджетных расходов с неизбежностью вели к масштабному дефициту бюджета, покрываемому выпуском все новых объемов государственных долговых обязательств, аккумулируемых Банком Японии.

С приходом нового премьера ситуация в этом отношении не поменялась: в центре внимания остаётся не проблема «оздоровления» государственных финансов, а вопросы поддержки хозяйственной деятельности бюджетными рычагами – «стимулирующими пакетами» мер государственной помощи бизнесу. Фактически все меры поддержки экономики, о которых велась речь в 2022 г., как минимум, сопровождалась обещаниями направить в нее дополнительные средства в рамках бюджетов текущего и последующих финансовых периодов, а часто и сводились к таким обещаниям. Вопрос о последствиях роста государственных расходов в рамках программ поддержки различных сегментов производства и потребления по-прежнему рассматривается как вторичный, а дальнейший рост объема государственного долга – как допустимый.

Дополнительный импульс наращиванию государственного долга придало окончательно сформировавшееся в течение 2022 г. намерение существенно увеличить военные расходы, в том числе с помощью дополнительного выпуска гособлигаций, предназначенного специально для обеспечения финансирования оборонного бюджета¹⁵. Несмотря на то, что в соответствующих комиссиях на партийном уровне планируется провести обсуждение возможных вариантов повышения прямых налогов на доходы корпораций и физических лиц, консолидированного мнения по этому поводу, как сообщается, пока нет, и быстрых изменений в этом направлении ожидать не стоит.

Третий существенный момент преемственности экономического курса кабинетов нового премьера – это приоритет **интересов бизнеса** при принятии важных решений в фискальной сфере. При определении мер поддержки экономики налоги на крупный бизнес по-прежнему

¹⁴ О таких интервенциях сообщалось, в частности, в конце сентября 2022 г. Министерство финансов позднее отчиталось, что направило на сентябрьские интервенции более 2,8 трлн иен (19,8 млрд долл. США) См.: The Japan Times, 30.09.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/30/business/financial-markets/japan-forex-intervention-total/> (дата обращения: 06.12.2022).

¹⁵ Отличие этих выпусков облигаций от стандартных заключается в том, что источники средств для их погашения фиксируются заранее: таковыми, в частности, могут быть назначены поступления от повышения акцизов на табачные изделия и/или отмены ряда льгот при налогообложении прибыли корпораций. Детали эмиссии такого рода облигаций и механизма их погашения еще предстоит определить. (Japan floats issuance of government bonds and higher taxes to cover defense costs // The Japan Times, 30.09.2022 <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/17/national/politics-diplomacy/japanese-defense-budget-bonds-taxes/> (дата обращения: 06.12.2022)).

в большей степени рассматриваются преимущественно как объект возможных послаблений, а не как источник дополнительных поступлений для стимулирующих расходов. Вопреки духу левых концепций, видящих в крупном транснациональном бизнесе скорее угрозу, нежели двигатель развития, основные моменты принятых уже при новом премьер-министре (в ноябре 2021 г., апреле и октябре 2022 г.¹⁶) пакетов стимулирующих расходов на сумму 55,7 трлн иен, 6,2 трлн иен и 39 трлн иен¹⁷ соответственно, свидетельствовали скорее о намерении поддержать частный бизнес в целом, чем о попытке усилить регулирование крупного бизнеса в интересах государства и общества.

Первый из этих пакетов носил комплексный характер и ставил задачей обеспечить восстановление и рост хозяйственной активности после шокового периода, связанного с пандемией коронавируса. Второй был призван помочь нейтрализовать последствия резкого роста цен на энергоносители, прежде всего на нефть, и другие ключевые товарные позиции. Оба содержали обязательства по поддержке мелкого и среднего бизнеса, пострадавшего в результате снижения спроса на фоне эпидемии коронавируса, в форме льготных (беззалоговых беспроцентных) кредитов и гарантий государственных финансовых учреждений, а также субсидий, призванных частично компенсировать недополученный доход либо, как это предусматривал второй пакет мер, рост затрат на приобретение топлива. При этом большая часть программ помощи были ограничены как по срокам (как правило, несколькими месяцами), так и по суммам помощи, доступной пострадавшим предприятиям.

Третий пакет, принятый в октябре 2022 г., носит наиболее комплексный характер и предусматривает выделение существенных средств для компенсации роста затрат на обеспечение электроэнергией и топливом домохозяйств и определенных категорий предприятий; организационное, информационное и инфраструктурное содействие бизнесу, обеспечивающему активное использование локальных (местных) ресурсов; содействие бизнесу, осуществляющему инвестиции в человеческие, интеллектуальные и инновационные активы, в том числе в форме стартапов; содействие бизнесу, развивающему и использующему цифровые и «зеленые» технологии.

Наконец, еще одним элементом преемственности можно считать линию на **поощрение финансовых инвестиций субъектов экономики**, в том числе домохозяйств, которые в Японии отличаются в среднем достаточно высокой склонностью к сбережению, причем последняя повышается по мере роста доли старших возрастных групп в структуре населения. В целях привлечения этих средств на фондовый рынок с 2014 г. в рамках упомянутой выше системы индивидуальных сберегательно-инвестиционных счетов (Nippon Individual Savings Account, NISA) используется несколько схем, позволяющих освободить от налогообложения доход физических лиц, полученный от вложения в инструменты фондового рынка (в пределах

¹⁶ Тексты соответствующих документов, утвержденных решением правительства 19.11.2021 г., 26.04.2022 г. и 28.10.2022 г., размещены на сайте канцелярии премьер-министра. См.: Korona Kokufuku Shinjidai Kaitaku no tame no Keizai Taisaku (Reiwa 3nen 11gatsu 19nichi) [Economic Policy Measures to Overcome Corona and Open New Era (19 November, 2021)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022); Koronaka ni okeru «Genyu Kakaku Butka Koutou nado Sougou Kinkyuu Taisaku» (Reiwa 4nen 4gatsu 26nichi) [Comprehensive Set of Emergent Policy Measures Related to Oil and Overall Price Hikes against Coronavirus Background (26 April, 2022)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022); Butkadaka Kokufuku Keizai Saisei Jitsugen no tame no Sougou Keizai Taisaku (Reiwa 4nen 10gatsu 28nichi) [Comprehensive Set of Policy Measures to Overcome Price Hikes and Rebuild Economy (28 October 2022)]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/keizaitaisaku.html> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁷ Следует оговориться, что часть мер, включенных в стоимость «пакетов», является частью уже принятых бюджетных планов. Так, из общей стоимости мер экономического стимулирования, предусмотренных октябрьским пакетом, часть, требующая принятия решений о дополнительном бюджетном финансировании, оценивается в 29,1 трлн иен (Iwamoto, K., Take, S. Japan unveils \$200bn package to combat highest inflation in decades // Nikkei Asia. 28.10.2022 <https://asia.nikkei.com/Economy/Inflation/Japan-unveils-200bn-package-to-combat-highest-inflation-in-decade>

определенных сумм)¹⁸. Ф. Кисида неоднократно выражал намерение придать этой системе постоянный характер, учитывая, что лишь 10% суммарных личных сбережений, составляющих в совокупности более 2 квадрилл иен, инвестированы в торгуемые финансовые активы. Правительственный план, представленный им в ноябре 2022 г., предусматривает, помимо постоянного статуса для этой программы, расширение временных и стоимостных порогов для применяемых льгот. И хотя сам премьер увязывает это намерение со своей концепцией «нового капитализма» с широким слоем собственников в составе «среднего класса», фактически речь идет о развитии фондовых рынков, в первую очередь в интересах его операторов и крупных агентов, которые и ранее пользовались большим вниманием профильных комитетов и советов при руководстве правящей коалиции. Безусловно, выиграют от этого и крупные корпорации, являющиеся масштабными эмитентами фондовых инструментов. Этим корпорациям и в предшествующее десятилетие удалось заметно увеличить свою капитализацию и облегчить условия привлечения финансовых ресурсов не в последнюю очередь благодаря мягкой политике Банка Японии.

Таким образом, несмотря на предположения ряда экспертов, что Ф. Кисида будет постепенно демонтировать систему монетарных и бюджетных стимулов для бизнеса, составлявших основу «абэномики», пока никаких признаков движения в этом направлении не наблюдается. Напротив, доминирующими чертами экономической политики первого года премьерства Ф. Кисиды, если судить о ней не по лозунгам, а по практическим действиям, являются подчеркнутая преемственность и осторожность; стремление довести до завершения те комплексы мер, которые были спланированы и запущены в бюрократическую машину в предшествующие годы.

В этой связи интересным представляется вопрос о том, как видится кабинету министров, и в первую очередь его профильному блоку, экономика Японии и возможности воздействия на нее на перспективу ближайших нескольких лет.

Задачи экономической политики на среднесрочную перспективу: правительственное видение

Знакомство с официальными релизами, появившимися уже после смены лидера правящей партии, позволяет сделать вывод о том, что состояние экономики и его ожидаемая динамика в целом соответствуют оценкам, которые делались в начале и середине 2021 г. Главным фактором, определяющим изменение конъюнктуры, называется след, оставленный вспышкой коронавирусной инфекции и новые волны заболевания, которые уже не сопровождаются локдаунами, но, тем не менее, сказываются как на потребительской активности, так и на функционировании производственных цепочек. Негативным следствием является существенное снижение потребления и частных инвестиций; падение объемов хозяйственной активности в 2020–2021 гг.; отрицательная динамика потребительских цен; дополнительное напряжение состояния государственных финансов.

Все это, по мнению правительственных экономистов, требует активной политики стимулирования отложенного частного спроса, дополнительных государственных расходов на поддержку хозяйственной активности, а также моральной поддержки населения и бизнеса, ищущих возможности «сосуществования с ковидом». Главным двигателем и гарантом «устойчивого роста» должно стать именно оживление частного спроса – как потребительского, так и инвестиционного. Что же касается интенсификации перераспределения доходов в русле

¹⁸ Подробное описание этих схем представлено на сайте Управления финансовых услуг (*киньютё*): <https://www.fsa.go.jp/policy/nisa2/about/index.html> (дата обращения: 06.12.2022).

парадигмы «нового капитализма», то она рассматривается скорее как возможность, создаваемая устойчивым ростом, нежели как движущая сила или причина последнего¹⁹. При этом, правда, в концептуальном плане экономический рост и распределение его результатов рассматриваются как взаимодополняющие и взаимно стимулирующие элементы: «новый рост возможен только в результате [правильного] распределения плодов предшествующего роста»²⁰.

Инструментами оживления частного спроса, как и в годы «абэномики», неизменно называются преодоление дефляции и «стимулирующие» бюджетные ассигнования. В числе последних особо выделяются расходы на реализацию программ, содействующих закупкам высокотехнологичных товаров и услуг в рамках концепций «научно-технологической державы», «экономической безопасности» и широкого распространения цифровых платформ в соответствии с рекомендациями специальной правительственной комиссии по цифровизации²¹.

На стороне предложения речь ведется, главным образом, о двух направлениях: 1) мерах по повышению обеспеченности экономики трудовыми ресурсами в количественном и качественном измерении, и 2) поддержке производственной и инновационной активности на критически важных, по мнению правительственных экономистов, направлениях. В качестве последних называются производство полупроводниковых элементов; накопителей электрической энергии; разработка и внедрение технологий с использованием искусственного интеллекта. Для названных направлений предлагается использовать как прямое субсидирование, так и механизмы государственно-частного партнерства. Что же касается повышения обеспеченности трудовыми ресурсами, то внимание обращается главным образом на использование более гибких форм занятости, включая удаленную работу и институционализацию фриланса, и улучшение профессиональной мобильности рабочей силы. При этом последнее должна достигаться посредством государственного финансирования программ профессионального переобучения для облегчения межфирменной и межотраслевой миграции рабочей силы.

Что же касается мер по совершенствованию перераспределительных отношений, то в качестве приоритетных направлений называются: уже упоминавшееся давление в пользу повышения оплаты труда в частном секторе и соответствующее ему увеличение зарплат в общественном секторе; ускоренное повышение оплаты труда работников социальной сферы и младшего медицинского персонала; увеличение социальных выплат при наличии в семье лиц, нуждающихся в уходе и т. п. По сути, на первый план выводятся меры, результатом которых должно стать, помимо ослабления ряда дисбалансов и напряжений, стимулирование потребления и большей активности экономически проблемных групп населения.

Кроме того, постулируется средне- и долгосрочный подход к решению основных задач в сфере ресурсообеспечения, инфраструктурного строительства, экономической безопасности, снижения нагрузки на окружающую среду и др., при котором бюджетное финансирование соответствующих программ («пакетов мер») планируется сразу на несколько лет вперед.

---

¹⁹ В документе, постулировавшем основные положения экономической политики на 2022 фин.г., этот тезис формулируется следующим образом. «Правительство ставит своей задачей создать прочную основу для экономики и оздоровления государственных финансов. На этой основе кабинет Кисида будет стремиться реализовать новую форму капитализма, в основе которой лежат концепции «благоприятного взаимного влияния экономического роста и распределения его благ» и формирования «нового «постковидного» общества» (Reiwa 4nendo no Keizai Mitoushi to Keizai Seisaku Unei no Kihonteki Taido [FY2022 Prospects for the Economy and Basic Stance on Management of Economic Policy]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2021/r031223mitoshi.pdf>) (дата обращения: 06.12.2022).

²⁰ Reiwa 4nendo no Keizai Mitoushi to Keizai Seisaku Unei no Kihonteki Taido [FY2022 Prospects for the Economy and Basic Stance on Management of Economic Policy]. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2021/r031223mitoshi.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

²¹ Учреждена распоряжением премьер-министра в октябре 2021 г. в качестве специального административного совещательного органа на временной основе (дидзитару риндзи гёсэй гёсакай). См. <https://digital-gov.note.jp/n/nc2e6281812b8> (дата обращения: 06.12.2022).

Последние изменения и возможная эволюция экономической политики

К концу 2022 г. в общих условиях функционирования японской экономики, в первую очередь в воздействующих на нее внешних факторах, произошли очень крупные изменения.

Во-первых, это резкий рост цен на энергоносители в первой половине года и вызванная целым рядом причин общая дестабилизация многих сырьевых и продовольственных рынков, триггером которой стал острый кризис в отношениях между Россией и коллективным Западом. Рост негативных ожиданий относительно будущего развития событий придал этой дестабилизации дополнительную остроту, а влияние его на японскую экономику, поначалу совершенно не критичное, постепенно стало осознаваться в качестве долгосрочного фактора. Это сильно повысило в глазах политической и деловой элиты значимость национальной энергетической политики во всех ее аспектах – от стабильности источников импорта энергоносителей до роли ядерной энергетики в будущей структуре энергетического баланса Японии. Обсуждение этих вопросов и принятие практических решений – от решений о перезапуске ранее остановленных реакторов на АЭС до вопроса о сохранении роли японских компаний в реализации проекта «Сахалин-2» – стали важной составной частью политической повестки для японского правительства.

Во-вторых, стало очевидным, что экономики США и ЕС, которые для японской экономики являются если и не главной, то критически важной частью внешней среды, оказались поражены вспышкой инфляции, достигшей величин, опасных для благополучия и роста. Неизбежные в этих условиях антиинфляционные меры в этих странах, в первую очередь ужесточение ими денежно-кредитной политики, поставили власти в Японии в сложное положение. С одной стороны, подстраивание под тренд приоритетности борьбы с инфляцией угрожает на несколько лет закрепить в японской экономике паттерны стагнации, с которыми правительство боролось все последние годы, так и не одержав убедительной победы. С другой – верность ориентирам, определенным еще первым кабинетом С. Абэ в 2013–2014 гг., в новых глобальных условиях начинает порождать риски и проблемы, приобретающие все более угрожающий характер. В частности, уже в 2023 г. ожидается резкий рост тарифов на электроэнергию для бизнеса и населения, даже если не произойдет новой дестабилизации глобальных энергетических рынков и логистических цепочек. Глубокое падение курса иены, в той или иной степени связанное, как было сказано выше, с сохранением мягкой кредитно-денежной политики, неизбежно приводит к удорожанию сырья и других компонентов промышленных издержек на внутреннем рынке, которое производители будут в возрастающей степени перекладывать на потребителей. Очевидно, нет никаких гарантий, что это не приведет к очередной волне падения спроса, который Банк Японии своей нынешней политикой пытается всячески поддержать.

Одновременно антиинфляционные меры, предпринятые нынешней американской администрацией, включают в себя не только меры по защите потребителей, но и субсидирование и льготное кредитование производителей в ряде областей – в альтернативной энергетике, производстве инновационных видов моторного топлива, электромобилей и др., как это предусматривает, например, принятый в августе 2022 г. Закон США о снижении инфляции (US Inflation Reduction Act, сокр. IRA). Эти меры, создающие для американских производителей дополнительные конкурентные преимущества на ряде перспективных направлений, порождают озабоченность не только европейских, но и японских компаний, проявляющих активность в соответствующих сферах.

В-третьих, на все вышеописанное накладываются опасения масштабной глобальной рецессии, вероятность которой повышается продолжающейся дестабилизацией производственных и логистических цепочек в условиях роста геополитических рисков сразу в нескольких регионах мира. Несмотря на то, что в официальных публикациях и выступлениях

членов кабинета эти опасения формулируются достаточно осторожно, в своей программной речи на открытии сессии японского парламента в октябре 2022 г. Ф. Кисида назвал их в числе главных рисков для экономики страны. В случае реализации этого сценария его последствия для японской экономики, очевидно, будут весьма серьезными, учитывая высокую степень ее интернационализации и зависимости от зарубежных рынков.

В этих условиях в расстановке акцентов экономической политики правительства произошла некоторая корректировка. При всей условности иерархии приоритетов нельзя не отметить заметное повышение в ней места *политики доходов* – точнее, мер для обеспечения роста доходов населения как главной движущей силы желаемого подъема конъюнктуры. В упомянутой выше октябрьской программной речи перед парламентом в дополнение к традиционному нарративу повышения зарплат была сформулирована задача обеспечения «структурного повышения оплаты труда» (*кодзётэкина тинъагэ*) за счет повышения квалификации последнего. К этой задаче были привязаны правительственные программы финансирования переобучения, на которые обещано направить 1 трлн иен в ближайшие 5 лет. Премьер выразил надежду на запуск самоподдерживающегося процесса взаимосвязанного повышения стоимости труда и его качества через «инвестиции в человека».

Более существенным моментом в этом плане является заявленное намерение содействовать эволюции системы оплаты труда в частном секторе в сторону ее ориентации на содержание и качество выполняемых обязанностей в противовес привязке к стажу работы в компании. Теоретически это должно способствовать заинтересованности работников в дополнительном обучении и повышении качества и ценности своего труда. Впрочем, это положение и раньше встречалось в официальных программах, и не вполне понятно, насколько серьезными будут попытки правительства навязать частному бизнесу желаемые изменения.

Относительно новым моментом является также обещание противодействовать попыткам крупного бизнеса саботировать пересмотр контрактных цен на продукцию мелких и средних поставщиков услуг и комплектующих в соответствии с ростом фактических издержек. В подобного рода давлении крупного бизнеса на зависимых от него субподрядчиков и партнеров, что в значительной степени перекладывает на последних бремя общего роста издержек, правительство видит серьезное препятствие для адекватного роста доходов в секторе мелких и средних предприятий.

В логику приоритета повышения доходов укладывается и обязательство премьера «защитить» наиболее слабые сегменты домохозяйств и бизнеса от отрицательного эффекта роста затрат на энергию посредством разрабатываемых кабинетом схем субсидирования соответствующих затрат – схем, которые были анонсированы им как «решительные» и «беспрецедентные».

Другим важным моментом, в котором можно усмотреть влияние изменения экономических условий в 2022 г., является *новое понимание поощрения «инвестиций для роста»* как одного из приоритетных направлений экономической стратегии правительства. При сохранении всех ранее сформулированных положений о поощрении инвестиций для инноваций и продвижения «трансформаций» экономики («цифровая трансформация», «зеленая трансформация») в списке приоритетов таких инвестиций значительно возросла роль, отводимая стабильному обеспечению энергией (включая, чего не было ранее, новые технологии в атомной энергетике), и экономической безопасности как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных функционалов. В рамках последней повышена приоритетность разработок и инвестиций, направленных на ослабление зависимости от импорта критически важных производственных компонентов, в первую очередь полупроводников. Кроме того, на первый план выдвинулись проблемы кибербезопасности, использования чувствительных данных, охраны объектов интеллектуальной собственности и защиты интересов их правообладателей. В качестве же инструментов стимулирования инвестиций, призванных решать эти задачи, по-прежнему

называются налоговые льготы, регулятивные послабления и особые режимы, грантовые программы для финансирования исследований и стартапов; государственные закупки инновационных услуг.

Наконец, последним новым моментом, который можно отметить в связи с этим, является **окончательное выпадение из официальной экономической повестки темы «оздоровления» государственных финансов**. Вместо этого в публичных выступлениях премьера, в которых он обрисовывает основные моменты будущей экономической политики, заметное место занимает тема интенсификации государственных инвестиций (*кан-но тōси*), призванных повлечь за собой увеличение частных инвестиционных расходов. При этом вопрос об источниках финансирования ожидаемого увеличения государственных расходов подается как предмет будущего рассмотрения, допускающего различные сценарии, в том числе увеличение долгового финансирования. В условиях, когда главным финансовым институтом, аккумулирующим государственные долговые обязательства, является Банк Японии, задача сокращения совокупного госдолга, судя по всему, не рассматривается как актуальная на обозримую перспективу.

REFERENCES

- Hoshi, T., Lipsy, Ph. (Eds). (2021). *The Political Economy of the Abe Government and Abenomics Reforms*. Cambridge University Press.
- Rogoff, K.S. (2022). The Age of Inflation. Easy Money, Hard Choices. *Foreign Affairs*, 120–133.
- Satoh, H. (2022). Middle or Muddle: Whither Post-Abe Japan? *East Asian Policy*, 14(01), 71–84.

Поступила в редакцию: 18.12.2022

Received: 18 December 2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-94-110

**«Полное собрание мировой литературы»
(«Сэкай бунгаку дзэнсю», 1927–1932)
издательства «Синтёся»
в контексте истории японской книги**

М.В. Торопыгина

Аннотация. Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. в истории японского книгопечатания часто называют «эрой одноиеновых книг». Одноиеновые книги (эмпон, 円本) – это серийные подписные издания, которые продавались по одной иене за том. Первым таким изданием была серия «Полное собрание современной японской литературы» («Киндай нихон бунгаку дзэнсю»), выпуск которой издательство «Кайдзося» начало в 1926 г.

Серия имела большой успех, набрала не менее 250 тыс. подписчиков и вызвала «гонку одноиеновых изданий»: многие издательства начали выпускать свои одноиеновые серии уже в следующем, 1927 г. Наиболее коммерчески успешным, вышедшим самым большим тиражом (не менее 400 тыс. экземпляров) было «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю») издательства «Синтёся», изданное в 1927–1932 гг. «Полное собрание мировой литературы» состоит из 57 томов в двух частях (38 томов первой части были изданы в 1927–1930 гг., затем были выпущены еще 19 томов, составивших вторую часть). Книги серии выпускались в твердой обложке, имели продуманный дизайн и должны были служить не только для чтения, но также предназначались стать украшением дома и демонстрацией статуса владельца.

Серия «Полное собрание мировой литературы» представляет собой один из возможных канонов «мировой литературы». Временные рамки представленных произведений – с XIV в. (в первый том включена «Божественная комедия» Данте) по настоящее время (в последнем томе шесть произведений, пять из них написаны в 1920-х гг., том выпущен в 1929 г.). Серия включает прозу, драматургию, и, в меньшем объеме, поэзию. Тома серии имеют достаточно обширный справочный аппарат (предисловия, в некоторых томах – комментарии, портреты авторов, вложения-гэппо). «Мировая литература» представлена в издании как литература западная.

Переводы произведений западной литературы сыграли большую роль в формировании национальной японской литературы. Успех данной серии продемонстрировал также и большой читательский интерес к переводной литературе, особенно к переводам современной литературы.

Ключевые слова: книгоиздание, одноиеновая книга, мировая литература, полное собрание, издательство «Кайдзося», издательство «Синтёся», «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю»).

Автор: Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12); профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Торопыгина М.В. «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю», 1927–1932) издательства «Синтёся» в контексте истории японской книги // Японские исследования. 2023. № 1. С. 94–110. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-94-110

The Complete Works of World Literature (*Sekai Bungaku Zenshū*, 1927–1932) by Shinchōsha publishing house in the context of the history of Japanese book

M.V. Toropygina

Abstract. The last years of the 1920s and the beginning of the 1930s are known as the “era of one-yen books” in the history of Japanese book printing. One-yen books were serial subscription publications, with the price of one yen per volume. The first such publication was the *Complete Works of Contemporary Japanese Literature (Kindai Nihon Bungaku Zenshū)*, launched by Kaizōsha publishing house in 1926. The series was very successful with at least 250,000 subscribers. The “one-yen editions race” was initiated: many publishing houses began releasing their own one-yen series as early as the following year. The most commercially successful among the one-yen books (at least 400,000 copies) was the *Complete Works of World Literature (Sekai bungaku zenshū)* published by the Shinchōsha publishing house in 1927–1932.

The *Complete Works of World Literature* consists of 57 volumes in two parts (38 volumes of the first part were published in 1927–1930, and then more 19 volumes were added, composing the second part of the publication). The books of the series had a hard cover and a thought-out design and were supposed to serve not only for reading, but also for the decoration of the house and the demonstration of the owner’s status.

The series represents one of the possible canons of *world literature*. The time frame of the presented works is from the 14th century (the first volume is Dante’s *Divine comedy*) to the present (the last volume contains six works, five of them written in the 1920s, while the volume was released in 1929). The series includes prose, drama, and, to a lesser extent, poetry. The volumes of the series have a fairly extensive apparatus (prefaces, comments in some volumes, portraits of authors, monthly attachments tucked into the pages of the volumes). *World literature* is presented as Western literature. Translations of the works of Western literature played an important role in the formation of national Japanese literature. The success of this series also demonstrated the readers’ great interest in literary translations, especially in the translations of modern literature.

Keywords. Book publishing, one-yen book, world literature, complete works, Kaizōsha publishing house, Shinchōsha publishing house, *Complete Works of World Literature (Sekai bungaku zenshū)*

Author: Toropygina Maria V. PhD of Sciences (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS (Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Str., 12); Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National research university “Higher school of economics” (HSE University) (address: Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4). ORCID: 0000-0003-3214-5610; E-mail: mtoropygina@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Toropygina, M.V. (2023). Polnoe sobranie mirovoi literatury» («Sekai bungaku dzensyu», 1927–1932) izdatel’stva «Sintesya» v kontekste istorii yaponskoi knigi [The *Complete Works of World Literature (Sekai Bungaku Zenshū*, 1927–1932) by Shinchōsha publishing house in the context of the history of Japanese book]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 1, 94–110. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-94-110

Введение

Особенностью японского книгоиздания является большая концентрация издательств в одном месте – в столице, городе Токио. Такое положение имеет исторические корни: во вторую половину периода Токугава, когда город Эдо, где находилась ставка сёгуна, вырос и приобрел значение главного города страны, сюда переместился и центр книжного дела, которым раньше был район Киото – Осака (Кинки). С приходом периода Мэйдзи положение не изменилось, именно Токио стал столицей нового мэйдзийского книгоиздания. Великое землетрясение в Канто 1923 г. оказалось настоящей трагедией для отрасли, почти все издательства понесли ущерб, были разрушены офисы и склады, полиграфическая база, погибли уже напечатанные книги. После землетрясения казалось, что токийскому книгоизданию пришел конец, что справиться с потерями не удастся.

Одним из основных книгоиздательских проектов, который не только спас токийское книгоиздание, но стал одним из самых успешных в японском книгопечатании XX в., был выпуск серий «одноиеновых» книг (серийные издания, в которых каждый том стоил одну иену). Такие издания выходили во второй половине 1920-х – самом начале 1930-х гг.

Наиболее коммерчески успешной, вышедшей самым большим тиражом серией было «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю» 世界文学全集) издательства «Синтёся», изданное в 1927–1932 гг.

Задачей данной публикации является анализ серии «Полное собрание мировой литературы», рассматриваются: состав серии; дизайн томов; справочный аппарат; сведения, вынесенные на титульный лист; вложенные материалы. На основе полученных данных обсуждается понимание термина «мировая литература», а также роль переводной литературы в структуре читательских приоритетов и важность фигуры переводчика.

Эпоха одноиеновых книг

Зачинателем выпуска одноиеновых книг было издательство «Кайдзося», оно значительно пострадало от землетрясения 1923 г. и оказалось на грани банкротства. Существует несколько версий того, как возник план выпуска одноиеновых книг. Считается, что идея издания основывалась на нескольких предложениях, которые разные люди высказывали владельцу издательства Ямамото Санэхико (1885–1952). Политические активисты считали, что издательство должно выпускать дешевые книги, которые будут покупать представители широких народных масс; писатель Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965) говорил о возможности выпустить несколько своих книг по цене в одну иену, чтобы помочь издательству выйти из тяжелого положения; один из ведущих литературных критиков, писатель, переводчик, далее активно участвовавший в выпуске серии, Кимура Ки (1894–1979) хотел сделать серию, подобную американской Harvard Classics¹. Использование фиксированной цены в одну иену не было коммерческим новшеством, в выборе этой цены можно было ориентироваться на «одноиеновые такси» (*энтаку*), появившиеся в 1924 г. в Осака, через два года в Токио, а потом распространившиеся по всей стране. Безусловно, для успешной реализации проекта было

¹ Harvard Classics – «Гарвардская классика» – американская серия книг, известная также под наименованием «Пятифутовая книжная полка доктора Элиота». Идея серии связана с возможностью получения гуманитарного образования с помощью чтения. Серия состоит из 50 томов, в нее вошли классические произведения мировой литературы, исторические документы, важные речи и т. д. Она была составлена и отредактирована президентом Гарвардского университета Чарльзом У. Элиотом, выпущена в 1909–1910 гг. Это издание часто упоминается в связи с японскими «одноиеновыми» книгами, однако на составление японских серий оно имело скорее «идейное», а не прямое влияние. Подробно см. [Akikusa 2014].

мало одного желания, должны были существовать соответствующие условия: достаточная полиграфическая база; «книжный голод», заставляющий читателей покупать издания; готовность авторов и переводчиков к большим проектам.

Серия, которую начало выпускать издательство «Кайдзося», называлось «Полное собрание современной японской литературы» («Киндай нихон бунгаку дзэнсю»), ее выпуск начался в 1926 г. и продолжался до 1931 г.). Это было подписное издание: читатель должен был купить подписку, т. е. серию полностью, отдельно тома не продавались. Подписка на серию «Кайдзося» стоила одну иену (это была плата за последний том серии, если читатель отказывался от серии, эта иена не возвращалась). Можно было заплатить всю сумму сразу или платить за каждый том (большинство подписчиков делало именно так). Цена книги в одну иену (для книги в твердом переплете в несколько сот страниц) была гораздо меньше обычной, которая составляла в среднем 2–2,5 иены. Для привлечения подписчиков издательство «Кайдзося» провело очень широкую рекламную кампанию. Одно из важнейших положений, которое нужно было доказать потенциальным читателям, состояло не только в необходимости прочесть книги, но в обязательности иметь их в своей домашней библиотеке. Серия не была просто изданием текстов, но украшением дома, обозначением статуса владельцев. Эта первая одноиеновая серия имела грандиозный успех, который стал понятен еще до начала выпуска, подписок было куплено очень много, не меньше 250 тыс. (тираж одноиеновых изданий трудно поддается анализу, поэтому в разных научных и справочных изданиях можно встретить значительно отличающиеся друг от друга цифры). Это при том, что обычное издание произведений художественной литературы, даже самых именитых авторов не превышало 1–2 тыс. экземпляров (для первого издания), а столь большие тиражи имели только газеты и журналы. Невиданный успех первой одноиеновой серии стимулировал другие издательства включиться в гонку выпуска одноиеновых книг, и уже со следующего, 1927 г., многие издательства начали выпуск своих серий. Исследователи пишут о более чем 200 выпущенных одноиеновых сериях.

По тематике одноиеновые издания были разными. Среди них есть, например, «Полное собрание современного права» («Гэндай хогаку дзэнсю», издательство «Нихон хёронся»); «Полное собрание современных экономических трудов» («Гэндай кэйдзайгаку дзэнсю», издательство «Нихон хёронся»); «Полное собрание экономических трудов» («Кэйдзайгаку дзэнсю», издательство «Кайдзося»); «Большая серия японской географии» («Нихон тири тайкэй», издательство «Кайдзося»); «Полное собрание Маркса и Энгельса» («Марукусу, Энгэрусу дзэнсю», издательство «Кайдзося»); «Полное собрание великих мировых идей» («Сэкай дайсисо дзэнсю», издательство «Сюндзюся»). Издательство «Хэйбонся» издало серию «Полное собрание мирового изобразительного искусства» («Сэкай бидзюцу дзэнсю»). Немало собраний было адресовано детям. Особенно много было издано литературных серий и «полных собраний сочинений» отдельных авторов. Вслед за «Собранием современной японской литературы» последовали «Полное собрание литературы эпох Мэйдзи и Тайсё» («Мэйдзи, Тайсё бунгаку дзэнсю», издательство «Сюньёдо»); «Полное собрание популярной современной литературы» («Гэндай тайсю бунгаку дзэнсю», издательство «Хэйбонся»); «Большая серия японских эссе» («Нихон дзуйхицу тайсэй», издательство «Ёсикава кобункан»), собрания Токутоми Рока (1868–1927), Исикава Такубоку (1886–1912), Кикиути Кан (1888–1948). Были и серии, посвященные иностранной литературе и искусству. «Полное собрание мировой литературы» (серия, о которой идет речь в этой статье); «Полное собрание современных пьес» («Киндайгэки дзэнсю», издательство «Дайитисёбо»); «Полное собрание мировой драматургии» («Сэкай гикёку дзэнсю», издательство «Киндайся»); «Полное собрание популярной мировой литературы» («Сэкай тайсю бунгаку дзэнсю», издательство «Кайдзося»).

Многие параметры, которые были присущи первой одноиеновой серии, «Полному собранию современной японской литературы», являются характерными для выпуска всех

одноиеновых изданий. Одноиеновые книги довольно быстро наполнили рынок, их выпуск в основном прекратился уже в начале 1930-х гг.

Читателям этот период запомнился как время открывшихся возможностей для чтения. Режиссер Куросава Акира (1910–1998) так вспоминает это время: «Что касается литературы, то примерно тогда произошел издательский бум под названием “Эпоха книг в одну иену”, и магазины наводнили собрания сочинений мировой и японской литературы. Более того, в букинистах на финальных распродажах эти томики можно было купить и за пятьдесят, и за тридцать сэн, так что даже я мог себе их свободно позволить. А поскольку я не учился, у меня было более чем достаточно времени, чтобы читать все подряд. Я запоем читал и иностранную, и японскую литературу, без разбора – классическую и современную. Читал и за столом, и лежа в постели, и прямо на ходу» (перевод Е. Ванеян и А. Помеловой) [Куросава 2020, с.127–128].

Издательство «Синтёся» вступило в одноиеновую гонку с серией «Полное собрание мировой литературы», тираж этой серии побил все мыслимые для этого времени рекорды – не менее 400 тыс. экземпляров (некоторые исследователи говорят о тираже в 500 тыс.).

Издательство «Синтёся»

Начало жизни основателя издательства «Синтёся» Сато Ёсисукэ (Гирё, 1878–1951) вполне типично для молодых людей его поколения. Увлекавшийся чтением и сам пробовавший писать (свои сочинения он посылал в журнал «Гакусэй хиссэндзё» – «Бранное поле студенческих кистей», выходивший в издательстве «Хакубункан») юноша в семнадцать лет отправился из родного города Какунодатэ в префектуре Акита в Токио. В Токио он устроился работать в полиграфическую компанию «Сюэйся», где через какое-то время получил работу корректора, продолжал писать и публиковать сочинения².

На опыте зная, как трудно пробиваться в литературный мир новым авторам, Сато решил сам выпускать журнал. Это был журнал «Синсэй» («Новые голоса»). Начало выпуска этого журнала и считается рождением издательства, это был 1896 год, а название издательства совпадало с названием журнала – «Синсэй». В 1904 г. на смену журналу «Синсэй» пришел журнал «Синтё» («Новое течение»), и издательство с этих пор называется «Синтёся». В это же время издательство начало выпускать книги. Издательство «Синтёся» выпускало (и выпускает) книги по многим областям знаний, однако особенно оно известно именно своими публикациями произведений художественной литературы, как японской, так и переводной. В 1914 г. издательство начало проект «Синтё бунко» («Библиотека Синтё») – выпуск книг небольшого формата (94 x 135 мм). Переводами были все 43 тома первой части этой серии. Открывалась серия переводами произведений Толстого, Гёте, Марко Поло, Достоевского, Ибсена и Тургенева. В 1920–1926 гг. издательство выпускало серию «Сэкай бунгэй дзэнсю» («Полное собрание сочинений мировой литературы») (32 тома).

Таким образом, у «Синтёся» был достаточный опыт выпуска переводной литературы, к тому же оно оказалось среди немногих издательств, которые практически не пострадали во время Великого землетрясения Канто. Это дало возможность Сато Гирё быстро начать выпуск своей одноиеновой серии.

² Беллетризованная биография Сато Гирё, более подробно рассказывающая обо всех этих событиях молодости издателя, была помещена в 1939 г. в книге «Люди, способствовавшие строительству новой Восточной Азии» («Синтоа кэнсэцу-о юдосуру хитобито») [Shintōa...1939].

«Полное собрание мировой литературы» как статусное издание (реклама и внешний вид книг)

Выход одноименных серий всегда сопровождался очень активными рекламными кампаниями, это был необходимый элемент в продвижении серий. «Чрезвычайный – и во многом иррациональный – успех эмпон стал возможен только благодаря эффектной упаковке литературы, сделанной руками издателей и рекламодателей, которые смогли вызвать у читателей желание не только читать, но и владеть книгами» [Kawana 2018, p.19]. Еще с периода Мэйдзи Япония пыталась занять место среди ведущих мировых держав. Для достижения этой цели японцы должны были овладеть мировым опытом в самых разных сферах, и литература отнюдь не была исключением. Реклама переводных серий подчеркивала, что знакомство с мировой литературой – не просто необходимость, но долг японцев; только через знакомство с этими книгами можно войти в большой мир, причем книги нужно не просто прочесть, но иметь их в своей личной библиотеке.

Реклама новой серии издательства «Синтёся» в токийской газете «Токё асахи симбун» от 29 января 1927 г. сравнивала переводную литературу с западной кухней.

«Мы все японцы, но вместе с тем мы – граждане мира. Только переводная литература является тем просветительским механизмом, который дает людям возможность реализовать свои права граждан мира. Раньше, в эпоху Мэйдзи, считалось, что переводная литература, как и западная кухня, трудны для усвоения, но сегодня, в эпоху Сёва, и западная еда, и перевод стали необходимой ежедневной диетой. Пусть есть люди, которые не знают Коё и Рохан, но даже среди детей не должно быть таких, кто не знал бы Жана Вольжана. И если, как в прошлом, эту важнейшую пищу продавать втридорога, это будет угрозой для жизни нации. Наше издательство выпускает собрание книг, где мы предлагаем 1300 переводных произведений по 1 иене. Объем и установленная цена примерно такие, как в английской серии Эвэримэн³. Однако, какой низкой ни была бы цена, если содержание плохое, то это обязательно приведет к несварению желудка по всей стране. Только лучшего качества продукция по самым низким ценам! Таков девиз этого книжного собрания» (цит. по [Satō 2014, p. 5–6]).

Реклама в той же газете от 15 февраля 1927 г. упоминает «кабинет», где должны стоять книги.

«Знакомство с мировой литературой — обязанность тех, кто утром садится в поезд, а вечером наслаждается радиопередачами. Стыдно иметь антенну на крыше и не иметь в кабинете “полного собрания”. Таким образом, успех “полного собрания” – это хороший барометр, который показывает культурный уровень японского народа» (цит. по [Kawana 2018, p. 38]).

Японский исследователь Акикуса Сюньитиро замечает, что реклама издательства «Синтёся» значительно отличалась от рекламы «Кайдзося». Если в «Кайдзося» особенно подчеркивалась дешевизна книг, то «Синтёся» в первую очередь рекламировало приобщение к мировым ценностям. Реклама, как вспоминал Сато Гирё, была вся сочинена им самим, он пытался дать установку на вестернизацию жизни и подтолкнуть читателей покупать именно переводную литературу (цит. по [Kawana 2018, p. 38]).

Серия «Полное собрание мировой литературы» задумывалась как состоящая из 38 томов. Они начали выходить в 1927 г., а завершился выпуск в 1930 г. Поскольку серия оказалась очень успешной, она была продолжена, были выпущены еще 19 томов, таким образом общий объем серии увеличился до 57 томов.

³ Имеется в виду английская книжная серия Everyman's Library, основанная в 1906 г. издателем Джозефом Дентом. У томов серии была фиксированная цена в 1 шиллинг. Лозунг серии гласил: «Бесконечные богатства в маленькой комнате».

Тома серии представляют собой книги размером 148 x 210 мм в твердой обложке. Обложка темно-синяя с орнаментом, корешок светлый, с орнаментом и названием тома. Цветная суперобложка с рисунком на тему произведений тома дает информацию на языке оригинала. В книге имеется вклейка с портретом/портретами авторов. В целом облик книг подтверждает «идеологию» одноиеновых изданий: в книге важно не только ее содержание, изданный текст; книга – это предмет, который украшает дом и показывает статус владельца.

Название серии

Название серии состоит из двух терминов: «мировая литература» (*сэкай бунгаку* 世界文学) и «полное собрание» (*дзэнсю* 全集).

Как и русский термин «мировая литература» японский «сэкай бунгаку» является переводом немецкого понятия *Weltliteratur*, происхождение которого находят в опубликованных Иоганном Эккерманом разговорах с Гёте. Известен точный день (31 января 1827 г.), когда Гёте говорил следующее: «Я все больше убеждаюсь, что поэзия – достояние человечества и что она всюду и во все времена проявляется в тысячах людей. <...> Поэтому я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое. Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы [*Weltliteratur*. – *М.Т.*], и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению» [Эккерман 1981, с.219].

Термин появляется в «Истории японской литературы» («Нихон бунгаку си») 1890 г., написанной Миками Сандзи (1865–1939) и Такацу Кувасабуру (1864–1921). В этой книге при появлении термина «сэкай бунгаку» рядом с ним катаканой подписан этот немецкий термин (ウエルト、リテラツール). Термин «сэкай бунгаку» появлялся в названиях серий и отдельных изданий уже в период Мэйдзи. Он есть в названии серии «Популярная мировая литература» («Цудзоку сэкай бунгаку»), которую выпускало издательство «Фудзанбо» в 1903–1904 гг. В том же издательстве в 1904 г. вышла книга Хага Яити (1867–1927) «Хронологические таблицы авторов мировой литературы» («Сэкай бунгакуся нэнпё»). Хасимото Тадао (Хасимото Сэю, 1878–1944) выпустил «Историю мировой литературы» («Сэкай бунгаку си») в «Хакубункан» в 1907 г. На понимание этого термина в Японии повлияла популярность английского литературоведа Ричарда Моултона (1849–1924), работы которого стали известны в Японии еще с периода Мэйдзи. Важной оказалась концепция Моултона о разделении понятий «всеобщей литературы» (*universal literature*), как суммы всех литературных сочинений, и «мировой литературы» (*world literature*), как лучших произведений, отобранных с точки зрения данной конкретной страны.

Ко времени выхода «Полного собрания мировой литературы» термин «сэкай бунгаку» не был внове, причем пришедший вместе с западной литературой термин и понимался в первую очередь как обозначение литературы западной.

Термин «полное собрание» (*дзэнсю*) присутствующий во многих названиях одноиеновых книг, подвергался критике уже в то время, когда серии только выходили, поскольку ни одна из этих серий (возможно, за исключением полных собраний сочинений отдельных писателей) не является действительно «полным» собранием. Одноиеновые серии – это, скорее, «избранные» произведения. Эдвард Мэк (Mack, Edward) в книге *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value* высказывает мнение о том, что наличие этого термина в названиях многих одноиеновых серий позволяет определить термин «полное собрание» более гибко, чем дает его буквальный перевод, когда речь идет о периоде или жанре, а не о собрании сочинений одного писателя. Э. Мэк обсуждает этот термин применительно к названию «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю»: «хотя ни один разумный человек не мог бы подумать, что все произведения современной японской беллетристики появились в серии,

название, тем не менее, несет в себе риторическую силу, которая предполагает некую полноту» [Маск 2010, р.267]. В своей книге Э. Мэк анализирует первую одноименную серию, определяя ее как «замкнутый канон» современной японской литературы. Подобно этому и серия «Полное собрание мировой литературы» вырабатывает один из возможных канонів мировой литературы.

«Мировая литература» в серии «Полное собрание мировой литературы»

Обе части серии имеют свою, определенную заранее структуру. Первоначальный план состоял в выпуске 38 томов, их содержание демонстрирует один из возможных «канонів мировой литературы». Далее в Таблице представлено содержание этой части серии.

Таблица. «Полное собрание мировой литературы»⁴ (38 томов).

Номер тома и год издания	Название тома, содержание тома, переводчик/переводчики
T.1 (1929)	<i>Данте Алигьери.</i> «Божественная комедия». Пер. <i>Икута Тёко</i> 生田長江 (1882–1936).
T.2 (1930)	<i>Джованни Бокаччо.</i> «Декамерон». Пер. <i>Морита Сохэй</i> 森田草平 (1881–1949).
T.3 (1929)	<i>Вильям Шекспир.</i> «Гамлет»; «Юлий Цезарь»; «Венецианский купец»; «Макбет»; «Два веронца»; «Ромео и Джульета». Пер. <i>Ёкояма Юсаку</i> 横山有策 (1882–1929).
T.4 (1927)	<i>Мигель Сервантес.</i> «Дон Кихот». Пер. <i>Катагами Нобуру</i> 片上伸 (1884–1928).
T.5 (1929)	<i>Джон Мильтон.</i> «Потерянный рай». Пер. <i>Сигэно Тэнрай</i> 繁野天来 (1874–1933).
T.6 (1928)	«Классическая французская драма» 仏蘭西古典劇集. <i>Мольер.</i> «Мизантроп», «Школа жен», «Мнимый больной». Пер. <i>Найто Аро</i> 内藤濯 (1883–1977). <i>Корнель.</i> «Сид», «Гораций». Пер. <i>Яmanoути Ёсио</i> 山内義雄 (1894–1973). <i>Расин.</i> «Федра», «Митридат», «Андромаха». Пер. <i>Ёсиэ Такамацу</i> 吉江喬松 (1880–1940). «Британик». Пер. <i>Найто Аро.</i>
T.7 (1929)	<i>Вальтер Скотт.</i> «Айвенго». <i>Том Квинси.</i> «Мститель». Пер. <i>Хидака Тадаити</i> 日高只一 (1879–1955).
T.8 (1929)	<i>Жан-Жак Руссо.</i> «Исповедь». Пер. <i>Икута Тёко</i> и <i>Оосуги Сакаэ</i> 大杉栄 (1885–1923).
T.9 (1927)	<i>Гёте.</i> «Фауст», «Страдания юного Вертера», «Герман и Доротея», «Стелла», «Эгмонт». Пер. <i>Хата Тоёкити</i> 秦豊吉 (1892–1956).
T.10 (1930)	«Классическая немецкая драма» 独逸古典劇集. <i>Фридрих Шиллер.</i> «Разбойники», «Вильгельм Телль». Пер. <i>Хата Тоёкити.</i> <i>Генрих фон Клейст.</i> «Пентесилея». Пер. <i>Фунаки Сигэнобу</i> 舟木重信 (1883–1975). <i>Фридрих Кристиан Хеббель.</i> «Юдифь». Пер. <i>Накадзима Киёси</i> 中島清 (1883–1966). <i>Франц Грильпарцер.</i> «Золотое руно». Пер. <i>Фунаки Сигэнобу.</i>
T.11 (1929)	<i>Эдгар По.</i> «Алая буква» и другие произведения. Пер. <i>Танидзаки Сэйдзи</i> 谷崎精二 (1890–1971) и <i>Фукухара Ринтаро</i> 福原麟太郎 (1894–1981).

⁴ Для составления таблицы использованы описания собрания и находящиеся в открытом доступе тома серии на сайте Парламентской библиотеки, также чрезвычайно полезным был сайт Aneqlist (https://ameqlist.com/Osa/shin/zen_1927.htm#home), где дана роспись всех томов издания.

T.12 (1927)	<i>Виктор Гюго. «Отверженные» (ч.1). Пер. Тоёсима Ёсиро 豊島与志雄 (1890–1955).</i>
T.13 (1927)	<i>Виктор Гюго. «Отверженные» (ч.2). Ч.2. Пер. Тоёсима Ёсиро.</i>
T.14 (1928)	<i>Виктор Гюго. «Отверженные» (ч.3), «Последний день приговоренного к смерти», «Эрнани». Пер. Тоёсима Ёсиро.</i>
T.15 (1927)	<i>Александр Дюма. «Граф Монте-Кристо» (ч.1). Пер. Яmanoути Ёсиро.</i>
T.16 (1928)	<i>Александр Дюма. «Граф Монте-Кристо» (ч.2). Пер. Ооя Соити 大宅壮一 (1900–1970).</i>
T.17 (1930)	<i>Онорэ де Бальзак. «Евгения Гранде». Пер. Сиина Сонодзи 椎名其二 (1887–1962). «Кузина Бетта». Пер. Мидзуно Акира 水野亮 (1902–1979).</i>
T.18 (1928)	<i>Чальз Диккенс. «Повесть о двух городах», «Тяжелые времена». Пер. Янагида Идзуми 柳田泉 (1894–1969).</i>
T.19 (1929)	<i>Эмиль Золя. «Нана». Пер. Удака Синъити 宇高伸一 (1886–1943). «Мечта». Пер. Кимура Мотоки 木村幹 (1889-?).</i>
T.20 (1927)	<i>Гюстав Флобер. «Мадам Бовари». Пер. Накамура Сэйко 中村星湖 (1884–1974). Ги де Мопассан. «Жизнь», «Пышка». Пер. Хироцу Кадзуо 広津 和郎 (1891–1968).</i>
T.21 (1927)	<i>И.С.Тургенев. «Отцы и дети», «Новь», «Первая любовь». Пер. Ёнэкава Масао 米川正夫 (1891–1965).</i>
T.22 (1928)	<i>Ф.М.Достоевский. «Преступление и наказание». Пер. Накамура Хакуё 中村白葉 (1890–1974).</i>
T.23 (1927)	<i>Л.Н.Толстой. «Воскресение», «Хозяин и работник», «Кавказский пленник». Пер. Нобори Сёму 昇曙夢 (1878–1958).</i>
T.24 (1928)	«Собрание трех русских писателей» 露西亜三人集. <i>А.П.Чехов. Избранное (選集). Пер. Акиба Госихико 秋庭俊彦 (1885–1965). М.Горький. «На дне», «Челкаш». Н.В.Гоголь. «Тарас Бульба», «Нос». Пер. Хара Хисаитиро 原久一郎 (1890–1971).</i>
T.25 (1928)	<i>Генрик Синкевич. «Камо грядеши». Пер. Кимура Ки 木村毅 (1894–1979).</i>
T.26 (1927)	<i>Генрик Ибсен. «Кукольный дом», «Привидения», «Враг народа», «Росмерсхольм», «Гедда Габлер», «Маленький Эйолф». Пер. Кусуяма Масао 楠山正雄 (1884–1950).</i>
T.27 (1928)	«Собрание трех писателей Северной Европы» 北欧三人集. <i>Кнут Гамсун. «Голод». Пер. Мияхара Коитиро 宮原晃一郎 (1882–1945). Бьёрнстьерне Мартиниус Бьёрнсон. «Арне», «Сюннёве Сульбаккен», «Перчатка». Сельма Лагерлёф. «Предание о старом поместье», «Девушка с болотного хутора». Пер. Икута Сунгэцу 生田春月 (1892–1930).</i>
T.28 (1928)	<i>Стринберг. «Исповедь безумца», «Пляска смерти», «Преступление и преступление», 7 рассказов из цикла «Браки». Пер. Мицуи Мицуя 三井光弥 (1890–1952).</i>
T.29 (1929)	<i>Томас Харди. «Тэсс». Джозеф Конрад. «Юность», «Завтра», «Эми Фостер». Пер. Миядзима Синдзабуро 宮島新三郎 (1892–1934).</i>
T.30 (1928)	<i>Александр Дюма (отец). «Дама с камелиями». Пер. Такахаси Кунитаро 高橋邦太郎 (1898–1984). Альфонс Доде. «Сафо». Пер. Такэбаяси Мусоан 武林無想庵 (1880–1962). Габриэль д'Аннунцио. «Триумф смерти». Пер. Икута Тёко.</i>

Т.31 (1927)	<i>Гехард Хауптман</i> . «Одинокие», «Ткачи». Пер. <i>Нарусэ Мукёку</i> 成瀬無極 (1885–1958). «Возчик Геншель». Пер. <i>Хата Тоёкити</i> . <i>Артур Шницлер</i> . «Игра в любовь», «Анатоль», «Зеленый попугай». Пер. <i>Хата Тоёкити</i> . <i>Морис Метерлинк</i> . «Монна Ванна». «Непрошенная». Пер. <i>Яmanoути Ёсио</i> . «Пеллеас и Мелизанда». Пер. <i>Кобаяси Тацуо</i> 小林竜雄 (1898–1976).
Т.32 (1929)	«Собрание французского романа нового времени» 現代仏蘭西小説集. <i>Анатоль Франс</i> . «Таис». Пер. <i>Окано Каору</i> 岡野馨 (1893–1941). «Кренкбиль». Пер. <i>Яmanoути Ёсио</i> . <i>Шарль-Луи Филипп</i> . «Бубу с Монпарнаса». Пер. <i>Иноуэ Исаму</i> 井上勇 (1901–1985). <i>Анри Барбюс</i> . «Ад». Пер. <i>Комаки Оми</i> 小牧近江 (1894–1978). <i>Андре Жид</i> . «Тесные ворота». Пер. <i>Яmanoути Ёсио</i> .
Т.33 (1930)	«Собрание пьес Англии и Ирландии» 英吉利及愛蘭戯曲集. <i>Бернард Шоу</i> . «Человек и сверхчеловек». Пер. <i>Китamura Кихати</i> 北村喜八 (1898–1960). «Святая Иоанна», «Ученик дьявола». Пер. <i>Итикава Матахико</i> 市川又彦 (1886–1982). <i>Джон Голсуорси</i> . «Правосудие». Пер. <i>Кикүти Кан</i> 菊池寛. «Первые и последние». Пер. <i>Ямада Мацүтаро</i> 山田松太郎 (1898–1962). «Маленький человек», «Солнце», «Поражение». Пер. <i>Ооя Соити</i> . <i>Джон Миллингтон Синг</i> . «Плей-бой», «Скачущие к морю». Пер. <i>Мацүмура Минэко</i> 松村みね子 (1878–1957).
Т.34 (1928)	«Собрание французских пьес нового времени» 仏蘭西近代戯曲集. <i>Эдмон Ростан</i> . «Сирано де Бержерак». Пер. <i>Тацуно Ютака</i> 辰野隆 (1888–1964) и <i>Судзуки Синтаро</i> 鈴木信太郎 (1895–1970). <i>Франсуа де Кюрьель</i> . «Изнанка святой». Пер. <i>Огава Таити</i> 小川泰一 (1903–1931). <i>Ромен Роллан</i> . «Волки». Пер. <i>Огава Таити</i> . <i>Поль Жеральди</i> . «Роберт и Марианна». Пер. <i>Итихара Тоёта</i> 市原豊太 (1902–1190). <i>Альфред де Мюссе</i> . «Лоренцаччо». Пер. <i>Ватанабэ Кадзуо</i> 渡辺一夫 (1901–1975).
Т.35 (1929)	«Собрание пьес нового времени» 近代戯曲集. <i>Герман Зудерман</i> . «Родина». Пер. <i>Фунаки Сигэнобу</i> . <i>Хасинто Бенавенте-и-Мартинес</i> . «Корыстные интересы». Пер. <i>Нагата Хиросада</i> 永田寛定 (1885–1973). <i>Герман Гейерманс</i> . Пер. <i>Асакура Сумитака</i> 朝倉純孝 (1893–1978) и <i>Асакура Суму</i> 朝倉すむ (годы жизни неизвестны). <i>Франк Ведекинд</i> . «Пробуждение весны». Пер. <i>Ногами Тоёитиро</i> 野上豊一郎 (1883–1950). <i>Оскар Уайльд</i> . «Саломея». Пер. <i>Кусуяма Масао</i> . <i>Изабелла Огаста, леди Грегори</i> . «Больничная палата». Пер. <i>Кондо Котаро</i> 近藤孝太郎 (1897–1949). <i>Лорд Дансени</i> . «Боги горы». Пер. <i>Мацүмура Минэко</i> . <i>Леонид Андреев</i> . «Тот, кто получает пощечины». Пер. <i>Китamura Кихати</i> и <i>Күмадзава Матароку</i> 熊沢復六 (1899–1971). <i>Антон Чехов</i> . «Медведь». Пер. <i>Ёнкава Масао</i> . <i>Н.Гоголь</i> . «Ревизор». Пер. <i>Ёнкава Масао</i> .
Т.36 (1929)	«Собрание новеллы нового времени» 近代短篇小説集. Французская новелла. Англо-американская новелла. Немецкая новелла. Русская новелла. Новелла южной и северной Европы.
Т.37 (1930)	«Собрание поэтов нового времени» 近代詩人集. Франция. Англия. Америка. Германия. Россия. Южная Европа. Северная Европа.
Т.38 (1929)	«Собрание новой литературы» 新興文学集. <i>Илья Эренбург</i> . Трест «Д. Е.». Пер. <i>Нобори Сёму</i> . <i>Глеб Алексеев</i> . «Тени стоящего впереди». Пер. <i>Ёнкава Масао</i> . <i>Георг Кайзер</i> . «С утра до полуночи». Пер. <i>Китamura Кихати</i> . <i>Луиджи Пиранделло</i> . «Шесть персонажей в поисках автора». Пер. <i>Хонда Мацүдзи</i> 本田満津二 (годы жизни неизвестны). <i>Карел Чапек и Йозеф Чапек</i> . «Из жизни насекомых». Пер. <i>Ниши Итару</i> 新居格 (1888–1951). <i>М.Пришвин</i> . «Юность Алпатовая». Пер. <i>Курахара Корэхито</i> 蔵原惟人 (1902–1991).

Как видно из Таблицы, тома серии выходили не один за другим, а разрозненно, но номер, который имел том, ставил его на заранее определенную позицию в структуре серии, соответственно на некое свое место в «мировой литературе».

Реально первым выпущенным томом был том 12 – «Отверженные» Виктора Гюго.

Приступая к такой серии, издательство, безусловно, должно было основываться на некотором «заделе» – уже переведенных произведениях, которые можно было бы переиздать. «Отверженные» – роман, занимающий целых три тома, правда, с добавлением других, уже небольших произведений. «Отверженные» в переводе того же Тоёсима Ёсио издавались в издательстве «Синтёся» в 1918–1919 гг., тогда это было четырехтомное издание.

Некоторые другие переводы, которые вошли в собрание, также уже были изданы издательством, среди них, например, «Страдания юного Вертера» в переводе Хата Тоёкити. Произведение печаталось издательством в 1925 г., а «Триумф смерти» Габриеле д'Аннунцио в переводе Икута Тёко был бестселлером еще в 1913 г.

К «старым запасам» относится и перевод «Исповеди» Руссо (т.8). Перевод подписан двумя именами: Икута Тёко и Оосуги Сакаэ. Оосуги Сакаэ уже не было в живых в момент выхода в свет серии. Анархист Оосуги был убит в полицейском участке сразу после землетрясения 1923 г., но оставил после себя целое собрание сочинений и переводов. Предисловие в этом томе написано Камбэ Такаси (1901–1938).

В целом абсолютное большинство произведений, включенных в первую часть серии, были уже известны в Японии, так что в задачу серии не входило познакомить читателей с новыми для них произведениями, задачей было создать систему, канон, где произведения занимают свое место.

Большинство томов собрания включают одно или несколько произведений одного автора. Два крупных произведения – «Отверженные» Гюго и «Граф Монте-Кристо» Дюма – были выпущены соответственно в трех томах (тт. 12–14, в т.14 входят и другие произведения Гюго) и в двух томах (тт. 15–16). По принципу один автор – одно произведение строятся тома 1, 2, 4, 5, 7, 8, 22, 25. По несколько произведений одного автора вмещают тома 3, 9, 11, 17, 18, 19, 21, 23, 26, 28, 29. Тома с несколькими авторами, но без обозначения темы в названии тома – это тома 20, 24 («Собрание трех русских писателей»), 27 («Собрание трех писателей Северной Европы»), 29, 30, 31. И, наконец, несколько томов собраны тематически: т. 6 «Классическая французская драма», т. 10 «Классическая немецкая драма», т. 32 «Собрание французского романа нового времени», т. 33 «Собрание пьес Англии и Ирландии», т. 34 «Собрание французских пьес нового времени», т. 35 «Собрание пьес нового времени», т. 36 «Собрание новеллы нового времени», т. 37 «Собрание поэтов нового времени», т. 38 «Собрание новой литературы».

По «тематическим» томам издания видно, какие термины используются для описания мировой литературы. Литература в собрании подразделяется на «классическую» (古典 *котэн*) и «нового времени» (近代 *киндай*). Последний том посвящен «новейшей» (新興 *синко*) литературе. Хронологически серия оказывается замкнутой. Самым первым по времени создания является относящаяся к началу XIV в. «Божественная комедия» Данте (т. 1), «Декамерон» (т. 2) написан в середине XIV в., Шекспир (т. 3) творил на рубеже XVI–XVII вв., Мильтон (т. 4) – автор XVII в. «Классика», которую серия датирует временем приблизительно до XIX в. включена в первые 10 томов, дальше начинается XIX век, который и составляет основное ядро серии.

В последний, 38-й том включены шесть произведений: «Трест “Д.Е.”» Ильи Эренбурга, роман, в первый раз изданный в Берлине в 1923 г.; «Тени стоящего впереди» Глеба Алексева, произведение, опубликованное в журнале «Красная новь» в 1928 г. (№ 2–4); «С утра до полуночи» – пьеса Георга Кайзера, она датируется 1912 г.; пьеса Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора» 1921 г.; «Из жизни насекомых» братьев Чапек 1922 г.; «Юность Алпатова» М.Пришвина, произведение, которое печаталось в журнале «Новый мир» в 1926 г.

Таким образом, все произведения этого тома действительно являются самыми новыми по времени написания (том вышел в 1929 г.). Содержание этого тома «новейшей» литературы обращает на себя внимание тем, что три произведения из шести – это сочинения писателей из Советского Союза. Здесь, несомненно, сказался интерес, который проявляла японская интеллигенция к Стране Советов. В самой Японии был велик вес «пролетарских писателей» (том пролетарской литературы появился в «Полном собрании современной японской литературы» (т. 62) издательства «Кайдзося» в 1931 г.).

Серия «Полное собрание мировой литературы» включает в себя прозу, драматургию и поэзию. В названиях «тематических» томов проза обозначена как «роман» (小説 *сёсэцу*) и «новелла» (短篇小説 *тампэн сёсэцу*); драматургия – словами «драма» (劇 – 古典劇, *гэки* – *котэнгэки*) и «пьеса» (戯曲 *гикёку*); в названии т. 37 есть слово «поэты» 詩人 (*сидзин*); последний том обозначен широким термином «литература» (文学 *бунгаку*), в него входят как проза, так и драматургия. Большая часть собрания – проза, однако драматургии также отведено очень значительное место (в последнем томе из шести произведений три – пьесы). Поэзия представлена слабо, среди «тематических» ей посвящен всего один том.

Одним из важных критериев в понимании концепции «мировой литературы» является география произведений. Названия «тематических» томов представляют литературу французскую, немецкую, русскую, Северной Европы, английскую, ирландскую. Несколько томов серии имеют внутри географические разделы. В т. 36 есть разделы: новелла французская, англо-американская, немецкая, русская, Южной и Северной Европы. В т. 37 представлены поэты Франции, Англии, Америки, Германии, России, Южной Европы, Северной Европы.

Географические маркеры этой части серии показывают особый интерес к ирландской литературе, т. 33 имеет название «Собрание пьес Англии и Ирландии» (в этот том входят пьесы Бернарда Шоу, Джона Голсуорси, Джона Миллингтона Синга). Кроме Бернарда Шоу и Джона Синга, ирландских драматургов, пьесы которых помещены в этом томе, в т. 35 («Собрание пьес нового времени») помещены также пьесы Огасты Грегори и Лорда Дансени.

Такое особое выделение Ирландии связано, видимо, с большим интересом, который проявляли японские интеллектуалы к Кельтскому возрождению – эстетическому движению, возникшему на Британских островах, связанному с конструированием национальной идентичности на основе древнего прошлого.

Первоначальный интерес к ирландской литературе в Японии связан с именем Лафкадио Хёрна (Коидзуми Якумо, 1850–1904), литератора греко-ирландского происхождения, который сумел вжиться в японское общество, что редко удается иностранцам, и познакомить мир с японским фольклором, а японцев – с кельтским возрождением. «Кельтские сумерки», сборник кельтского фольклора, собранный Уильямом Йейтсом, возможно, являлся образцом для «Тоно моногатари» Янагита Кунио (1875–1962), во всяком случае известно, что Янагита читал это произведение непосредственно перед написанием «Тоно моногатари» [Hart 2016, p. 282]. Янагита Кунио, как и некоторые другие заметные литературные фигуры своего времени, был членом Аирурандо бунгакукай (Ирландского литературного общества). В число японских поклонников ирландской литературы входили Кикиути Кан, Акутагава Рюноскэ (1905–1927), Ито Сэй (1905–1969).

В серии «Сэкай бунгаку дзэнсю» ирландская литература представлена в первую очередь драматическими произведениями. Среди переводчиков и исследователей ирландской литературы одной из значительных фигур является Мацумура Минэко (ее настоящее имя Катаяма Хироко). В серию включены ее переводы Синга и Лорда Дансени.

Вторая часть серии, состоящая из 19 томов, издавалась в 1930–1932 гг. Для этой части существует своя структура, как и тома первой части, книги второй тоже выходили не по порядку номеров. Вторая часть серии сосредоточена на литературе, которую можно охарактеризовать

как «современную». Самый ранний из представленных авторов – Стендаль, а помещенный в этой части серии роман «Красное и черное» вышел во Франции в 1830 г. Многие из представленных сочинений были написаны уже в XX в. Основной принцип составления этой части серии – географический. Четыре первых тома представляют французских авторов: Морис Баррес (т. 1), Поль Бурже (т. 2), Анри де Ренье и Жорж Дюамель (т. 3), Стендаль (т. 4); английская литература представлена Шарлоттой Бронте (т. 5), Джозефом Конрадом и Олдосом Леонардом Хаксли (т. 6), Гербертом Уэллсом (т. 7); из американской литературы выбраны Эптон Синклер (т. 8), Теодор Драйзер и Джек Лондон (т. 9); немецкая литература представлена Германом Зудерманом (т. 10), Томасом Манном (в т. 11 напечатана часть его романа «Будденброки», окончание – в последнем, 19-м томе), Бернхардом Келлерманом (т. 12); русских писателей в этом собрании представляют Михаил Арцыбашев (т. 13), Александр Куприн (т. 14), Леонид Леонов (т. 15); итальянцы Луиджи Пиранделло и Грация Деледда помещены в т. 16; испанец Висенте Бласко Ибаньес опубликован в т. 17; норвежец Юхан Бойер – в т. 18. Из общей схемы выделяется последний, 19-й том, в нем – окончание «Будденброков» Томаса Манна и сочинения Генриха Манна.

Акикуса Сюнъити, обсуждая особенности данной серии, обращает внимание также на особый интерес к французской литературе (относя этот интерес к личным литературным пристрастиям Саго Гирё), а также на достаточно значительное присутствие скандинавской литературы [Akikusa 2022, web].

Таким образом, в собрание не входит ни литература азиатских стран, ни классическая греческая и римская литература. Содержание серии подтверждает, что характерное еще для периода Мэйдзи понимание того, что «мировое» означает «западное», сохраняется и в начале периода Сёва⁵.

Переводчики

Освоение западной литературы начинается в Японии с 1880-х гг., в 1910-х гг. работа по переводу выполнялась в том числе и на государственном уровне. Об этом упоминает Катагаки Нобуру, переводчик «Дон Кихота», в небольшом вступительном слове, предваряющем основное предисловие в т. 4 обсуждаемой серии. Катагаки рассказывает: «В японском министерстве культуры (*момбусё*) был создан Комитет по литературе (*бунгэй шинкай*), это было в 44 году Мэйдзи [1911]. В августе того же года была запущена программа перевода классики. Вместе с такими произведениями как «Божественная комедия» (переводчик Уэда Бин), «Фауст» (переводчик Мори Огай) и другими, переводился и «Дон Кихот» Сервантеса» [Sekai bungaku... 1927–1932, Vol.4, p.1].

Поскольку переводная литература имела огромное значение в формировании новой японской литературы, фигура переводчика оказалась в Японии чрезвычайно значимой. В серии имена переводчиков вынесены на титульный лист, занимают место рядом с авторами произведений.

Компаративист Оосава Ёсихиро (1948–2005) так объясняет разницу в понимании роли переводчика в Европе и Японии: «В европейском литературном мире со времен романтического движения был сделан сильный акцент на оригинальном творчестве, переводы же считались второстепенными литературными достижениями, и ожидалось, что переводчики будут невидимыми. Японский случай иллюстрирует другую крайность – видимости переводчика.

⁵ Акикуса Сюнъитиро в одном из своих интервью говорит: «В Японии она [мировая литература. – М. Т.] была представлена в период Мэйдзи как “идеальная литература”, которую следует использовать при создании национальной литературы. Негласная формула “мировая литература = западная литература”, введенная в то время, действует и по сей день» <https://book.asahi.com/article/13692964> (дата обращения 11.09.2022).

В современной истории японской литературы переводчики сыграли важную и заметную роль в “модернизации” литературы, а японские романисты читали переводы западной литературы для литературного вдохновения» [Ohsawa 2005, p.142].

Среди первых японских переводчиков было много таких, кто оставил значительный след и в переводческой деятельности, и в писательской, однако в целом начальный период носил характер случайный, переводы часто делались не с языка оригинала, было много адаптаций, сокращенных переводов.

Ко времени издания «Полного собрания мировой литературы» литературный перевод, выполненный специалистами, обычно филологами, исследователями той или иной иностранной литературы, стал обычным. Кадры «ковались» в нескольких учебных заведениях. Анализ биографий переводчиков, участвовавших в данной серии, дает возможность говорить о трех учебных заведениях, откуда вышло большинство переводчиков с английского, русского и французского языков.

Многие переводчики, работавших с английскими текстами, окончили Отделение английской литературы Университета Васэда. Учебное заведение, первоначальное название которого – Токио сэммон гакко, было основано в 1882 г. и получило статус университета в 1902 г. Литературный факультет, в структуру которого входило Отделение английского языка, был основан в 1890 г. Именно это учебное заведение окончили Ёкояма Юсаку, Сигэно Тэнрай, Хидака Тадаити, Танидзаки Сэйдзи, Янагида Идзуми, Миядзима Синдзабуро, Итикава Матахико, Ямада Мацутаро и др.

Переводчики русского языка: Ёнэкава Масао, Накамура Хакуё, Курахара Корэхито, Кумадзава Матароку, – окончили Токийскую школу иностранных языков (Токё гайкокуго гакко). Учебное заведение было основано в 1899 г., сейчас это Токийский университет иностранных языков (Токё гайкокуго дайгаку).

Среди переводчиков французского языка много выпускников французского отделения Токийского Императорского университета: Найто Аро, Тоёсима Ёсио, Мидзуно Акира, Такахаси Кунитаро, Судзуки Синтаро, Огава Таиити, Итихара Тоёта, Ватанабэ Кадзуо.

Одной из причин, почему Сато Гирё основал свое издательство, было понимание, как трудно пробиться в литературный мир молодым людям. Если посмотреть на возраст переводчиков, участвовавших в серии, оказывается, что среди них немало молодых людей, родившихся в 1890-х гг., и даже уже в XX в. Так, например, трое переводчиков тома «Собрание французских пьес нового времени» родились в начале XX в., все трое окончили французское отделение Токийского императорского университета: Ватанабэ Кадзуо – в 1925 г., Огава Таиити и Итихара Тоёта – в 1926 г.

Все без исключения тома серии снабжены предисловиями, в которых рассказывается об авторах и произведениях, включенных в серию. Обычно авторами предисловий являются переводчики произведений.

«Сэкай бунгаку гэнпо»

Кроме предисловий вспомогательным материалом для читателей должны были стать вложенные в книги «гэнпо» (月報 ежемесячный вестник). Одноименные книги – начало традиции вкладышей «гэнпо», которая продолжается по сей день. М.Вильямс (Williams, M. P.), автор статьи *Deepening scholarly access to *geppō*: Toward a collectively-contributed article citation database* указывает на то, что японские гэнпо, вложенные в тома серийного издания, уникальны для мирового книгоиздания [Williams 2013, p. 3]. Гэнпо начали выпускать в 1920-х гг., они вкладывались в серийные издания, в первую очередь это относится как раз к одноименным книгам, тома которых обычно выходили с периодичностью

по тому в месяц. М.Вильямс пишет: «*Гэнпо* действительно представляют собой отдельную библиографическую категорию, которая не совсем вписывается в существующие понятия. Они не являются ни однодневками-ephemera, ни приложениями, ни поступающей в продажу периодикой, но с каждым из этих изданий имеют сходные черты. *Гэнпо* обычно выпускаются в рамках монографической серии, полного или избранного собрания сочинений автора, литературного собрания, многотомника, и т. д.» [Williams 2013, p.2].

Гэнпо серии «Сэкай бунгаку дзэнсю» – это восьмистраничные материалы (два двойных несброшюрованных листа, вставленные один в другой). В 38 томов первой части серии было вложено 37 *гэнпо*. Они нумеруются как периодические издания и собранные вместе, несомненно, представляют собой ценный материал как по книгоизданию, так и по текстовому материалу серий. *Гэнпо* соотнесены с тем томом издания, в который вкладываются, но включают разные материалы, сюда могут входить небольшие статьи, связанные с содержанием данного тома или более широкой тематики; материалы, посвященные работе издательства; издательская реклама. Хотя первым выпущенным томом был том 12 (начало публикации «Отверженных»), *гэнпо* № 1 был вложен в том 26 (пьесы Ибсена), датирован 15 апреля. Открывал первый номер *гэнпо* материал, посвященный переводной литературе в Японии, написанный Кимура Ки [Fujii 2019, p. 1174/18].

В «Сэкай бунгаку *гэнпо*» № 8 от 15 ноября 1927 г., вложенного в том 23 собрания, в котором помещены сочинения Л.Н. Толстого «Воскресенье», «Хозяин и работник» и «Кавказский пленник» в переводе Нобори Сёму, были опубликованы следующие материалы.

На первой странице помещена статья Икута Сьунгэцу под названием «Знаменитые произведения современной японской литературы, написанные под влиянием западной литературы» (обсуждаются «Ваш покорный слуга кот» Нацумэ Сосэки, «Обыкновенный человек» Хасэгава Фтабатэй, и произведения Фуё, Катай и других); впечатления представителей японских литературных кругов от прочтения романа «Воскресенье»; материал о времени написания романа; статья русиста Хара Хисаитиро «Когда я впервые прочел “Воскресенье”» (с фотографией листа рукописи произведения); статья кинокритика Танака Эйдзо (1886–1968) об экранизациях двух литературных произведений: «Воскресенья» и «Графа Монте Кристо»; сведения о переводчике – Нобори Сёму, с фотографией; небольшой материал Кано Сакудзиро (1885–1941) под названием «Читая биографию Толстого» (имеется в виду биография, написанная П.И.Бирюковым). Также в *гэнпо* помещена разного рода издательская реклама.

Наряду с предисловиями, изображениями авторов, комментариями, *гэнпо* серии «Сэкай бунгаку дзэнсю» представляют собой ценный справочный и образовательный материал.

Выводы

Серия «Полное собрание мировой литературы» была типичным «одноименным» изданием. Это были книги в твердом переплете с продуманным дизайном, которые составили основу личных библиотек японских читателей.

Серия состоит из двух частей, которые составляют соответственно 38 и 19 томов. Вторая часть появилась на волне коммерческого успеха первой. В серию входят переводы произведений европейской и американской литературы. Первые десять томов первой части серии относятся к классике, однако основное внимание уделено литературе XIX в., попала в собрание и самая современная литература. Вторая часть собрания полностью сосредоточена на XIX и XX в. Серия была самой коммерчески удачной среди одноименных серий, имела тираж не менее 400 тыс. экземпляров, что указывает на читательский интерес к переводной литературе, в первую очередь, к литературе современной.

Во всех томах серии помещаются предисловия, рассказывающие о переведенных произведениях и их авторах, а также изображения авторов. В тома серии вкладывался небольшой «Ежемесячный вестник» (*гэнпо*), содержащий ценный справочный материал. Выпуск *гэнпо* во время появления серии был новшеством, которое оказалось удачным и со временем превратилось в традицию. Наличие справочного аппарата показывает не только чисто эстетическую, но и образовательную ценность серии.

Серию «Сэкай бунгаку дзэнсю» можно считать попыткой создания канона «мировой литературы». Серия (ее первая часть) была построена по плану, который структурировал литературные произведения по хронологии, географии и жанрам. Все произведения – западные, в серию не входят ни произведения азиатской литературы, ни классической греческой и римской литературы. «Мировая литература» понимается как литература западная.

Читательский интерес к переводной литературе, а также важность переводов для формирования национальной литературы, способствовали пониманию важности роли переводчика, имя которого стоит рядом с именем автора.

Полное собрание мировой литературы» 1927–1932 гг. было началом выпуска серий «мировой литературы» издательством «Синтёся», за этим изданием последовали «Полное собрание современной мировой литературы» («Гэндай сэкай бунгаку дзэнсю», 1952–1958); «Полное собрание мировой литературы: новое издание» («Симпан сэкай бунгаку дзэнсю», 1957–1960); «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю», 1960–1964).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Куросава Акира. Жабий жир. Что-то вроде автобиографии. Пер. Е.Ванеян и А.Помеловой. Москва: Rosebud Publishing. 2020.

Эккерман, Иоганн Петер. Разговоры с Гёте. Пер. с немецкого Наталии Ман. Москва: «Художественная литература». 1981.

REFERENCES

Kurosawa, A. (2020). Zhabii zhir. Chto-to vrode avtobiografii [Gama no abura. Jiden no yōna mono]. Trans. by E.Vaneyan, A. Pomelovoi. Moscow: Rosebud Publishing. (In Russian).

Eckermann, J.P. (1981). *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Moscow: «Khudozhestvennaya literatura». (In Russian).

* * *

Akikusa, S. (2022). Sekai bungaku zenshū no “3000 man dokusha” wa dare datta no ka [Who was the “30 million readers” of the complete collection of world literature?]. *Yahoo Japan Nyūsu*, August 1, 2022. Retrieved September 15, 2002, from <https://news.yahoo.co.jp/articles/50323a69bfc43d5c16df856568516738c120fa8f?page=1> (In Japanese).

Akikusa, S. (2014). Kanon o yunyū suru – “hābādo kurashikkusu” to enpon zenshū [Import the Canon: Harvard Classics and One Yen Complete Works]. *Hikaku bungaku*, 57, 51–65. (In Japanese).

Fujii, T. (2019). Geppō o yomu joron (Browsing Inserted Leaflets: An Introductory Essay). *Fukuoka daigaku jinbun ronsō*, 50(4), 1157/1–1218/62. (In Japanese).

Hart, A.A. (2016). *Ancestral Recall: The Celtic Revival and Japanese Modernism*. Montreal & Kingston, London, Chikago: McGill-Queen’s University Press.

Kawana, S. (2018). *The Uses of Literature in Modern Japan: Histories and Cultures of the Book*. London, Bloomsbury Publishing.

- Mack, E. (2010). *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value*. Durham and London: Duke University Press.
- Ohsawa, Y. (2014). Translations as a Means of Introducing European Literary Techniques to Modern Japan. In *Asian Translation Traditions*, ed. by Eva Hung and Judy Wakabayashi. London and New York: Routledge (first published 2005 by St. Jerome Publishing).
- Satō, M. (2014). “Enpon” to hon’yaki bungaku kihan (Yen-pon and the Norms of Literary Translation). *Hon’yaku kenkyū e no shōtai*, 12, 1–19. (In Japanese).
- Sekai Bungaku Zenshū* [Complete Works of World Literature]. (1927–1932). 57 vols. Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).
- Shintōa Kensetsu o Yūdōsuru Hitobito* [People Who Contributed to the Construction of a New East Asia]. (1939). Tokyo: Nihon kyōiku shiryōkankai. (In Japanese).
- Williams, M.P. (2013). Deepening scholarly access to geppō: Toward a collectively-contributed article citation database. *Journal of East Asian Libraries*, 157, 1–22.

Поступила в редакцию: 30.12.2022

Received: 30 December 2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-111-129

Круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен»

*Д.В. Стрельцов, К.О. Нака, В.В. Нелидов, К.О. Саркисов,
В.Н. Добровольский, И.П. Лебедева, И.А. Романова*

Аннотация. Во второй половине 2022 г. японский политический мир потряс крупный скандал: в июле 2022 г. во время предвыборного митинга был убит бывший премьер-министр и видный деятель правящей Либерально-демократической партии Абэ Синдзо. Задержанный на месте преступления убийца заявил, что мстил своей жертве за связи с «Церковью объединения», которая, по словам преступника, привела его семью к разорению. Первоначально эта версия казалась фантастической, но последовавшее за этим расследование показало, что и сам С. Абэ, и многие другие представители японских политических кругов на протяжении многих лет поддерживали связи с «Церковью объединения». Это вызвало шквал возмущения в японском обществе, особенно ввиду того факта, что «Церковь объединения» имеет весьма противоречивую репутацию. 26 января 2023 г. Ассоциацией японоведов и исследовательской лабораторией «Центр японских, корейских и монгольских исследований» МГИМО МИД России был проведен посвященный этим событиям круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен». Участники круглого стола детально проанализировали ситуацию вокруг «Церкви объединения» и ее роли в японской политике, обсудили специфику «новых религий» в японском обществе и рассмотрели факторы, определяющие их влияние на политический мир Японии.

Ключевые слова: Церковь объединения, новые религии, религия и политика, японское общество, убийство Синдзо Абэ, политический скандал.

Авторы:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Нака Ксения Олеговна, руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Японии (г. Токио). E-mail: k.naka@gia.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0002-6398-0785. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Добровольский Василий Николаевич, советник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России (адрес: 107078, Москва, Большой Козловский переулок, 4), Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса. E-mail: annadobcom@yahoo.com

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0273-2689; E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Романова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 103009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-4120-2373; E-mail: ira.lambi@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Саркисов К.О., Добровольский В.Н., Лебедева И.П., Романова И.А. Круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен» // Японские исследования. 2023. № 1. С. 111–129. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-111-129

Roundtable “Unification Church in Japan as a Sociocultural and Political Phenomenon”

*D.V. Streltsov, K.O. Naka, V.V. Nelidov, K.O. Sarkisov,
V.N. Dobrovolsky, I.P. Lebedeva, I.A. Romanova*

Abstract. In the second half of 2022, the Japanese political world was shaken by a major scandal: in July 2022, former Prime Minister and a prominent member of the ruling Liberal Democratic Party Abe Shinzō was killed at an election rally. The assassin, caught at the crime scene, declared that the murder was a revenge for the victim’s connection with the Unification Church, which, according to the perpetrator’s words, had led his family to financial ruin. Initially, this explanation seemed fantastical, but the investigation that followed revealed that both Abe Shinzō himself and many other Japanese politicians had been maintaining connections with the Unification Church for many years. This caused an uproar in Japanese society, especially given the rather controversial reputation of the Unification Church. On January 26, 2023, the Association of Japanologists and the research laboratory “Center for Japanese, Korean, and Mongolian Studies” of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) held a roundtable “Unification Church in Japan as a Sociocultural and Political Phenomenon”. The participants of the roundtable analyzed the situation around the Unification Church and its role in Japanese politics in detail, studied the specific features of the “new religions” in Japanese society, and considered the factors determining their influence on the political world of Japan.

Keywords: Unification Church, new religions, religion and politics, Japanese society, assassination of Abe Shinzō, political scandal.

Authors:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Naka Ksenia O., International Media Group Rossiya Segodnya, Head of Japan Office (Tokyo). E-mail: k.naka@ria.ru

Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Sarkisov Konstantin O., PhD (History), Leading Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6398-0785; E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Dobrovolsky Vasily N., Adviser at the Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy (address: 4, Bolshoi Kozlovsky Per., Moscow, 107078, Russian Federation), Minister Extraordinary and Plenipotentiary the First Rank, E-mail: annadobcom@yahoo.com

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0273-2689; E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Romanova Irina A., PhD (History), Associate Professor, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 103009, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4120-2373; E-mail: ira.lambi@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Streltsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V., Sarkisov K.O., Dobrovolsky V.N., Lebedeva I.P., Romanova I.A. Kruglyi stol «Tserkov' ob"edineniya v Yaponii kak sotsiokul'turnyi i politicheskii fenomen» [Roundtable "Unification Church in Japan as a Sociocultural and Political Phenomenon"]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 1, 111–129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-111-129

Стрельцов Д.В.

Уважаемые коллеги, разрешите начать очередной семинар, посвященный современной Японии. Этот семинар проводится совместно Ассоциацией японоведов и Центром японских, корейских и монгольских исследований МГИМО. Это первый семинар в этом году. Сегодня не так много участников, но тема важная, мы сочли ее достойной нашего внимания как исследователи с учетом ее общественной значимости. Это тема: «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен».

Сегодняшнее мероприятие, в отличие от предыдущих, проходит не в форме докладов и обсуждений, а в форме круглого стола. Здесь есть несколько наших коллег, которые заранее готовились к выступлению, но, тем не менее, сегодняшний формат предполагает более свободное участие всех присутствующих, свободный обмен мнениями. Я надеюсь, у нас получится небольшая дискуссия.

Я хотел бы начать с небольшой презентации, которая будет вводной частью нашего круглого стола. Я хотел бы сказать несколько слов об истории возникновения проблемы «Церкви объединения» как социокультурного и политического феномена, почему церковь появилась в Японии, что стало причиной этого феномена, и каковы особенности этой организации, в чем постулаты ее идеологической базы, и на кого она опирается в Японии, прежде чем предоставить слово другим участникам.

«Церковь объединения» (по-японски «Тоицу кёкай», 統一教会) стала предметом общественного обсуждения в связи с убийством на предвыборном митинге 8 июля 2022 года бывшего премьер-министра и главы крупнейшей фракции Либерально-демократической партии Японии Абэ Синдзо. Напоминаю, что эта тема стала звучать в связи с тем, что убийца не скрывал основной мотив своего преступления, он застрелил Абэ из самодельного дробовика. Мотив был в том, что деятельность «Церкви объединения» привела к банкротству его семьи. Его мать пожертвовала Церкви около 100 миллионов иен, это более 760 тыс. долларов по текущему курсу. В результате чего семья оказалась у разбитого корыта, лишилась практически всего своего материального благосостояния, что разрушило семью. Это стало причиной активного обсуждения роли «Церкви объединения» в японской политике, связи политиков правящей партии и не только с этим институтом. Это дает основание поговорить об этой церкви, когда она появилась, в чем ее особенности.

«Церковь объединения» была основана в 1954 году. Основателем ее является ныне покойный Мун Сон Мён. Эта церковь известна во всем мире как мессианская утопическая секта с христианским подтекстом, сочетающая послевоенную политику с призывами к семейным ценностям. Ее отличает харизматический культ лидера и, кроме того, в Японии церковь связана с политическим консервативным направлением, консервативной волной в политике.

Эта церковь начала свою миссионерскую деятельность в Японии в 1959 году, она представлена несколькими организациями, не только той организацией, которая была создана в момент ее основания. Это «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства» и несколько других организаций, которые формально к церкви отношения не имеют. Самые известные из них – «Международная федерация за победу над коммунизмом» и «Семейная федерация за мир и объединение во всем мире».

В чем суть учения этой церкви? Вы видите на слайде основные постулаты религиозного учения, которые заключаются в том, что человечество было обременено первородным грехом сатаной, соблазвившим Еву, которая затем прелюбодействовала с Адамом. Человечество впало в немилость, когда Ева совершила прелюбодеяние с падшим ангелом Люцифером, который позже стал сатаной. В результате все потомки Адама унаследовали оскверненную родословную и были отчуждены от Бога.

Бог послал Иисуса как Мессию, чтобы искупить человечество, но Божий план очистить греховную родословную человечества, заставив Иисуса жениться и создать семью, не осуществился. И как второй план, как «план Б», Бог послал на Землю Мессию Мун Сон Мёна, который воплотил собой Второе пришествие и который был «совершенным Адамом», который создал человечеству путь к спасению, создал безгрешную родословную, женившись на совершенной Еве, создал идеальную семью. Женившись и создав «идеальную» семью, Мун Сон Мён призвал членов церкви следовать его примеру и тем самым участвовать в Божьем плане восстановления человечества.

Идея заключалась в том, что когда двое верующих, избранных и подобранных Мессией, соединяются как муж и жена с благословения Мессии, их дети рождаются свободными от греха. Последователи «Церкви объединения» верят, что могут помочь установить Царство Бога на Земле, приняв благословение своего бракосочетания на одной из массовых свадебных церемоний, которыми церковь стала хорошо известна. Это визитная карточка – массовые церемонии с участием сотен, а иногда и тысяч семейных пар. Благодаря этому церковь стала хорошо известна во всем мире.

Деятельность Муна привела к достаточно быстрому распространению «Церкви Объединения» во всем мире, особенно в 1960-х – начале 1980-х гг. в США, Республике Корея, Японии, в меньшей степени в европейских странах, куда пришла эта церковь.

Когда Мун Сон Мён скончался в 2012 году, считается, что у церкви было около 3 миллионов последователей. Это официальные данные, но эксперты считают, что последователей существенно меньше. Наверное, в 1980-е годы произошло сокращение последователей до нескольких сотен тысяч.

Помимо масштаба своей деятельности, церковь известна тем, что активно устанавливала связь с политиками. Есть свидетельства, что эта церковь имела личные контакты, связи с такими политиками, как Ричард Никсон, Рональд Рейган, Джордж Буш-старший, Дональд Трамп и т. д. И даже с лидером Северной Кореи Ким Ир Сенем. Про Японию я скажу отдельно.

У основателя секты со всеми был личный контакт, что достаточно странно, потому что Мун Сон Мён – выходец из северной провинции Кореи. И хотя одной из основных идей этой церкви был антикоммунизм, Мун Сон Мён посетил в 1981 году КНДР, встретился там с лидером Северной Кореи Ким Ир Сенем, а в планах церкви было построить автомобильный завод на Севере Кореи.

В Японии церковь появилась в 1959 году. И с 1964 года она имеет статус религиозной организации, который дает ей право на льготный налоговый режим.

В настоящее время, как считается, в Японии насчитываются от 50 тыс. до 70 тыс. членов «Церкви объединения». Это более чем в два раза превышает численность адептов «Церкви объединения» в Южной Корее, хотя это изначально была корейская секта или организация. Если взять глобальное членство, которое насчитывает от 100 до 200 тысяч человек, получается, что больше половины членов этой секты живут в Японии.

Почему именно Япония стала ареной или полигоном для деятельности «Церкви объединения»? Существует несколько причин, но я бы назвал четыре.

Первая, это крайне благоприятные социальные условия для распространения деятельности «Церкви объединения» в Японии. Это связано с религиозностью японцев, в частности, с отсутствием четкой религиозной доктрины фактически во всех организациях, которые представляют в Японии мировые религии. Японцы в массе своей не имеют представления о доктрине этих религий. В основном религиозность японцев носит расплывчатый, расфокусированный, гибкий характер. По опросам 2018 года, основная часть, три четверти японцев не придерживается какой-то четкой религиозной веры. Большинство японцев не считают себя религиозными, хотя и посещают храмы – и буддистские, и синтоистские – но, тем не менее, для них это не религия в классическом понимании этого слова. Если брать буддизм – это философия, образ жизни. Если синтоизм – это, скорее, эстетика. Но структурированного, доступного, транзакционного богословия в Японии нет. Во всяком случае, оно занимает крайне ограниченную нишу, поэтому в массе своей у японцев нет четкого понимания мировых религий, поэтому они часто воспринимают доктрины новых религий, которые сильно отличаются от нормативных религиозных представлений. В частности, доктрина массового брака, массовых бракосочетаний, или доктрина, что Мун Сон Мён является Мессией, или что предки японцев, которые страдают в аду, могут быть спасены собственными добрыми делами ныне живущих. Это сильно отличается от того, что проповедуют мировые религии, но, тем не менее, многие японцы воспринимают это на полном серьезе. Важно еще то, что у японцев в системе образования отсутствует религиозный элемент, имеется в виду, что нет не просто религиозного образования, поскольку религия отделена от государства, но даже изучения религии в школе, в вузовском образовании, за исключением теологических университетов. Японцы знают о мировых религиях меньше, чем в других странах.

Второй важный момент – это то, что в послевоенный период в Японии сложились социально благоприятные условия для распространения ЦО в связи с экономическим ростом, с тем, что значительная часть жителей крупных городов были переселенцами из сельской местности. Возникла потребность в социальной адаптации в крупных городах, а такая адаптация требовала некой общности, некой принадлежности, некой замены сельским общинам, к которым японцы привыкли. В крупных городах они чувствовали себя потерянными, и как раз новые религии предлагали им моральную поддержку, чувство принадлежности. Неслучайно в 1960-е – 1970-е годы, когда «Церковь объединения» начала развиваться в Японии, как раз этот период сопровождался массовыми миграциями из сельской местности.

Я могу напомнить, что в 1960-е годы был бум новых буддистских сект, новых религий. В частности, это секта «Сока гаккай», которая сейчас, как считается, имеет около 8 миллионов членов в Японии, а в мире их 12 миллионов. То есть это один из примеров того, что новые религии были крайне востребованы в Японии. И «Церковь объединения» воспользовалась этим спросом.

Третий момент, который способствовал появлению и развитию учения, деятельности «Церкви объединения» в Японии – это ее происхождение. Это была корейская секта, а в послевоенном поколении японцев присутствовало чувство вины перед Кореей, потому что Корея была долгое время, порядка 35 лет, японской колонией. И многие японцы того

периода, того поколения чувствовали необходимость как-то искупить свою вину перед Кореей. В этом смысле учение Мун Сон Мёна легло на благодатную почву – Япония представлялась членами его секты виновником, той нацией, которая должна искупить свою вину.

В учении Муна Япония уподоблялась нации «Евы», которая противопоставлялась Корее как нации «Адама». Америка представлялась «архангелом». Коммунистические страны были логовом сатаны, а Корея была линией фронта в войне между добром и злом.

И это простая и понятная схема. Японцы воспринимали вступление в секту как путь к покаянию и возможность смыть грехи, которые допустили их предки. Поэтому они не просто вступали в секту, но жертвовали крупные деньги, и неслучайно «Церковь объединения» собирала порядка 70% своих глобальных доходов именно в Японии.

Если брать современный период, то этот нарратив «нации Адама» и «нации Евы» был заменен на нарратив «нации отца» и «нации матери» самим Мун Сон Мёном. Это связано с тем, что основным финансовым донором «Церкви объединения» являются японцы, поэтому надо было найти более понятный и менее дискриминационный нарратив. Потому что «нация Евы» – это в глазах японцев некоторая дискриминация, некое неравенство, а если речь идет о «нации отца» и «нации матери», то это семья, в которой отец и мать находятся в равноправном положении. То есть это была некая уступка. В газете «Майнити» за 12 ноября 2022 года были обнародованы записи Мун Сон Мёна, в которых он обратился к своим адептам с новым видением нарратива нации. Но все-таки он сказал, что Япония должна пойти на жертвы, что нужно японцам воспитать своих сыновей и дочерей с тем, чтобы даже если они будут принесены в жертву, это будет путем искупления их вины, и тогда Япония не погибнет.

И четвертый момент, который был важен для деятельности «Церкви объединения» в Японии – это покровительство политической власти. С самого начала «Церковь объединения» пользовалась покровительством. В частности, первым таким крупным покровителем церкви был Киси Нобускэ, который патронировал церковь, основываясь на своих антикоммунистических взглядах и антикитайских настроениях в обществе.

Вот этот консерватизм «Церкви объединения» и упор на семейные ценности играл большую роль в этой связке между церковью и политиками. Известно, что какое-то время штаб-квартира «Церкви объединения» в Японии была рядом с личной резиденцией Киси Нобусукэ, который, по его признанию, даже слышал оттуда какие-то песнопения и в какой-то степени одобрял деятельность этой церкви.

Какими практиками пользовалась церковь для рекрутирования своих адептов в Японии?

Наиболее известной практикой является практика духовно окрашенных, или духовных, продаж. По-японски это называется *рэйкан сёхо* (靈感商法). Смысл этой практики заключался в продажах «от двери к двери», то есть в личных посещениях домов японцев, когда адепты секты предлагают им некие товары, в основном корейского производства, убеждая, что все проблемы человека связаны с грехами их предков, и предлагают им купить эти товары по завышенным ценам. Как они говорили, эти товары позволяют обратить вспять карму, то есть спасти себя и своих детей от той кармы и того проклятия, которое несут их предки.

Они предлагали японцам такие товары, как, например, небольшие мраморные кувшины стоимостью несколько миллионов иен каждый, статуэтки Будды, буддистские пагоды, эссенции женьшеня. Например, одна бутылочка стоила 80 тыс. иен (около 610 долл. США по нынешнему курсу), а некоторые покупали до ста и более эссенций, поддаваясь на уговоры торговцев.

В 1980-е годы была сильная критика деятельности этой секты, этой практики, и «Церковь объединения» стала больше использовать другие методы, в частности, хиромантию, гадания. Прежде всего это касалось людей старшего, пожилого возраста, при этом представители церкви при их посещении не раскрывали свою идентичность. Они посещали эти дома просто как некие гадалки, хироманты и т. д. Но суть не изменилась, это были манипуляционные

призывы с предложением помочь уже умершим родственникам, которые страдают. И есть свидетельства, что агенты «Церкви объединения» просматривали колонки некрологов, искали потенциальных клиентов и, посещая родственников умерших, говорили, что их умершие родственники не могут добраться до небес, но можно облегчить их участь путем пожертвований, облегчить их карму.

Эти методы работают и сейчас: есть данные, что с 1987 года за 35 лет церковь собрала около миллиарда долларов таких пожертвований и что пострадавших от этих манипулятивных практик, во всяком случае, исков, поданных в суды, было около 35 тысяч (это открытые данные, это то, что удалось подтвердить). Есть данные, что даже в последнее время, в 2020–2021 годы, рядовые члены «Церкви объединения» заплатили организации в среднем 2,7 миллиона иен каждый. А в некоторых случаях такие регулярные выплаты продолжались десятилетиями.

Куда направлялись эти средства? «Церковь объединения» по всему миру организовывала свою деятельность, прежде всего это Южная Корея, но и, например, США, где было несколько компаний, аффилированных с этой церковью. Было обнаружено несколько проектов, например, еще в 1981 году был широко популяризован проект, предложенный лично Мун Сон Мёном, о строительстве тоннеля между Японией и Кореей. Это крупный проект: буквально в этом году в одной из газет появилась информация, что был куплен участок на Кюсю, который по размерам равен 10 стадионам Tokyo Dome, и что он был куплен на пожертвование в размере 10 миллиардов иен, т. е. около 75,5 миллионов долларов, от группы, которая связана с «Церковью объединения», «Семейной федерации за мир и объединение во всем мире», и что реально начались работы по геологическому исследованию возможности постройки этого тоннеля между префектурой Сага и Южной Кореей. Это такой мегапроект, который реально имел шансы быть реализованным, и он еще не снят с повестки дня.

Я уже упомянул строительство автомобильного завода в Северной Корее или «Парка мира» площадью 1200 гектаров на месте рождения Мун Сон Мёна. Это гигантские проекты, куда предполагалось пустить эти деньги. Не единственные, конечно, но какие-то коммерческие крупные проекты, куда эти деньги и предполагалось направить.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, это связи с политическим миром. Здесь будут высказаны какие-то соображения, но я хотел бы в ретроспективе показать, почему именно «Церковь объединения» была столь успешной.

На этом слайде видно, что примерно половина японских парламентариев от ЛДП имели какое-то отношение к церкви, включая даже нынешнего спикера нижней палаты. Но если брать лично Абэ Синдзо, то постулаты церкви, конечно, резонировали с консервативной идеологией, которую он представлял. Это упор на семейные традиции, консерватизм, на семейные ценности и так далее. Но было еще важно то, что «Церковь объединения» оказывала серьезную помощь Либерально-демократической партии на выборах, адепты этой церкви выступали членами «обществ поддержки» на выборах, что позволяло мобилизовать голоса в общенациональном или пропорциональных избирательных округах, где не хватало небольшого количества голосов. Именно «Церковь объединения», о чем уже имеются многочисленные свидетельства, организовывала абсолютно бесплатно для этих политиков работу по мобилизации избирателей.

И про юридическую сторону деятельности церкви объединения: почему вокруг «Церкви объединения» и связи ее с законодателями такой ажиотаж? Дело в том, что эта деятельность в противоположность многим стереотипам не противоречит японскому законодательству, потому что церковь – религиозная организация, никто не запрещает ей вести политическую пропаганду. Не запрещает участие в политике, на выборах, хотя есть соответствующая статья в Конституции о том, что ни одна религиозная организация не должна получать каких-либо привилегий от государства или осуществлять какую-то политическую власть.

Но проблема в том, что политики скрывали свои связи с «Церковью объединения», они предпочитали не раскрывать факты, когда они получали какую-то организационную поддержку от этой группы, а намеренное сокрытие этих связей наносит ущерб общественному благу.

Еще я хотел бы сказать, что в Японии этот феномен имел большой общественный резонанс, и в декабре 2022 года был принят специальный закон, который ограничивает сбор пожертвований религиозными и другими подобными группами, и сейчас обсуждается тема возможного роспуска «Церковью объединения». Есть закон о религиозных корпорациях, по которому суд может постановить отмену юридического статуса религиозной организации, религиозной корпорации, если эта корпорация осуществляет действия, которые наносят существенный ущерб общественному благосостоянию.

То есть речь идет о том, чтобы фактически распустить религиозную организацию. И это положение дважды в Японии использовалось в истории. Один раз это было в 1995 году, когда была распущена секта «Аум синрикё», и во второй раз – в 2002 году, когда была ликвидирована небольшая организация «Микакудзи», которая тоже занималась продажами «от двери к двери».

Главная проблема в том, что, если организация не хочет быть распущенной, она должна будет защищаться, а для этого в суде ей придется обнародовать свою внутреннюю информацию, в том числе касающуюся связей с политическим миром, чего многие политики очень не хотели бы допустить. В этой связи можно предположить, что организация просто самораспустится, чтобы не допустить обнародования такой нежелательной информации. Но в реальности, даже если будет суд и аннулируют статус правовой религиозной организации, сама эта организация может продолжить свою деятельность уже не как религиозное юридическое лицо, а просто как общественная организация. Запретить эту организацию как таковую даже японский суд не может.

Нака К.О.

Добрый день, я очень рада участвовать и видеть тех, кого я знаю и тех, кого я очень давно не видела. Тема моего выступления — это не столько политический аспект произошедшего, сколько социальный, общественный, но полностью не затрагивать политическую часть, наверное, у меня не получится. Потому что эта проблема возникла именно в политическом контексте. Но тем не менее я постараюсь концентрироваться все-таки на том, какое социальное значение имело то, что общество и политики вынуждены были говорить об этой проблеме.

Для Японии до прошлого года ситуация выглядит так, как будто эта проблема никогда не существовала, и вдруг она возникла. Если судить по средствам массовой информации, то факт, что больше половины депутатов от ЛДП, оказывается, связаны с этой церковью, преподносится как нечто неожиданное.

В то же время, в том числе, и по моему собственному опыту, должна сказать, что до убийства Абэ в политических кругах и бизнесе никто особенно не скрывал свои связи с «Церковью объединения», и эти связи существуют достаточно давно.

Что касается общественного резонанса, то, о чем до сих пор в Японии практически не говорили, это проблема «*нисэй*» (2^世, «второе поколение», в более широком смысле - потомки). Это слово «*нисэй*» я, во всяком случае, слышала до сих пор в контексте *хибакуся* – детей и внуков людей, пострадавших от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, или в контексте японцев, эмигрировавших в Латинскую Америку. В контексте религиозной организации как обозначение детей из семей адептов религиозной организации, я до сих пор это выражение не слышала. После убийства Абэ в отношении этих детей события стали развиваться достаточно быстро.

Во-первых, был принят закон о помощи пострадавшим от религиозных организаций. Также была создана организация из бывших *нисэй*, которая объединяет молодых людей, пострадавших не только от ЦО, но и от других религиозных организаций.

Японское общество испытало шок от тех фактов, которые стали известны. Понятно, что детям, которые выросли в этой среде, очень сложно вырваться из организации, которая давит, которая запугивает. Они в этом выросли, им сложно критически к этому относиться.

Но и не только это. Например, выяснились такие факты, что дети вырастают в семьях, где практически весь доход идет в организацию, дети живут в нищенских условиях, подвергаются издевательствам в школе просто потому, что они плохо выглядят. Они плохо едят, они чудовищно плохо одеты – это действительно уровень за гранью бедности.

Еще одна проблема, о которой я до сих пор не слышала, это существовавшая в «Церкви объединения» система приемных детей, когда парам, которые могли иметь детей, рекомендовали, если у них уже были свои дети, и они больше не собирались их иметь, завести парочку, или одного, или трех детей «лишних», которых можно будет отдать в те семьи, у которых нет детей. Это звучит, наверное, не так страшно, если смотреть на это со стороны. Но с точки зрения самих этих людей, которые родились только для того, чтобы у бездетной пары появились дети, которых можно будет воспитать в духе организации – это колоссальная психологическая травма, когда они узнают, что они приемные, но не знают, кто их родители. Они задают вопрос: а зачем я вообще родился, какой в этом был смысл? Я родился для того, чтобы у какой-то семьи был ребенок. Меня родители родили и бросили, отдали куда-то.

Таких рассказов по японскому телевидению в конце лета – начале осени было очень много.

Запомнилась пресс-конференция одной из бывших верующих, у которой родители верующие и которой с колоссальным трудом удалось оттуда уйти, в основном благодаря усилиям ее мужа. И даже в ходе самой этой пресс-конференции родители и «Церковь объединения» бомбардировали пресс-центр факсами о том, что у нее психические отклонения, психическое заболевание, которое выражается в том, что она все время врет, призывали не слушать ее и не верить тому, что она говорит. Девушка, несмотря на это давление, продолжала рассказывать то, что считала нужным. В какой-то момент она признала, что у ее действительно были проблемы с психикой из-за «Церкви объединения», но сейчас она полностью здорова, и справиться с этим ей помог муж, а в конце просто расплакалась.

Надо понимать, что, по всей видимости, и закон, который был принят, и организация из людей, которые пострадали от этого – это очень важное начинание, потому что, судя по всему, то, что успело просочиться в СМИ – это всего лишь верхушка айсберга: почти все бывшие адепты «Церкви объединения» говорят, что испытывают определенные психологические проблемы – от психологической травмы до панических атак. На детскую психику влияет то, что их запугивают, что за любую провинность им угрожают адом, существует масса запретов и табу: телевизор смотреть нельзя, журналы читать нельзя и так далее.

Есть еще один момент, который вызывает опасения. Мне бы очень хотелось, чтобы этого не произошло, но несколько раз от молодых японцев я слышала в связи с мотивами убийства Абэ и последующими событиями по разоблачению «Церкви объединения», что получается, что убийца в конечном счете добился своего. То есть полвека никто этой организацией особенно не занимался, и надо было, чтобы произошла такая трагедия, чтобы начали разбираться, начали выяснять, кто связан с этой церковью, какие у нее связи в политике.

Я пару раз слышала такое мнение, что получается, что Ямагами, убийца С. Абэ, своего добился. Меня этот момент очень настораживает, потому что мы знаем, что японское общество – это общество с менталитетом прецедента. Очень бы не хотелось, чтобы кому-то запало такое зерно в голову, что если ты не можешь решить какую-то проблему, привлечь внимание общества, политиков, организаций, средств массовой информации к какой-то

серьезной проблеме, то сделай обрез, и о твоей проблеме сразу же все узнают. Этот момент очень настораживает.

Что касается связей с политиками, это не только ЛДП, это и Комэйто, это и оппозиция – Риккэн (Конституционно-демократическая партия) и другие. Исключение – Коммунистическая партия, что объяснимо, и относительно молодая партия Рэйва, так как они еще не успели обрести никакими связями. А у всех остальных партий есть ряд депутатов, ряд политиков, которые имеют отношение к этой организации.

ЛДП говорит, что не может ничего утверждать относительно связей Абэ с этой организацией, потому что он умер, и нет возможности у него это спросить. И официальные СМИ эту тему не афишируют и не педалируют. Но если чуть-чуть покопать вглубь, то проскальзывают какие-то заявления членов руководства Церкви объединения о том, что связи с Абэ были, и это не только единичное видеообращение, видеоприветствие, из-за которого Ямагами решился на убийство. Некоторые руководители «Церкви объединения» еще при жизни Абэ сравнивали его со «столбом для рекламных объявлений» организации, настолько тесными были эти связи.

То есть, ни в коем случае не оправдывая Ямагами и то, что он сделал, но получается, что ему не что-то померещилось, а для его выводов о связях Абэ с «Церковью объединения» все-таки были основания. Это не означает, разумеется, что можно оправдать такой способ решения проблемы.

И еще из того, что обсуждается в СМИ: по всей видимости, к лету будет заявлено о роспуске организации. Но, судя по косвенным данным, у «Церкви объединения» есть двойная бухгалтерия, поэтому даже если их заставят представить все свои списки пожертвований, финансовой деятельности, это далеко не означает, что мы узнаем какую-то истину о том, кто, как, где и что им платил и как был с ними связан.

Нелидов В.В.

Скандал вокруг «Церкви объединения» продолжается и сейчас, регулярно появляются новые сведения о том, что тот или иной политик, как выясняется, был связан с ней. Поэтому, вместо того чтобы просто пересказывать сообщения о том, что тот или другой представитель либо правящей партии, либо других партий был уличен в связях с «Церковью объединения», я хотел бы поставить два принципиальных вопроса. Во-первых, почему вообще такая ситуация стала возможной в японском обществе и почему она дошла до таких масштабов. Во-вторых, как этот скандал повлияет на будущее японской политики.

Говоря о первом вопросе, как мне кажется, удобно ситуацию разделить на два уровня: уровень общества и уровень политического мира. Безусловно, они взаимосвязаны. Но, с одной стороны, именно специфика японского общества повлияла на то, что в Японии в принципе могла существовать такая организация, как «Церковь объединения», причем это не единственная подобная религиозная структура с весьма неоднозначной репутацией. С другой стороны, причины того, почему «Церковь объединения» смогла оказывать такое влияние на политический мир, лежат в немного иной плоскости – плоскости политики.

Что касается первого вопроса о том, почему в Японию пришла «Церковь объединения» и почему она и подобные ей «новые религии» смогли набрать такую силу и такие ресурсы, то это во многом связано с теми трансформациями, через которое прошло японское общество в послевоенный период. При этом стоит подчеркнуть, что проблемы японского общества, сделавшие возможной такую ситуацию, никуда не делись и, может быть, в некотором смысле в последнее время стали еще более острыми. Здесь Япония не исключение, а скорее один из наиболее ярких примеров того, как в постиндустриальном обществе ключевой проблемой

становится социальная изоляция, отчуждение, свойственное самым разным социальным группам. Многие проблемы современного мира и в других странах связаны с этим. Можно провести параллели с тем, что происходит на Западе, например, в Соединенных Штатах, где, как известно, подъем так называемых «альтернативных правых» тоже во многом был связан с тем, что значительная часть населения чувствовала себя брошенной, покинутой, одинокой и поэтому искала себя в подчас радикальных течениях. В Японии, безусловно, тоже есть это явление, когда фрустрацию и изоляцию испытывают многие молодые и необязательно молодые люди.

Один из примеров того, как это проявляется не только в религиозной сфере – «*нэтто уёку*» (ネット右翼), в дословном переводе «сетевые правые». Это феномен того, что в японском интернете на различных онлайн-форумах есть множество пользователей, высказывающих крайне националистические взгляды, причем их политическая активность, как правило, ограничивается только интернетом. В этом смысле они коренным образом отличаются от тех активистов японских ультраправых движений, которые действуют в реальном мире. Эти люди, «сетевые правые», возможно, даже не рассказывают о своих взглядах своим знакомым и никак не проявляют свои взгляды в повседневной жизни, но ограничиваются дискуссиями в интернете, являясь в некотором смысле «латентными ультранационалистами» или даже в некоторых случаях «латентными фашистами».

Но вернемся к теме религии. Если мы посмотрим, к примеру, на такую печально известную деструктивную секту, как «Аум синрикё», то мы увидим, что практически все ее члены — это молодые люди, часто с высоким уровнем образования, которые в результате испытываемых ими чувств социальной изоляции и собственных духовных поисков приходили в эту деструктивную организацию.

Подобное имело место быть в случае с «Церковью объединения», когда, особенно в период пандемии COVID-19, они активно занимались рекрутингом новых членов в различных сетевых сообществах. Потом, если они видели, что потенциальная жертва испытывает интерес к их тезисам, они приглашали ее на встречу в оффлайне и таким образом пополняли свои ряды.

В Японии все это накладывается на то, что можно назвать религиозным вакуумом, о котором уже было сказано в первом докладе. В этом плане Япония отличается от стран, где есть институционально более крепкие организованные религии, в частности стран Запада, где есть христианство, некий религиозный мейнстрим, и поэтому в этих странах неортодоксальные религиозные движения воспринимаются с гораздо большим подозрением. В Японии же этого нет, и даже если мы посмотрим на тот же самый буддизм, то в нем нет никакого мейнстримного течения, но есть только множество различных течений, школ и сект. Поэтому отстоящие немного дальше от нормы религиозные течения имеют более благодатную почву в Японии, чем в других странах. Это то, что можно сказать о специфике японского общества.

Скажу несколько слов и о политическом аспекте. В этом плане вопрос заключается в том, почему такой организации, как «Церковь объединения», а также некоторым другим религиозным организациям, к примеру, «Сока гаккай», имеющей неформальные, но тесные связи с партией «Комэйто», удается, несмотря на то, что они не представляют большинство японского населения, обладать таким значительным политическим влиянием. Дело здесь не только и не столько в личных духовных и религиозных исканиях японских политиков. Вряд ли можно предположить, что все эти члены ЛДП, которые так или иначе имели связи с «Церковью объединения», искали Бога и в результате только этого установили связи с этой церковью.

Речь здесь скорее идет о некоторых институциональных особенностях японской политической системы и в частности японской избирательной системы, а также японской партийной системы. Большинство японских политических партий и правящая ЛДП в наибольшей степени не имеют какой-то четкой и последовательной идеологии, являются тем, что в политической науке называется партиями избирателей. Они претендуют на

представительство всего общества, выступают, если говорить простыми словами, за все хорошее и против всего плохого и потому не могут опереться на какую-то однозначную группу влияния или какую-то однозначную группу поддержки. Соответственно, каждый политик вынужден самостоятельно создавать такую коалицию поддержки.

В этих условиях, когда приходится привлекать на свою сторону максимум возможного количества избирателей, особенно важным способом агитации становится работа, нацеленная не только на индивидуальных избирателей, хотя она тоже важна, но и на различные общественные организации. Именно поэтому японские политики уделяют такое внимание во время своей предвыборной деятельности взаимодействию с самыми разными общественными организациями – объединениями предпринимателей, различными профсоюзами, общественными, культурными и прочими ассоциациями. Дело в том, что, заручившись поддержкой организации в целом, они заручаются поддержкой всех ее членов.

Особенно выгодным союзником для политиков становятся именно религиозные организации за счет того, что их участники особенно дисциплинированы. Получив поддержку религиозной общины, политик может уже с почти стопроцентной вероятностью ожидать, что верующие поддержат его на выборах.

Именно поэтому для политиков и, в частности, для ЛДП с точки зрения электоральной политики ценными союзниками являются религиозные организации. Но и сама «Церковь объединения» прикладывала огромные усилия для расширения своего влияния и не жалела для этого ни сил, ни средств, отличаясь при этом значительной неразборчивостью. Как уже упоминалось, она была готова взаимодействовать даже с КНДР, а в Японии ее усилия охватывали практически весь спектр японского политического мира.

Добавим к этому и то, что политики из ЛДП во многом разделяли консервативные взгляды «Церкви объединения», а в случае с Абэ это наложило и на его семейные традиции.

Подводя итог, хотел бы попытаться кратко дать оценку тому, какова сейчас ситуация с этим скандалом в японской политике, и тому, каковы могут быть ее перспективы.

Безусловно, этот длящийся уже полгода скандал нанес очень серьезный репутационный урон ЛДП, поскольку избиратели относятся к подобным ситуациям очень нервно. Помимо всех негативных моментов, связанных конкретно с «Церковью объединения», играет роль и то, что японцы достаточно подозрительно относятся к любой организованной религии.

Связано это и с болезненной исторической памятью о временах, когда существовал культ государственного синто, который ассоциировался с японским милитаризмом. Связано это и с трагедией терактов, организованных сектой «Аум синрикё» в 1990-х годах. Но, несмотря на этот серьезный политический урон, который понесла ЛДП, рискну предположить, что, хотя скандал, возможно, и будет развиваться дальше, но критическим, смертельным этот удар для ЛДП не будет.

Во-первых, японская политика работает так, что ее регулярно сотрясают различные скандалы, как правило, коррупционного свойства, ставшие уже почти обычным делом. В этом смысле подобная ситуация, когда речь идет не об «обычной» коррупции, а о связях с религиозной организацией, является скорее исключением, чем-то достаточно экзотическим для японской политики. Но, с другой стороны, благодаря тому, что ЛДП опирается на уже сложившуюся формальную и неформальную институциональную структуру японской политики, а не какие-то отдельные персоналии, то, даже если вскроются какие-то дополнительные факты, самое худшее, что может произойти – это отставка правительства Кисида.

При этом далеко не гарантировано, что дойдет и до этого. Учитывая слабость японской оппозиции и то, что практически все ключевые оппозиционные партии, то есть и Конституционно-демократическая партия, и Общество обновления Японии, также замешаны в этом скандале, можно сказать, что в нынешней ситуации японская оппозиция вряд ли сумеет укрепить свои позиции за счет ЛДП.

Да, это стало дестабилизирующим фактором, который будет достаточно болезненным. Но, может быть, он послужит тому, что впредь японские политики будут вести себя более осторожно во взаимодействии с религиозными организациями. Поэтому, если вставать на позицию японцев, этот скандал может послужить даже в некотором смысле оздоравливающим фактором, способствующим повышению прозрачности японской политики и повышению подотчетности политиков перед публикой, перед своими избирателями.

В этом смысле хотелось бы этот позитивный вывод сопоставить с тем негативным выводом, о котором сказала Ксения и который заключается в том, что создается достаточно страшный прецедент, что политическое насилие с точки зрения каких-то представителей японского общества может стать если не легитимным, то, во всяком случае, эффективным методом.

Таким образом, как всегда это и бывает, любая подобная сложная ситуация имеет какие-то свои плюсы и минусы. Но к радикальному слому японской политической системы или даже к неизбежному падению правительства и смене власти это, скорее всего, не приведет.

Саркисов К.О.

Я хотел бы заострить внимание на следующих вещах. Я живу в Японии и, готовясь к этому вебинару, специально включил NHK и стал смотреть выступление в парламенте, дебаты, надеясь, что я смогу что-то такое почерпнуть и смогу с вами поделиться этими впечатлениями. Ничего особенного сегодня не было. С ежегодным политическим докладом 23-го числа в парламенте выступал Кисида. Он умело построил свою речь, и только, по-моему, 18-м пунктом шла проблема «Церкви объединения». Другие проблемы заслоняют эту проблему, она не такая, как кажется поначалу, острая. Ни социально, ни в каком-то другом отношении.

Готовясь к выступлению, я пытался ответить на несколько таких радикальных, главных вопросов. И первый вопрос – мы в выступлениях все время говорили о религиозном факторе, но дело в том, что «Церковь объединения» – это не религия. Это то, что называется сектой или сектантством. Возможно, это чисто формальный подход, но он очень продуктивный, потому что дает нам ключ к пониманию того, что происходит. Нет сомнения, это секта.

Я внимательно посмотрел ежегодник по религиям прошлого года. Там, конечно, много статистики, но самое главное – это классификация, а классификация заключается в том, что религиями фактически в Японии считаются всего лишь три. По числу зарегистрированных учреждений это в первую очередь синто, затем – буддизм, и третье – христианство.

Совершенно очевидно, что они все делятся на школы, на какие-то ветви. А «Церковь объединения» и все остальные – их огромное количество, их сотни. Это все секты. Это все то, что тоже признается в Японии как культовые организации, тоже регистрируется. Они получают определенные привилегии как культовые организации. Но это не религии в строгом смысле этого слова. Они происходят из них. Они смешивают их, как хотят. Но это культы, которые признаются и регистрируются государством как проявление религиозности, свобода которых гарантируется конституцией. Но это не синто, не буддизм и не христианство, они не занимают эту основную нишу практикуемых в Японии религий.

В названии этих сект, как правило, присутствует компонент «кё» (教). Но его смысл – «вера», а не «религия». Они занимают свои ниши в японском обществе как «верования», пользуясь конституционными, особенно послевоенными свободами.

Дело в том, что секты существовали в каждой религии, были буддийские секты, секты христианские и даже синтоистские.

Все они были сектами, и, кстати, до войны они делились очень четко и определенно. Отношение государства к религиям и сектам было четким. Религии относились к ведению

Министерства культуры и образования, а секты – Министерства внутренних дел, которое занималось полицейским надзором.

Я со многими разговаривал, готовясь к нашим сегодняшним выступлениям, с друзьями, знакомыми японцами, и они соглашались со мной в самом главном. Японцы крайне нерелигиозны. Удивительно, но японцы в этом отношении не какие-то особенные. К нациям более «нерелигиозным» относятся китайцы. В Китае 80 с чем-то процентов на вопрос, исповедуют ли они какую-то религию, отвечают отрицательно. В Японии около 70 процентов.

Это очень важно для понимания того, что происходит с религией в Японии. Отношение к религии – это не отношение к какой-то философии или доктрине. Это не глубокая вера в то, как устроены Земля и Вселенная, и в того, кто ими управляет. Это больше отношение к религии как к элементу культурной и социальной жизни. Это восприятие религии как какой-то традиции, но ни в коем случае это не какая-то философская доктрина. Нет, только 30% японского населения воспринимает религию доктринально, то есть как понимание того, что происходит в мире, вокруг тебя и так далее. И это очень важно.

Вы помните ту попытку Хантингтона определить 9 цивилизаций, где Япония, японская культура была отдельно. Критерии, которыми он оперирует, условные, он смешивает их, и поэтому многие критикуют эту теорию цивилизаций. Тем не менее, японская культура не имеет строгого религиозного компонента. Есть культура исламская, православная, есть западные культуры, которые тоже основаны на христианстве. А японская культура не имеет этого религиозного состава.

Дальше я хотел бы подчеркнуть свою идею того, что где-то в одном из исследований, может быть, даже в том же самом ежегоднике по религиям я нашел фразу, которая говорит в пользу того, что я пытаюсь доказать. В принципе, это деление всех верований на религии и культы, которые называются «новыми религиями». Фраза, на которую я обратил внимание: «новые религии» – это эвфемизм, это красивое определение того, что всегда называлось куклами. К этому и нужно относиться именно так. А поскольку это не настоящая религия, которая уходит корнями глубоко в прошлое, то к этим культам добавляется самая различная активность – социальная, экономическая, политическая и так далее.

Они не настолько зарегулированы, как какая-то определенная религия со своими канонами, традициями и так далее, и они очень легко приспосабливаются к быстро меняющимся социальным и политическим условиям. Отсюда эта их динамичность. Надо отдать должное – они очень активно пользуются тем самым вакуумом, о котором шла речь. Они заполняют его. Они очень активные, они иногда чрезвычайно активные, мне иногда на улице они попадаются, меня тоже берут в оборот, то, как у Ильфа и Петрова, начинают «охмурять» потихонечку. И причем действуют великолепно. Это потрясающая технология привлечения на свою сторону.

Но проблема заключается в одном, на опыте того, что произошло с «Аум синрикё». Вопрос в том, насколько каждая секта в ладах с законом. Все секты ходят по краю. Навязывание своей воли, насильственное воздействие – все это близко к нарушению уголовного законодательства. Ксения говорила о *нисэй*, это серьезная проблема. «Второе поколение» – это ребята, которые не хотят походить на своих родителей, но они уже попали в эту обойму и выйти из нее очень сложно и трудно. Здесь очень много нарушений уголовного законодательства. Конечно, это все на грани. Все переплетено – политические, социальные интересы той же самой партии. Это было видно и 23-го числа, когда выступал Кисида со своей программной речью. Недавно в газетах появилось интервью Хосино, который близок с церковью через Абэ. Он отрекся от того, что у него были связи с церковью, но несомненно пользовался ее услугами, чтобы набирать как можно больше голосов. Проблема только в одном: эти организации остаются. «Аум синрикё» физически существует. Ее лишили статуса юридического лица, но не закрывали, не объявляли вне закона. Это та атмосфера,

в которой существует политическое, социальное и прочее общество в Японии. Никто их запрещать не будет, но проблема в том, насколько они в ладах с законом. Здесь очень тонкая грань. Я думаю, что это будет продолжаться еще долго.

В завершении своего выступления хочу сказать, что это проблема духовного вакуума. Они появляются и действуют там, где не действуют нормы, узаконенные или имеющие традиции, солидные духовные религиозные вещи. Это термометр, это определение температуры социального и политического организма, который называется японское общество.

Добровольский В.Н.

Наш семинар называется «Церковь объединения в Японии как феномен». Но из всех предыдущих высказываний вытекает, что это не феномен и не что-то, свойственное только Японии. Как уже было сказано, нечто подобное есть и в других странах. Скорее важно говорить о «новых религиях», об их проблемах, достаточно вспомнить, что и сам основатель «Церкви объединения» Мун Сон Мён сидел по уголовным делам.

Но то, что отличает Японию от других стран – это то, что эта ситуация воспринимается там особенно резонансно. И так обстоит дело не только с церковью Муна, но и со многими радикальными структурами, которые позиционируют себя как религиозные, но на деле являются – и здесь я согласен с Константином Оганесовичем – псевдорелигиозными, более того, часто работающими в обход законодательства. Законодательство на этот счет в Японии весьма либерально, оно дает в первую очередь освобождение от налогов, но оно запрещает маскировку, и там прописано, что религиозные организации не могут заниматься вещами, не связанными с религией, хотя это и легко обойти. Так, церковь Муна создала свой фонд, который занимался деятельностью, от которой хотела отмежеваться сама церковь. На это смотрят сквозь пальцы, и поэтому это нормально.

Хотел бы напомнить, что это было связано и с Россией. Дмитрий Викторович перечислял зарубежных деятелей, на которых выходил Мун. Он встречался с М.С. Горбачевым в 1990 году, есть видеозаписи, где Раиса Максимовна Горбачева встречала преподобного Муна, и они вместе обедали. В Москве в то время проходил медиафорум World Media Conference. Горбачев принимал Муна в своем кабинете. Но Мун воспринимался как представитель прессы, и Горбачев обращался к нему именно так. Я сам смотрел это видео, оно выложено на YouTube, и там можно посмотреть встречи Горбачева с Муном.

Я согласен с Дмитрием Викторовичем, что одну из причин можно искать в этой неортодоксальности, точнее, всеядности религиозного восприятия японцев, их широте восприятия и, главное, ощущению религии не как совокупности догматов, а как системы морально-этических ценностей, что тоже имеет свою традицию и восходит к конфуцианству и даосизму.

Сейчас часто приводят цифру в 74% японцев, которые говорят, что они не религиозны. Я читал этот опрос, он 2018 года, так что он уже немного устарел. Кроме того, он был составлен специфическим образом, и здесь стоит вспомнить, как проходят в Японии опросы, в частности, профессор Чугров уже рассказывал об этом два года назад. Я бы добавил только к числу составляющих, влияющих на ситуацию с этой церковью, традиционное для японской культуры уважительное отношение к смерти. Во всяком случае, оно особое даже по сравнению с другими азиатскими странами. Смерть не считается трагедией. Всё это закладывает основу для довольно широкого распространения влияния всех псевдорелигиозных, сектантских учений и культов. Потому что сознание японского общества – и я пытаюсь найти корни этого в социальной психологии – не отягощено или не сдержано, если более вежливо, приверженностью к ценностям и принципам. Плюс социальная изоляция, о которой говорил

Владимир Владимирович. Это, как мне кажется, требует очень настороженного внимания, потому что на белом листе такого сознания можно самое разное написать, и мы об этом говорили на конференции Ассоциации японоведов на секции по исторической памяти два года тому назад. Соответственно, эти организации не религиозны, они заявляют о своей религиозности только потому, что из-за этого им налоги платить не надо. Это по сути общественная организация, как их и называли в Советском Союзе. Так, например, «Риссё косэй кай» и «Сока гаккай» назывались международными общественными организациями, когда еще даже не существовало «Soka Gakkai International».

Это на деле указывает на использование такими организациями финансовых, а также нажимных методов манипулирования социально изолированными слоями. На нас это не действует, как Ксения рассказала, и наши студенты, оказывающиеся там на стажировках, понимают это. Но я бывал в низовых ячейках подобных организаций, не у Муна, но в других «новых религиях», и я видел, как там происходит «промывка мозгов». Члены этих организаций платят взносы сами, но и получают что-то, и там есть обратные денежные выплаты. Когда разговариваешь с ними, видишь, что они не делают особенный акцент на то, что они члены организации. Но вот какой урон для психики люди получают после такого «воспитания» – это очевидно по убийству Абэ.

Поэтому дело в социальной психологии японского общества, которая требует к себе внимания в исследованиях японоведов, и это не будет схоластическое исследование. Потому что, во-первых, это чревато эксцессами. Убийство Абэ – это только один пример, «Аум синрикё» – это еще одна трагедия, еще свежая в памяти. То есть на определенном этапе все эти опасности могут угрожать основам общества, если они перерастают в теракты, в зависимости от организации. Но даже без этого деятельность таких радикальных псевдорелигиозных организаций несёт в себе скрытую политическую угрозу захвата власти, хотя они все как один это отрицают, и лишь одна «Аум синрикё» постулировала, что она возьмёт власть. Муниты (их называют в Америке «moonies»), предпочитают говорить о расширении своего влияния на политические партии. Но в японскую прессу это редко просачивается, а вот в западной прессе встречается информация о готовности этих организаций к какому-то «часу Ч». У них есть инфраструктура, есть «спящие» боевые спортивные отряды, которые до 1970-х годов проводили свои масштабные фестивали, пока им власти не погрозил пальцем и не сказали, чтобы они это прекратили. Есть у них и система оперативного оповещения ячеек адептов, есть «спящая» телесеть, я сам видел одну такую – она выявлялась полицией как несовместимая с религией, поэтому она и «спящая», она не работает.

Все это требует внимательного и настороженного отношения применительно к Японии и всем другим странам, где существуют такие сектантские организации.

Лебедева И.П.

Хочу поблагодарить всех выступавших, были замечательные совершенно доклады, очень интересно было слушать, очень много нового я для себя узнала. Но у меня вот какой вопрос ко всем участникам: не слишком ли преувеличен аспект использования политическими деятелями возможностей этой организации для увеличения числа своих потенциальных избирателей? Давайте сопоставим две цифры, Дмитрий Викторович говорил, что в последние годы есть примерно от 50 до 70 тысяч последователей этой церкви. Плюс есть ещё члены семьи внутри секты, где-то 300–400 тысяч человек. Если сопоставить это с числом японских избирателей – это совершенно незначительная часть. Не слишком ли преувеличен аспект? Проблема сложная, очень многослойная.

Стрельцов Д.В.

Я хотел бы еще две вещи сказать в ответ на то, что Василий Николаевич ответил по поводу того, что это не феномен. Это феномен, и у проблемы «Церкви объединения» есть несколько таких уникальных черт, которые позволяют говорить о том, что это значимое социальное явление.

Феномен – это значимое общественное явление. Во-первых, отвечая на вопрос Ирина Павловны, дело в том, что у этой организации есть фактически феноменальные связи с политическим миром. Да, у многих религий есть связь с политическим миром. Конечно, «Сока гаккай» – это отдельный случай, там 8 миллионов членов. Но здесь мы видим, что половина членов парламента со стороны правящей партии имела какие-то связи с «Церковью объединения», они участвовали в мероприятиях этой церкви, понимая даже, что это не всегда способствует их имиджу.

Здесь я хотел бы сказать, что речь идет не о том, что члены этой секты голосуют за кого-то. Конечно, это мизерный вклад. А в том, что это отряд дисциплинированных активных членов этих «обществ поддержки» и прочих организаций, которые организуют абсолютно бесплатно избирательную работу, которая стоит огромных денег. И, тем не менее, они это делают бесплатно, и многие члены ЛДП (об этом было множество признаний, в том числе и в публичном пространстве) принимают это как должное. И есть признание Абэ, что он ценил это, и в таких пограничных избирательных округах, где для победы правящей партии не хватало немного голосов, он напрягал свои связи с этой церковью, давал прямые распоряжения, чтобы обеспечить помощь с ее стороны.

То есть здесь не механический подход, не математический, а реальное влияние этой церкви на политический мир. Оно действительно феноменально и трудно назвать другую такую организацию. И масштабы, связанные с этой церковью, тоже поражают воображение. Я уже привел пример, что был собран, пусть и за длительный период, миллиард долларов. Это то, что попало в публичное пространство. Это ущерб, который понесли рядовые адепты этой секты, этой организации – и это верхушка айсберга. Есть еще какие-то феноменальные вещи. Например, то, что эта церковь иностранная. Обратите внимание, это не японская организация. Это организация другой страны, это корейская структура, которая пришла в Японию и использовалась в интересах Кореи. 70% бюджета «Церкви объединения» – японского происхождения, а основная часть денег идет в Корею, они не в Японии используются. Есть свидетельства, что южнокорейское Центральное разведывательное управление активно использовало возможности этой организации для продвижения своих целей, для сбора информации, борьбы с коммунизмом и так далее.

Это тоже уникальный случай и другой такой организации нет. Хотя в Японии имеется феноменальное число различных религиозных, псевдорелигиозных организаций.

Я прочитал, не знаю, можно ли верить этой цифре или нет, что в Японии насчитывается 180 тысяч различных групп такого рода. Трудно в это поверить, но это значит, что есть одна подобная организация на 700 японцев. Это колоссальное количество различных религиозных организаций. Наверное, Япония является уникалом, страной феноменальной в этом смысле, и о причинах этого мы говорили. Феномен «Церкви объединения» в Японии привлекает внимание не только к самой этой организации, но и вообще к проблеме японской религиозности и деятельности новых религий.

Нака К.О.

Я хотела бы, собственно, на сам вопрос постараться ответить, как я его вижу. Я согласна с предыдущим докладчиком, что на это совершенно нельзя смотреть чисто математически, арифметически, учитывая полную пассивность особенно молодежи на выборах.

Я могу рассказать пример из жизни. Моему сыну 20 лет, он единственный из своих друзей, кто ходит голосовать и то под влиянием домашнего воспитания, что это гражданский долг. Он говорит, что многие удивляются, говорят: «ты что, сумасшедший? зачем тебе это надо?»

На этом фоне даже 70 тысяч хорошо организованных и дисциплинированных людей, которые знают, что они делают, это много. Много даже не сами 70 тысяч голосов, а организация. Это тот самый случай, когда побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кому больше надо. Им надо, их организовали, они уже фактически в любой момент находятся в состоянии «под ружье». Это, должно быть, мощная сила, и то, что они во всех партиях кроме, пожалуй, коммунистической, это тоже о многом говорит. Сейчас я бы не взялась назвать какую-то другую организацию, которая была бы вхожа во все парламентские партии, я такой не знаю.

Романова И.А.

Мне тоже представляется, что это достаточно серьезный вопрос для Японии и японского общества.

У меня такой вопрос. По-моему, В.В. Нелидов, выступая, сказал, что японское общество в своей политической жизни известно различными коррупционными и иными скандалами, которые японская общественность, в той или иной степени выступая против, не соглашаясь, но «съедает», а ЛДП остается у власти. Вот и инцидент с «Церковью объединения» пройдет более или менее. Он, конечно же, замечен, но не вызовет именно такого резонанса, который бы повлиял на то, что ЛДП потеряет власть. И вот прозвучало, что Кисида выступал в парламенте, и вопрос «Церкви объединения» не занял приоритетного места в выступлениях премьер-министра.

Сегодня все участники, все коллеги подчеркнули, и я абсолютно согласна, исходя даже из своего скромного знания этого вопроса, что вопрос религиозных организаций, сект, новых религиозных организаций и их связи с политическим миром, с ЛДП, с оппозиционными партиями очень важен. Корни этого очень глубоки.

Прозвучало мнение, что, скорее всего, эта секта то ли самораспустится, то ли ее приведут к тому, что в соответствии с законом она должна будет распуститься.

А может ли это произойти? Это феномен, он существует давно, это такая разветвленная сеть, как она может исчезнуть? Тем более, она не японская, а корейская. Связи в политическом мире у нее очень большие. Может ли такое произойти, что она перестанет существовать или перестанет оказывать влияние на политический мир в Японии?

Стрельцов Д.В.

Может быть постановление суда о том, чтобы лишить эту организацию статуса юридического лица как религиозной организации, по-японски «сюкё ходзин» (宗教法人), что дает большие привилегии в налоговой и других сферах. Эта организация, которая изначально была создана как «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства», может быть лишена этого статуса, и в этом смысле она теряет смысл своего существования, потому что это все-таки религиозная организация изначально.

Но это не значит, что эта структура прекратит свое существование. Есть еще несколько организаций – «Федерация за мир», «Федерация женщин» и так далее. Это все аффилированные структуры, они формально не являются религиозными организациями, у них цели совсем другие, хотя они связаны между собой, все это прекрасно знают. Здесь может произойти закрытие этой Ассоциации. Проблема в том, что основа этой организации – религиозная деятельность. Фактически все эти структуры эксплуатируют религиозный и духовный вакуум, который существует в Японии, потребность в религии, каких-то постулатах. Поэтому лишение статуса религиозного юридического лица очень больно ударит по самой этой структуре, потому что без своей социальной основы в лице 50-70 тысяч адептов эта организация не сможет разворачивать свою деятельность в Японии.

Нелидов В.В.

Роспуск организации юридически не будет означать ликвидации организации как таковой. Здесь можно посмотреть, что случилось с «Аум синрикё», которая занималась куда более опасными вещами, чем то, что делает «Церковь объединения». Хотя «Аум синрикё» юридически, как организация, была распущена, но оставшиеся на свободе ее члены реорганизовались и образовали несколько новых религиозных организаций. Одна из них называется «Алеф», другая – «Хикари-но ва» (ひかりの輪), в переводе «Круг света». Одна из них более умеренная, другая по сути – то же самое, что и «Аум синрикё» по своим практикам и технологиям. Но одно дело, когда организация продолжает существовать в составе своих верных участников, а другое дело, когда она имеет возможность оказывать хотя бы какое-то влияние на общество, на политику.

«Алеф» находится под постоянным надзором полиции, к ним с очень большим подозрением относятся все местные жители, которые проживают рядом с их штаб-квартирой. Поэтому, если такой скандал приведет к роспуску организации, можно предположить, что любой японский политик еще много раз подумает, прежде чем идти на сотрудничество с преемником этой «Церкви объединения».

Я не говорю, что так и будет, но это возможный сценарий, при котором их авторитет будет существенно подорван.

Еще я хотел бы подчеркнуть, что не нужно думать, что политическая культура остается неизменной. Она меняется, в том числе под воздействием таких знаковых, шоковых событий. Возможно, японское общество, пройдя через период рефлексии, может начать гораздо более осторожно относиться к влиянию религии на политику. В этой связи есть еще один исторический пример, который я хотел бы привести – то, как волна левого радикализма в 1960–1970-х годах настроила многих японцев против радикальных левых политических движений.

Может быть, те процессы, которые запущены этим скандалом, приведут к чему-то подобному. В любом случае, такого, чтобы по завершении скандала все вернулось на круги своя, а политики снова негласно могли бы сотрудничать с «Церковью объединения», как я думаю, не будет.

Поступила в редакцию: 06.02.2023

Received: 6 February 2023

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-130-135

**Комедия положений, характеров и нравов.
Рецензия на книгу Дзиппэнся Икку
«На своих двоих по тракту Токайдо»**

Е.М. Дьяконова

Аннотация. Статья посвящена вышедшей недавно в издательстве «Гиперион» комической книге «На своих двоих по тракту Токайдо» выдающегося бытописателя эпохи Токугава (1603–1868 гг.) Дзиппэнся Икку. Издавшая это сочинение А.Ю. Борькина предприняла большой проект по переводу этой непростой для исследования и переложения «забавной книги» в жанре *коккэйбон*, предпослав ей основательное предисловие и снабдив необходимыми комментариями. Два героя, искатели приключений Ядзиробэй и Китахати отправляются в путешествие по главной японской дороге – тракту Токайдо, где встречаются с персонажами из всех городов и областей Японии, разных сословий и положений, попадают в смешные ситуации и с честью или с позором разрешают их. Дорога становится еще одним действующим лицом повествования, ведущим героев по городам и весям Японии. Книга, иллюстрированная самим писателем, пользовалась огромной популярностью у японцев XIX в., однако и в наши дни тяга к ней читателей не ослабевает, судя по многим пародиям на нее, манга, аниме, играм и проч. на темы приключений незадачливых героев.

Ключевые слова: Дзиппэнся Икку, «На своих двоих по тракту Токайдо», эпоха Токугава, комедия положений, юмористическая книга *коккэйбон*.

Сведения об авторе: Дьяконова Елена Михайловна, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (адрес: Москва 121069, Поварская ул, дом 25а, стр. 1), профессор Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ (адрес: Москва 106066, Старая Басманная ул., дом 21/4, стр. 3, аудитория L-212), ORCID 0000 0002 2714 91734, E-mail: elenadiakonova@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Е.М. Дьяконова. Комедия положений, характеров, нравов. Рецензия на перевод книги Дзиппэнся Икку «На своих двоих по такту Токайдо» // Японские исследования. 2023. № 1. С. 130–135. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-130-135

**An observational comic novel of manners.
Review of the Russian edition
of the book *Footing It Along the Tōkaidō* by Jippensha Ikku**

Е.М. Dyakonova

Abstract. The article offers a critical review of the Russian edition of the comic novel *Footing it Along the Tōkaidō* by an outstanding writer of the Tokugawa era (1603–1868) Jippenshya Ikku. Recently published by Saint Petersburg's *Hyperion*, the novel was masterfully translated from Japanese by Anastassya

Y. Borkina who thoroughly studied this complex observational comedy of manners or humorous book (*kokkeibon*) and provided the necessary analytical apparatus, including commentaries and a preface. The narrative develops around the adventures of two characters, Yajirobei and Kitahachi, who embark on a journey along the so-called Tōkaidō road, the most important of the routes of Japan, connecting Edo and Kyoto. They meet various personages from a variety of cities and regions as well as from different strata of society, getting themselves into farcical situations and every time finding their way out of comic conundrums. The road itself works as a central axis of the story, propelling the characters forward and offering diverse settings for their escapades. The novel with illustrations by the writer was especially popular in nineteenth century Japan, yet the adventures of Yajirobei and Kitahachi remain well-known up until today, providing inspiration for a trove of literary parodies, manga novels, anime books, and video games.

Keywords: Jippensya Ikku, *gesaku*, “Footing it Along the Tōkaidō”, Tokugawa era, comedy of manners, humorous book *kokkeibon*.

About the Author: Elena Dyakonova, leading research fellow, Institute of World Literature RAS (Moscow 121069 Povarskaya ul. 25a, str.1); Professor HSE University (Moscow 106066, Staraya Basmannaya ul., 21/4, str.3, L-212). ORCID 0000 0002 2714 91734. E-mail: elenadiakonova@rambler.ru

Conflict of interests. The Author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dyakonova, E.M. (2023) Komediya polozhenii, kharakterov i npravov. Retsenziya na knigu Dzippensya Ikku. «Na svoikh dvoikh po traktu Tokaido» [An observational comic novel of manners. Review of the Russian edition of the book Footing It Along the Tōkaidō by Jippensha Ikku]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 1, 130–135. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-130-135

В Санкт-Петербурге, в издательстве «Гиперион» вышла книга широко известного в Японии, но мало издававшегося на Западе бытописателя эпохи Токугава (1603–1868 гг.) Дзиппэнся Икку «На своих двоих по тракту Токайдо» (вступительная статья, перевод с японского и комментарии А.Ю. Борькиной. – Санкт-Петербург: ИД «Гиперион», 2022. – 576 с. ISBN 978-5-89332-391-7). Икку – комический рассказчик, мастерски владеющий пером, создатель неумирающих образов двух искателей приключений, двух жителей столицы – настоящих *эдокко* – Ядзиробэй и Китахати, кочующих по главной дороге страны в поисках развлечений и наживы. Комическая эпопея «На своих двоих по тракту Токайдо» (東海道中膝栗毛、*То:кайдо:тю: хидзакуругэ*), издававшаяся частями между 1802 и 1809 г., пользовалась большим успехом в Японии среди всех сословий: самураев, крестьян, ремесленников и торговцев, среди мужчин и женщин. Почти 75% японского общества было грамотно и с азартом читало книги с картинками и без. Легкомысленные герои, попадающие на дороге в смешные и трагические ситуации, покорили читающую публику неунывающим характером, юмором и отвагой, с которыми они встречали жизненные перипетии, с честью выходили из самых сложных положений, встречались с разнообразными человеческими пороками и добродетелями.

Переводчик книги А.Ю. Борькина смело взялась за очень трудную задачу. Дело в том, что, передвигаясь по тракту Токайдо от одной из 53 почтовых станций к другой, от столичного города Эдо к горной области Хаконэ и далее до бывшей столицы Киото и торговой Осаки, промотавшийся торговец Ядзиробэй и актер бродячего театра Китахати встречают множество людей, говорящих на разных диалектах: князей и бродяг, паломников, самураев, погонщиков волов, пьяниц, воров, служанок, девиц, хозяев чайных домиков и гостиниц. На каждой почтовой станции хозяева и постояльцы используют словечки, типичные для мест их проживания; толпа, движущаяся по тракту, говорит на разных наречиях, использует лексику, свойственную разным сословиям. Передача этих словечек средствами другого языка – задача не из легких. Автор перевода разъясняет некоторые сложности понимания своеобразного юмора книги комментариями либо старается адаптировать русский текст для лучшего понимания. Мы видим в книге не только разнообразие человеческих типов, красоту пейзажей

и достопримечательностей, но и наблюдаем переливы разговорного языка в своеобразном «дорожном» преломлении, воочию наблюдаем картину свободной, ничем не стесненной японской речи.

К моменту публикации эпопеи «На своих двоих...» японская литература знала долгую традицию путевых дневников, начиная с «Дневника путешествия из Тоса» (土佐日記、*Tosa Nikki*, X в.), – образцовых записей путешествия с острова Сикоку в столицу прославленного поэта Ки-но Цураюки, которыми «озаглавлена» вся обширная литература путешествий. Этот жанр за многовековую историю вместил множество сочинений, в нем выработались определенные правила. Успех сочинения Икку связан с ярким и выразительным языком, использующим всю палитру разговорной речи, со смешными героями, попадающими впросак, напоминающим жанр древнейшего театрального действия – комедию положений. Одним из примеров такой комедии филологи называют «Комедию ошибок» У. Шекспира, близкую к фарсу и буффонаде, где юмор является самодовлеющим, а также пьесы Ж.-Б. Мольера, например «Тартюф, или обманщик»; в современной литературе критики обычно называют комедию П.Г. Вудхауса «Дживс и Вустер». Применительно к книге Икку мы можем говорить также и о жанре комедии характеров и комедии нравов – поскольку автор описывает характеры главных героев и их многочисленных попутчиков, а также рисует в юмористическом ключе широкую картину нравов, разворачивающуюся на главной японской дороге, причем источником юмора становится суть нравов и характеров, их пороки, страсти, недостатки.

Очевидна театральная природа сочинения Икку, повествование построено на бесконечных диалогах главных героев между собой и со встречаемыми на дороге. Причем речь эта пересыпана шутками-прибаутками, острыми словечками, байками, быличками на самые разные темы, стихами на злобу дня; разговоры оттенены игрой слов, выразительными междометиями, искусно обыгрываемыми омонимами. Ощущается влияние театральной стихии Кабуки, причем не только головных театров Эдо, Киото и Осаки, но и более свободных в жанровом отношении маленьких бродячих театриков, выступавших на отмелях рек¹.

Некоторые исследователи предполагают, что «На своих двоих...» изначально сочинялось как путеводитель по знаменитым местам страны – еще один популярнейший жанр эпохи Токугава. По замыслу Икку, Ядзиробэй и Китахати сначала шли из Эдо в соседнюю область Хаконэ, но необычайная привлекательность их приключений для самой широкой публики заставила писателя продолжить повествование. Однако характерные черты путеводителя сохранились: из текста можно было почерпнуть полезные сведения по географии, особенностях встречающихся на дороге местечек, о еде (вспоминаются знаменитые лепешки Мироку, подливка *тороро* из тертой картошки!) и питье, о ценах на лошадей, на гостиницы и множество других вещей, которые могли пригодиться в дороге. Такие сведения ценились практичными путешественниками, отправляющимся по делам из столицы в провинцию, однако очевидно, что художественная стихия превозмогает приземленные интересы. Отточено острие шуток, язвительны насмешки, остроумны и бесконечно разнообразны ситуации, в которые неизменно попадают герои. На всем протяжении повествования сохраняется легкий комический эффект происходящего, хотя зачастую герои сталкиваются с темными, опасными и низменными сторонами жизни.

Дзиппэнся Икку известен не только как неистощимый на выдумку комический бытописатель, но и как прекрасный художник-иллюстратор своих книг. Галерея созданных им на бумаге комических образов подтверждает и уточняет характеристики автора, помещает героев в визуальное пространство дороги. Портрета в строгом смысле слова не было, но его

¹ Актеры бродячих театров считались париями, им запрещено было выступать на городских территориях, речные отмели считались ничейной землей, там разнообразные труппы – цирковые, театральные, музыкальные – давали спектакли, которые пользовались огромной популярностью.

персонажи всегда были узнаваемы по жестам, одежде, эксцентрическим позам. Традиция популярной литературы *гэсаку* эпохи Токугава породила плеяду писателей-художников, многие из которых были и талантливыми издателями, и распространителями своих книг, содержателями *хонъя* – печатни и книжной лавки. *Хонъя* помещались в густонаселенных районах процветавших городов, рядом селились писатели, художники, издатели, а читатели всегда находились поблизости. Издание популярных книг рассматривалось как успешный коммерческий проект, некоторые авторы были сугубо плодовиты, публикуя по несколько комических книг разных развлекательных жанров² в год. Сам Икку считается автором более 360 произведений.

Внутри сложившегося канона токугавской иллюстрации царствовала свобода самовыражения; подчиняясь многочисленным правилам, писатель-художник тем не менее оставался собой – остроумным или лиричным, печальным или саркастичным. Картинки в книге лаконичны, они запечатлевают какой-то один момент в жизни героев – встречу, отдых, приключение, пейзаж, сближаясь с поэтическим жанром трехстиший-*хайку*. На поле иллюстрации непременно помещались разъяснительные тексты, куда идут герои, что делают в данный момент, кого встретили; часто записи делались в стихотворной форме.

Поэзия занимает важное место в прозе Дзиппэнся Икку, как и во всей классической японской литературе. В таких жанрах, как *ута-моногатари* («песенное повествование») пятистишие-*танка* – нервный узел повествования, прозаический фрагмент строится вокруг поэтического текста. В эпосе «На своих двоих...», принадлежащей к свободному жанру «забавной книги», пятистишия-*танка* обозначают реперные точки повествования; это те пуанты, на которых концентрируется мысль автора: размышление, насмешка, наблюдение, характеристика, взгляд на дорогу и многое другое. Отчасти стихотворение повторяет прозаический отрывок, усиливая, концентрируя его качества. В прозу включены и стихи других жанров: *хайку* и *сэнрю*, шестистишия-*сэдо:ка*, «сумасшедшие песенки» *кё:ка*. Как художник Дзиппэнся Икку прекрасно видит весь путь, пройденный его героями, словно в увеличительное стекло, в целом и в деталях, делая стихотворный акцент на наиболее важных для него моментах, причем легко и свободно. Стихи сродни картинкам, где двумя-тремя штрихами рисуется сценка, пейзаж, портрет. Изредка Ядзи и Кита обмениваются *танка*, как ученые стихотворцы, однако стихи у них потешные, это пародии на высокую поэзию, которой они якобы подражают. Приведем в пример *танка* с предисловием- *дзё* из главы «От Футю до Марику»:

«Эй, Ядзи, гляди! – воскликнул Кита. – А нас потащили, где глубоко было! Еще и по шестьдесят четыре мон с носа содрали!

На переправе
Обмануты были.
Втридорога
Перевезли нас
Через глубокие воды» [Дзиппэнся, с. 133].

Тема денег очень популярна, как в прозе, так и в поэзии насмешливой эпохи Токугава. Процветавшее городское население: торговцы, самураи, потерявшие хозяев, часто пускались в коммерцию; и, хотя торговцы занимали низшую ступень в иерархии сословий, финансовая мощь была на их стороне, самураи же были людьми образованными. Даже литература стала

² Жанры развлекательной литературы *гэсаку* отличались большим разнообразием: это и «забавные книги» *коккэйбон*; повести о «веселых кварталах» *сярэбон*; комические книжки с желтыми, красными и голубыми, черными ярлыками на обложке (*кибё:си*, *акабё:си*, *аобё:си*, *куробё:си*); облегченные книги *тю:бон* о самурайских подвигах; юмористические произведения, издававшиеся отдельными выпусками *гокан*, и другие.

выгодным финансовым предприятием, кормившим множество людей: издателей, печатников, граверов, писателей, художников, продавцов книг, делателей бумаги и ксилографов.

Еде и питью посвящено много страниц в эпопее Икку, причем описание блюд часто искусно переплетается с изображением исконно японского пейзажа, например, в *танка* (глава «От Мариико до Окабэ»):

«Как тофу в миске,
Белеет вдали
Окабэ – тихая гавань,
Где путник усталый
Найдет приют и отдых» [Дзиппэнся, с. 136].

Неожиданные повороты темы в стихах Икку можно проиллюстрировать примером из главы «От Сирасука до Футагава»:

«На севере тянулись горы, а на юге простиралось бескрайнее синее море – воистину неопишимо красивое зрелище!

Заворожен
Видом в Сиомидзака,
Прекрасным, словно
Глубокие глаза
Кокетливой незнакомки» [Дзиппэнся, с. 146].

Икку свободно пользовался гиперболой, гротеском, фантастикой: все, особенно телесное, подвергалось осмеянию. Телесность, телесная любовь – важная тема книги, которой посвящены многие страницы повествования. Над телесными проявлениями герои потешаются, однако «смех...», – как отмечает А.Ю. Борькина в предисловии к переводу, – практически не несет в себе негативного элемента, но формирует «новую нормальность», освобождая телесное из рамок ограничений и возвращая течение жизни к реальному, в котором чувственные наслаждения составляют неотъемлемую, значительную часть» [Дзиппэнся, с. 17–18].

Самый распространенный в книге художественный прием – это *угати* (穿ち), слово это многозначное: это и «просверливать дырку», «пронзать», и «проникать в душу вещей», «попадать в точку». Некоторые японские авторы отмечают, что есть значение «подсматривать в щелку», однако толковые словари такого значения не дают. В форме *угатта* слово имеет значение «меткий», «проницательный». Автор перевода и предисловия А.Ю. Борькина рассматривает значение *угати* расширительно, как «демонстрацию и осмеяние недостатков», она считает, что по своей сути «*угати* представляет собой совмещение в одной сцене приятного и отвратительного, противоречие которых позволяет взглянуть на... ситуацию под новым углом... К этому же приему относится нарочитая демонстрация пороков персонажей...» [Дзиппэнся, с. 16].

Не стоит, однако, рассматривать эпопею «На своих двоих...» только как несколько легкомысленную и даже временами вульгарную повесть о нравах большой дороги, ведь в ней автору удалось представить мнения самых разных людей по поводу происходящего в стране. В конце XVIII в., да и в эпоху Токугава вообще, общественные нравы были строгими и не допускали вольностей, о властях нельзя было говорить ничего – ни хорошего, ни плохого, наказание следовало немедленно и было скорым и жестоким. Писателей, художников, издателей заключали в колодки на долгие сроки, вынужденная неподвижность на месяцы была серьезным наказанием, известны случаи, когда многие из них переставали писать. Тиражи книг уничтожались, *хонья* закрывались, издательства разгонялись. Однако легкая

комическая форма позволила Дзиппэнся Икку говорить как бы в шутку о многих серьезных общественных установлениях. Вульгарные уста произносили важные вещи несерьезно, многое гиперболизировалось, искажалось, но... *dolor non intellegitis*³.

Появление подражаний популярной книги доказывает ее ценность в глазах читателей: в самом начале эпохи Мэйдзи, в 1870–1878 гг. частями публиковалось примечательное сочинение писателя Канагаки Робун «На своих двоих по Западному миру» (西世道中膝栗毛, *Сэйё до:тю: хидзакуригэ*). Это была прямая пародия на комическую эпопею Икку: те же герои Ядзиробэй и Китахати отправляются в Европу при содействии купца из Иокогамы, путешествуют по выдуманным странам и попадают за границы в нелепые ситуации, из которых с честью выходят. Сам писатель на Западе не бывал, а пользовался сведениями из книг просветителя Фукудзава Юкити, поэтому Европа в его сочинении не настоящая, а только образ ее, созданный в Японии. В этом сконструированном образе для японцев поначалу было что-то забавное, непонятное и чудное. Эта эпопея тоже пользовалась в Японии большим успехом, читатели сравнивали приключения героев в Японии и в Европе. Настоящее узнавание и понимание западной цивилизации началось позже, это был первый, весьма своеобразный этап просвещения в Японии, совпавший с европеизацией. Появление пародии на сочинение Икку подтверждает неумирающую популярность этой книги, а в последние десятилетия публикация многочисленных *манга* (например, «Комический мир. Серия лучших произведений *манга* «На своих двоих» — 漫画コミック世界名作シリーズ膝栗毛、*Манга комику сэкай мэйсаку сиридзу хидзакуригэ*), аниме, игр, карикатур на тему путешествия Ядзиробэй и Китахати говорят о том же.

Концовка эпопеи традиционна, канонические произведения японской прозы обычно не имеют такого ярко выраженного завершения, как европейские романы. Неутомимые герои снова собираются в путь, который не имеет завершения, собственно, дорога – это метафора всей жизни. «В этот раз направили они свои стопы по тракту Кисодзи, намереваясь поразвлечься хорошенько на горячих источниках в Кусацу, помолиться в храме Дзэнкодзи, посетить знаменитые горы Мёги и Руна, ну а потом наконец вернуться домой в славный город Эдо» [Дзиппэнся, с. 539]. Последняя фраза Икку обращена к читателям, автор сообщает, что уже много рассказал о приключениях своих героев и наконец откладывает в сторону неутомимую кисть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзиппэнся Икку. На своих двоих по тракту Токайдо / вступительная статья, перевод с японского и комментарии А.Ю. Борькиной. Санкт-Петербург: «Гиперион». 2022. 576 с.: ил.

REFERENCES

Jippensha, Ikku. (2022). *Na svoikh dvoikh po traktu Tokaido* [Footing It Along the Tōkaidō]. Preface, translation, comments by A.Yu. Borkina. Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).

Поступила в редакцию: 20.01.2023

Received: 20 January 2023

Принята к публикации: 27.02.2023

Accepted: 27 February 2023

³ *dolor non intellegitis* – перевод с лат. яз.: «умный поймет».

Научное издание

**Японские исследования
№ 1, 2023**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	28.03.2023
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

**Japanese Studies in Russia
No. 1, 2023**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	28 March 2023
----------------	---------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究